

RESEARCH

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Е.В.Зарецкий

Эрланген, Германия

Summary: This article focuses on several aspects of the post-war tendencies in the development of German and their possible ethnolinguistic explanations (e.g., increasingly active usage of onomatopoeia, reflexive verbs, possessive pronouns, passive voice, auxiliary verbs, abbreviations). Special attention is paid to the factors which are normally explained by the ethnolinguists as expression of Anglo-Saxon pragmatism, individualism, activism, economy, masculinity etc. (reflected in the English language which now influences German) and which could be also attributed to the typological traits of analytic languages.

В задачи данной статьи входит сравнительная культурологическая характеристика немецкого, русского и английского языков, описание некоторых социокультурных изменений в ФРГ второй половины XX века, отражённых в немецком языке, и сравнение этих изменений с похожими процессами, наблюдающимися в России после 1991 года. Также рассматриваются некоторые проблемы и методы этнолингвистики на примере немецкого и других языков.

Перед тем как перейти непосредственно к описанию языковых явлений, имеет смысл рассмотреть некоторые социологические данные, иллюстрирующие культурологические константы и новые тенденции в развитии современного немецкого общества. Большинство опросов проведено в 1990-е годы Демоскопическим Институтом Алленсбах.

1. Жители «старых земель» (т.е. не входивших в состав ГДР) проявляют бóльшую уверенность в своих силах, они чаще готовы брать на себя личную ответственность; верят в то, что они сами являются кузнецами своего счастья, гордятся предприимчивостью и деловой хваткой. Особенно это относится к прослойкам населения, поддерживающим партии CSU/ CDU (правые) и FDP (либералы), по сравнению с электоратом PDS (социалисты) [Köchner 1997: 73, 66].
2. В «новых землях» (входивших в состав ГДР) бóльшую роль играют моральные и семейные ценности, поиск высокой цели в жизни, личное участие в построении лучшего общества (а не только личной судьбы); более высоко оцениваются помощь слабым, социальная справедливость, патриотизм, национальная гордость; равенство в обществе важнее свободы (следует отметить, что со свободой в ФРГ неразрывно

- связывают социальную стратификацию по доходам) [Köchner 1997: 34-35, 38, 65, 67, 69, 71, 92, 481-483, 485, 648].
3. В «старых землях» бóльшую роль играют терпимость, свобода личности (уже несколько десятков лет считающаяся более важной, чем равенство), консерватизм, демократия, участие в политической жизни общества (напр., в выборах), неприкосновенность приватной сферы [Köchner 1997: 71, 92, 648]. В 1993-1994 гг. свобода личности была важнее равенства в обществе для 58% опрошенных в «старых землях», 36% опрошенных в «новых землях» и, для сравнения, 29% русских [Schabanowa 1996: 220]. 67% опрошенных гордятся достигнутым уровнем свободы личности в ФРГ (1997 г.) [Köchner 1997: 485].
  4. После объединения Германии бывшие жители ГДР в опросах особенно отмечали такие изменения в обществе, как растущая свобода личности, исчезновение уверенности в завтрашнем дне и ухудшение человеческих отношений (опросы в 1992 и 1995 гг.) [Gensicke 1996: 102]. В 1996 г. 88% опрошенных из бывшей ГДР подтвердили, что после объединения с ФРГ отношения между людьми значительно ухудшились [Köchner 1997: 603].
  5. С точки зрения 76% опрошенных, немецкое общество можно назвать *Ellenbogengesellschaft* (т.е. «общество, где надо работать локтями»); 82% отмечают развитие эгоизма, особенно в прослойке населения с высокими доходами (1995 г.); 65% полагают, что развитию эгоизма способствует рыночная экономика (на востоке 85%); с точки зрения 57% опрошенных, немецкие предприниматели обращают всё меньше внимания на социальные факторы и всё больше концентрируются исключительно на максимализации доходов (на востоке Германии этот показатель достигает 76%) [Köchner 1997: 101, 674-675, 683].
  6. 42% населения Германии – протестанты [Köchner 1997: 9]. Именно они чаще других групп населения верят в то, что сами определяют течение своей жизни, особенно в «старых землях» [Köchner 1997: 89].
  7. В 1980-1990-е гг. всё больше людей негативно оценивали высказывание «Я приветствую, когда деньгам уделяется поменьше внимания» (особенно это касается «старых земель») и позитивно оценивали «личное саморазвитие» (один из эвфемизмов для самообогащения) [Köchner 1997: 34].
  8. «Конкуренция – это хорошо. Она заставляет людей больше работать, вносить новые идеи»: да – 74%, нет – 16%. «Каждый должен брать больше ответственности на себя»: да – 53%, нет – 41% [Köchner 1997: 673].
  9. В ГДР с 1964 г. до самого конца регистрировалось больше браков, чем в ФРГ; заключались они раньше; дети там рождались, соответственно, тоже раньше, а общее число их было больше [Schäfers, Zapf 2001: 210, 212, 223]. В ГДР было меньше наркоманов, преступников и неонацистов, причём авторы *Das Handbuch zur Gesellschaft Deutschlands* напрямую связывают это с «антииндивидуалистическим» действием системы социалистических ценностей [Schäfers, Zapf 2001: 622-634, 729]. Склонность индивидуалистов к насилию они объясняют, среди прочего, идеологией упомянутого выше *Ellenbogengesellschaft*, основанного

не на кооперации, а на конкуренции между отдельными индивидами и их группами. Кроме того, свойственный индивидуализму (в современной его форме) культ потребления охватывает и те слои общества, которые из-за низкой покупательской способности не в состоянии следовать ему в рамках закона [Schäfers, Zapf 2001: 622, 624]¹.

10. С точки зрения большинства восточных немцев, жители западных земель самоуверенны, жадны («sind auf's Geld aus») и амбициозны [Köchner 1997: 571].
11. Большинство опрошенных позитивно оценивает капитализм (1994 и 2003 гг.), хотя «с точки зрения значительной части населения свободный рынок со слабым государством противоречит принципам справедливости и человечности» [«Der Wert der Freiheit. Ergebnisse einer Grundlagenstudie zum Freiheitsverständnis der Deutschen. Oktober/ November 2003» 2003].
12. Согласно кросс-культурным исследованиям Г.Хофстеде, в Германии достаточно ярко выражен индивидуализм, хотя разрыв с самыми индивидуалистичными странами мира остаётся достаточно большим: ФРГ – 67 пунктов, Канада – 80, Великобритания – 89, Австралия – 90, США – 91 [Wienges 2003: 144]. Согласно *World Values Survey* (серия международных опросов, проведённых в 1990-е гг.), ФРГ уступает по индивидуализму (self-expression values) лишь США, Швеции, Новой Зеландии, Австралии, Канаде, Швейцарии, Норвегии и Нидерландам. Бывшая ГДР рассматривалась в рамках этого исследования отдельно, поскольку её система ценностей значительно ближе к коллективизму (survival values) и находится примерно на одном уровне с Японией, Бельгией, Италией, Австрией, Францией и Северной Ирландией. Россия находится по уровню развития self-expression values на предпоследнем месте перед Молдавией; всего было опрошено население 65 стран. Таким образом, Россия и США представляются в этом отношении двумя противоположными полюсами, в то время как ФРГ находится на относительно небольшом расстоянии от всех англосаксонских стран [Inglehart, Baker 2002]. Подробное описание типичных характеристик индивидуализма и коллективизма см. в Приложении 1.
13. В ФРГ сокращение коренного населения зарегистрировано ещё в начале 1970-х гг., в остальных странах с преобладающей индивидуалистической идеологией население либо уже начало сокращаться, либо остаётся на нулевом уровне роста и/ или пополняется лишь за счёт иммигрантов [Miegel, Wahl 1993: 84, 93]². Редким исключением до недавнего времени оставалась Япония, но в 2005 г. число умерших превысило число родившихся и в этой стране [«В Японии впервые в истории смертность превысила рождаемость» 2005]³.

¹ Ср. пропаганда потребления через рекламу как причина роста преступности; конкуренция способствует росту агрессивности; индивидуализм и рост преступности: [Myers 2002: 385, 521, 553].

² Малодетность в индивидуалистических культурах: [Hofstede 2002: 236].

³ Г.Хофстеде связывает индивидуализацию Японии с распространением западных общественных институтов типа школьного образования: [Wienges 2003: 55].

14. В *Das Handbuch zur Gesellschaft Deutschlands* отмечаются следующие тенденции в развитии немецкого общества после 1945 г.: рост количества сексуальных партнёров, обесценивание верности в браке и любовных отношениях, снижение возраста первых половых связей, разрыв с традициями, рост толерантности к гомосексуалистам и проституткам, деинституционализация брака, «освобождение» от влияния авторитетов (в т.ч. родителей и преподавателей), возрастающая социокультурная ценность саморазвития, самостоятельности, изъятия свободы воли и преследования личных целей, которые могут идти вразрез с интересами окружающих [Schäfers, Zapf 2001: 579, 212, 625, 729-730]⁴. Все эти явления немецкие социологи связывают с индивидуализацией немецкого общества, а саму индивидуализацию – с ростом благосостояния с середины 1960-х гг. [Schäfers, Zapf 2001: 212, 625, 730-731]. Институты, традиционно сохраняющие определённые коллективистские устои (армия, профсоюзы, семья, школа, церковь), постепенно утрачивают влияние на всём Западе вот уже на протяжении нескольких десятилетий [Lipovetsky 1995: 49, 54].
15. Следующие высказывания о послевоенном американском обществе, взятые из одной из самых известных работ по социологии (*Social psychology* Д.Майерса), в полной мере относятся и к ФРГ, что показывает всю глубину влияния США на эту страну: «Close, enduring relationships are in decline. Compared to several decades ago, people today more often move, live alone, divorce, and have a succession of relationships», «Parents have become more likely to prize independence and self-reliance in their children, and less concerned with obedience. Clothing and grooming styles have become more diverse, personal freedoms have increased, and common values have waned», «increases in most Western countries in rates of divorce, teen suicide, juvenile violence, and babies born to unmarried parents» [Myers 2002: 466]⁵.

Таким образом, социокультурные процессы, наблюдаемые в последние десятилетия в Германии, можно считать отражением соответствующих процессов в США: очевидно, именно влияние этой страны явилось катализатором индивидуализации со всеми присущими ей аспектами, хотя нельзя исключить, что определённые тенденции получили бы развитие и без влияния североамериканской культуры (например, П.фон Поленц отмечает, что понятие *брак* начало терять сему «деторождение обязательно» ещё в XIX веке [von Polenz 1999: 372]).

---

⁴ Ср. толерантность к гомосексуализму на Западе; распад института брака на Западе; распространение «свободных» отношений стало возможным благодаря абортам, предохранению, стерилизации; разрыв с традициями; распространение эротики и порнографии, «унижение человека до уровня объекта» на всём Западе; борьба против авторитетов на всём Западе: [Lipovetsky 1995: 154, 49, 71, 41, 165]. Борьба против авторитетов как следствие индивидуализма: [Miegel, Wahl 1993: 55, 53].

⁵ Усиление индивидуализма: [Myers 2002: 553]. Ср. «неавторитарный» стиль образования/ воспитания на всём Западе; всё меньше уважения к родителям: [Lipovetsky 1995: 30, 49].

Возможные причины генезиса индивидуалистической системы аксиологических координат в немецком обществе послевоенного периода следует рассмотреть отдельно. Как указано выше, речь в данном случае идёт о продолжении определённых тенденций, наметившихся задолго до окончания Второй мировой войны и лишь усиленных влиянием американизма. К различным факторам, способствовавшим возникновению и распространению современной формы индивидуализма на Западе, обычно причисляют следующие: Ренессанс, возникновение среднего класса, влияние христианства (особенно протестантизма), рационализма и материализма (с другой стороны, эти три фактора могут считаться и результатом распространения индивидуализма), демократизация, разграбление колоний и, как следствие, значительное повышение уровня жизни в Европе [Salès 1995: 26-45, 158]⁶; урбанизация и распространение грамотности [Schäfers, Zapf 2001: 729, 732]⁷. Современные исследователи обычно связывают рост индивидуализма в обществе с ростом благосостояния и исчезновением факторов, угрожающих самому существованию данного народа или конкретного индивида (Bedürfnistheorie). Развитие коллективизма (т.е. ценностей, ориентированных на выживание коллектива любой ценой) ассоциируется, соответственно, с бедностью и/или тяжёлыми условиями существования, обусловленными социальными, политическими или географическими факторами (войны, эпидемии, постоянные засухи, очень низкие температуры, частые неурожаи и т.д.) [Уткин 2005; Узилевский 2001; Захаров 2000: 78-84; Чубайс 2000; Стернин 2005: 335; Prokopishina 2002; «Андрей Столяров: На русский характер повлияли долгая зима и холодное лето» 2005; Тер-Минасова 2000: 207]⁸. Эта теория объясняет, среди прочего, почему именно самые бедные прослойки общества обычно достигают самых высоких показателей на шкале коллективизма [Gudykunst 1998: 98-99]⁹, а городские жители, представители самых богатых и образованных слоёв

⁶ Коллективизм как реакция на секуляризацию и нищету; индивидуализм как следствие Ренессанса, Реформации, рационализма, либерализма, христианства: [Weippert 1964: 18-21]. Реформация, усиление среднего класса и «classical republicanism» как основа индивидуализма: [Bellah 1985: 142, 148]. Племена, занимающиеся охотой и рыбалкой, индивидуалистичней племён, занимающихся возделыванием сельскохозяйственных культур: [Kagitçibasi 1995: 60]. Богатство и демократия способствуют индивидуализации: [Yamaguchi 1995: 184]. Протестантизм, Ренессанс, индустриальная революция, миграционные процессы, благосостояние как причины возникновения индивидуализма в Англии: [Triandis 1990: 44]. Связь между индивидуализмом и благосостоянием: [Miegel, Wahl 1993: 46].

⁷ Связь между индивидуализмом и образованностью: [Reykowski 1995: 285]. Связь между индивидуализмом и урбанизацией: [Wienges 2003: 15].

⁸ Напр., [Макшанцева 1997: 103-107; Маслова 2001: 24]. Недостаток ресурсов как причина возникновения коллективистских культур: [Schäfers, Zapf 2001: 728]. Коллективизм или *Survival values* как реакция на бедность, индивидуализм или *Self-expression values* как реакция на благосостояние: [Diez-Nicolás 2002]. Коллективизм и индивидуализм как общественные инструменты для достижения различных целей: [Ивин 2000: 46]. Обо всех коллективистских культурах: [Triandis 1990: 70; Hofstede 2002: 253]. Первобытный коллективизм как средство борьбы за существование: [Розенталь 1972: 181].

⁹ В США: [Triandis 1990: 68].

населения, напротив, отличаются ярко выраженным индивидуализмом [Miegel, Wahl 1993: 34-38].

Возможно, что самые первые формы существования человеческого общества основывались на коллективистском мировоззрении, ставящем превыше всего выживание племени и ограничивающем права индивида (который, скорей всего, поначалу вообще не воспринимался как таковой). Чёткая иерархия, наложение многочисленных обязанностей на каждого члена коллектива, сознательный отказ от счастья и просто удовольствий (не говоря уже о гедонизме), готовность к самопожертвованию и тяжёлой работе без адекватного вознаграждения, долготерпение и умение довольствоваться малым, обязательная многодетность и сплочённость коллектива перед внешним врагом – всё это составляло ту самую модель развития, которая, очевидно, на протяжении многих тысячелетий гарантировала сохранение человеческого рода. Нетрудно узнать в этом описании и черты официальной советской идеологии, особенно её сталинского образца [ср. Касьянова 1994; Miegel, Wahl 1993: 15]. Известно также, что К.Маркс сознательно разрабатывал свою доктрину как противовес радикальному индивидуализму капиталистического общества¹⁰, а немецкие социалисты начала XX века видели призвание Германии в освобождении всего мира от индивидуализма¹¹. Таким образом, ценности коллективизма противоположны ценностям индивидуализма, на котором основана идеология рыночной экономики.

Американские учёные распознали взаимосвязь между бедностью, коллективизмом и коммунизмом ещё во времена Г.Трумэна [McDowell 2002: 298], благодаря чему страны, находившиеся, с их точки зрения, под особой угрозой распространения коммунистической идеологии: Япония под влиянием Китая, Южная Корея под влиянием Северной и ФРГ под влиянием ГДР, – получили колоссальные средства, сделавшие возможным максимально быстрое восстановление экономики, резкое повышение уровня благосостояния и, как результат, популяризацию индивидуализма. Следует особо отметить тот факт, что многие западные учёные, включая Г.Хофстеде, и по сей день исходят из того, что «...an increase in wealth leads to an increase in individualism» [Hofstede 2002: 228; ср. McDowell 2002: 298; Kashima, Kashima 2003: 127], что капитализм и демократия неразрывно связаны с индивидуализмом, а коммунизм и плановая экономика – с коллективизмом [Stojanov 1996: 239; Triandis 1990: 101, 103;

¹⁰ Ср. «Marx called for the creation of a collective based on communal ownership and shared goals that curtailed excessive individualism. It meant creating a new economy based on communal ownership rather than individual ownership, a centralized system rather than a distribution system based on the law of supply and demand, and a central bureaucracy rather than democratic representation» [Kim 1995: 22].

¹¹ Напр., К.Прибрам (1922 г.) описывал немецкий социализм как «eine aus dem tiefsten Denken und Wollen des ganzen deutschen Volkes – nicht nur der Arbeitsklasse – emporwachsende Abwehrbewegung gegen die auf der Grundlage des Individualismus aufgerichtete kapitalistische Wirtschaftsordnung; der Individualismus selbst, seine Denk- und Wirtschaftsformen werden als bedenkliche Eindringlinge aus dem Westen charakterisiert, deren Überwindung, zunächst in eigenem Land, dann in der Welt, Deutschlands große Mission ist» [цит. по: Dumont 1991: 166].

Brockhaus 1997: т. 12, с. 184, т. 10, с. 484; Meyers großer Universallexikon 1989: т. 8, с. 31, 7, 51; Dahl 2000b; Webster's Third New International Dictionary of the English Language. Unabridged 1981: т. 1, с. 445, т. 2, с. 1152]¹² (причём в этом отношении с ними была солидарна и советская наука¹³). Типичное объяснение трансформации системы ценностей через рост благосостояния в послевоенном западногерманском обществе выглядит следующим образом:

«In dem Maße, in dem die Knappheitsgesellschaft schwindet, also Wohlstand, soziale Sicherheit und Bildung etc. sich mehren, steigen im Prinzip die Freiheitsgrade, das Leben nach eigenen Zielsetzungen zu gestalten. Viele dieser Freiheiten wurden in den vergangenen Jahrzehnten auch genutzt: Dies zeigte seit den 70er Jahren der "Wertewandel" weg von materiellen Zielsetzungen und Pflichtwerden der Menschen, hin zu Selbstverwirklichungstendenzen. Dies kommt auch in Individualisierungsbewegungen zum Ausdruck, insbesondere in der Loslösung aus überkommenden Gemeinschaften von Familie, Klasse und Gemeinde. Strukturell wurden diese Tendenzen seit den 80er Jahren in einer Ausdifferenzierung von sozialen Milieus, Subkulturen, sozialen Bewegungen und Lebensstilen erkennbar. Geschlossene Makrokulturen, z.B. "der Unterschicht", sind heute nicht mehr nachweisbar. Die ausdifferenzierten Lebensweisen prägen allem Anschein nach die Selbstdefinition und Interesseninterpretation der Menschen in steigendem Maße» [Schäfers, Zapf 2001: 651-652].

У рассмотренной здесь теории имеются и определённые недостатки: например, она не объясняет, почему после развала СССР не усилился коллективизм, несмотря на тотальное обеднение широких слоёв населения (видимо, речь идёт о результате целенаправленной пропаганды индивидуалистических ценностей в прозападных СМИ и системе образования).

Тем не менее остальные теории имеют под собой настолько шаткую эмпирическую базу (а зачастую и только идеологическую), что едва ли могут серьёзно конкурировать с Bedürfnistheorie. Например, американские теоретики модернизации склонны видеть индивидуалистическую систему ценностей как самую прогрессивную из всех существующих на земле, и, соответственно, трансформация систем ценностей в других странах рассматривается ими либо как приближение к американской (эволюция), либо как удаление от неё (деградация). Одну из таких теорий – теорию конвергентности – критикует в своей книге *Culture's consequences* Г.Хофстеде [Hofstede 2002: 34]. Теория социализации рассматривает систему ценностей как продукт воспитания индивида, причём зачастую называется оп-

¹² Напр., [Kim 1995: 22]. Коммунизм как радикальный коллективизм: [Ивин 2000: 44]. «Communist political systems presuppose a certain level of cultural collectivism»; «The weaker the individualism in the citizens' mental software, the greater the likelihood of a dominating role of the state in the economic system. The stronger the individualism, the greater the appeal of market capitalism. Both historically and geographically, individualism is linked with market capitalism, competition, and political democracy» [Hofstede 2002: 243, 245].

¹³ Ср. «Пережитки индивидуализма в сознании людей в условиях социалистического об-ва находятся в глубоком противоречии с принципами коммунистической морали, к-рая противопоставляет индивидуализму коллективизм»; «Коммунизм означает высшую форму коллективизма» [Розенталь 1972: 146, 182].

ределённый возраст, после которого вносить какие-либо изменения в эту систему больше не представляется возможным [Schabanowa 1996: 214; Gulyanska 2005: 61; Дубов 1997: 104]. Теория социализации подразумевает восприятие уже существующих ценностей у окружения (родителей, друзей, преподавателей) и потому не может объяснить возникновение индивидуализма в ярко выраженных коллективистских культурах (типа советской), где с середины 1970-х гг. (согласно опросам [Schabanowa 1996: 212]) в окружении коллективистов начали массово появляться индивидуалисты. В рамках теории потребностей этот факт объясняется достижением относительного материального благополучия в советском обществе.

В коллективистских обществах принято ассоциировать индивидуализацию с развитием эгоизма [Ивин 2000: 244]¹⁴, а учёные из индивидуалистических культур обычно отвергают связь между этими явлениями [фон Хайек 2001] (хотя в отдельных источниках можно найти высказывания типа «We are selfish and we are proud of it» [Brown 1996: 137]¹⁵). Любопытно, что теоретики капиталистической идеологии, обещавшие во времена перестройки распространение всеобщего благосостояния при переходе к «правильной» (индивидуалистической) системе ценностей, теперь ищут объяснение тотальному обеднению России в разграничении «хорошего» и «плохого» индивидуализма: русские якобы избрали эгоцентризм (т.е. индивидуализм в виде радикального эгоизма, приводящего к войне всех против всех), имеющий мало общего с индивидуализмом западного типа [Коссов 2000]. Никаких эмпирических данных (например, результатов международных опросов), подтверждавших бы оправданность подобных разграничений, не существует, а такие события, как потоп в Новом Орлеане в 2005 г. и сопровождавшие его массовые убийства, изнасилования и грабежи, показывают, что с не меньшей обоснованностью эгоцентризм можно было бы приписать и американской культуре.

Кроме создания экономической основы для развития индивидуализма, американцы опробовали на жителях ФРГ программу перевоспитания (*Re-Education, Umerziehung*), смысл которой заключался в изменении менталитета немецкого народа путём управляемой трансформации системы ценностей [von Schrenck-Notzing 1996: 6-7]. Согласно заключению американского Комитета по перевоспитанию, опубликованному в декабре 1943 года, исправление немецкой нации возможно лишь путём тотального искоренения традиций данного народа (или, по выражению одного из документов на эту тему от 06.12.1949 за авторством К.Шмитта, путём «прививки другой души»), поэтому 25 апреля 1947 года «Директивой 54» было постановлено, что немецкая система образования должна содействовать развитию в учениках чуждых им демократических ценностей [Griesbach 2005]. Способствовать этому должны были предметы типа История США,

¹⁴ «Es wäre überflüssig, nochmals zu wiederholen, dass Individualismus und Egoismus ihrem Wesen nach identisch sind, dass bestenfalls der Egoismus als vollendeter Individualismus charakterisiert werden kann» [Mácha 1964: 207]. Только коллективисты «not motivated by self-interests» и «concerned with others»: [Yau-Fai Ho, Chiu 1995: 142]. «Die individualistische Ethik ist egozentrisch und egoistisch» [Dittrich 1917: 11].

¹⁵ Ср. индивидуализм – «heroic selfishness»: [Bellah 1985: 37, 143].

Английский язык и Граждановедение [Nolzen 2000]¹⁶; открытие американских клубов и различных организаций под американским патронажем (напр., объединений молодых бизнесменов), проведение регулярных социологических опросов для контроля успешности мероприятий, маскировка проектов правительства США под деятельность НГО и международных организаций типа ЮНЕСКО, контроль СМИ (прессы, кинематографа, радио и телевидения), введение неавторитарного стиля преподавания [von Schrenck-Notzing 1996: 8-15]; поддержка отдельных личностей, разделяющих демократические ценности (причём особая роль отводилась реэмигрантам из США) [von Schrenck-Notzing 1996: 147-148], контроль над критикой внутренней и внешней политики американского правительства (в частности, финансирование ЦРУ журнала *Der Monat* в обмен на умеренность публикуемой там критики в адрес США) [Ermarth 2005: 40], определение дефиниций ключевых понятий типа *демократия* в лексиконах и СМИ [von Schrenck-Notzing 1996: 104].

В соответствии с американскими стандартами была переписана история: например, в четырёхтомном лексиконе *Das große GLB-Lexikon* ни в разделе «СССР», ни в разделе «Вторая мировая война» о победе Советского Союза не упоминается (зато делается акцент на Пакте Молотова-Риббентропа), а в разделе «США» сообщается, что решающий вклад в разгром Германии внесла Америка [Das große GLB-Lexikon 1966: т. 4, с. 2299, 2320, 2415]. Расширение сферы влияния СССР на Восточную Европу объясняется не освобождением от немецко-фашистских захватчиков, а «изворотливой политикой по отношению к странам Запада» [Das große GLB-Lexikon 1966: т. 4, с. 2106]. Более современные издания не являются в этом отношении исключением: о победе СССР во Второй мировой войне не сообщает ни *Multimedia Lexikon 2001* [Multimedia Lexikon 2001: CD], ни *Universal Lexikon* (но и здесь особо подчёркивается Пакт Молотова-Риббентропа, а о США сказано, что «Genau wie im I. Weltkrieg wurde der Kriegseintritt der USA für Kriegsverlauf entscheidend») [Universal Lexikon 2000: 774, 935].

Ни в одной другой стране американские власти и НГО не прилагали таких усилий для повсеместного распространения своей идеологии, как в ФРГ: «In Germany, the United States worked hard to win the hearts and minds of future leaders by arranging official visits and semi-official exchanges under the auspices of philanthropic organizations. No other country in Europe was blanketed after 1945 with such a network of American cultural institutions (Amerikahäuser); nowhere else were there comparable programs for the translation and dissemination of American books and films» [Stephan 2005: 5]. Относительно успехов программы перевоспитания редактор изданного в Англии сборника статей на эту тему Николас Пронэй сказал следующее: «Несомненно, они [немцы и японцы] соответствуют представлению англосаксов об устройстве общества больше, чем могли бы мечтать авторы про-

¹⁶ Особое внимание уделялось также предметам История, Страноведение, Народоведение, а также предметам, связанным с политикой: [von Schrenck-Notzing 1996: 98-99, 146].

граммы перевоспитания»¹⁷. Можно предположить, что похожие методы применяются и в России после 1991 г.

Что касается ГДР, то пропагандировавшаяся там идеология коллективизма также была со временем воспринята местным населением, что видно по приведённым выше социологическим данным (более высокая рождаемость, готовность помогать слабым, высокая оценка социального равенства и т.д.), а также следующим особенностям локального варианта немецкого языка:

- отрицательные коннотации с некоторыми англицизмами: *Business, Boss, Manager, Management, Job, High Society, Lobby* [Schmidt 2000: 173-174], *Makler, Profit, Kapital* [Hellmann 2001: 235] (отражение негативной оценки стратификации общества по доходам),
- сравнительно небольшое число неологизмов (отражение лингвистического консерватизма, к которому обычно склонны коллективистские культуры),
- отсутствие «политкорректных» эвфемизмов типа западногерм. *Seniorenheim* и *Seniorenresidenz* вместо *Altersheim* (сам англицизм *Senior* был введен в ФРГ проамериканскими политическими силами, надеявшимися таким образом понравиться старшему поколению, которое благодаря развитию медицины увеличилось настолько, что приобрело значительный политический вес),
- «мы-наш-стиль» (*wir in der DDR, unsere Menschen*); достаточно вспомнить в этом контексте реакцию широких слоёв населения в постсоветской России на выражение Б.Ельцина *эта страна* вместо *наша страна*),
- безличный стиль (употребление *man* вместо *ich*) [Schlosser 2004: 161, 163-164, 166]¹⁸,
- растущая однородность языка (т.е. исчезновение диалектов и социолектов),
- склонность к разного рода клише и устойчивым выражениям [Bergsdorf 1979: 121].

Всё это приписывается и русскому языку в сравнении с языками западными [ср. Maeder 1964: 18-22]¹⁹. К.Айххоф-Цирус отмечает, что «...viele Frauen in der DDR fühlten sich durch die maskulinen Sprachformen nicht diskriminiert, weil sie sich selbst nicht für diskriminiert hielten» [Eichhoff-Cyрус 2004: 196] – вероятно, следствие более эгалитаристских отношений полов, свойственных коллективистским культурам. Некоторые кальки или прямые заимствования из русского языка также отражают в

¹⁷ Это высказывание было подтверждено результатами опросов 1980 года [цит. по: von Schrenck-Notzing 1996: 8-9, ср. 16].

¹⁸ Ср. «мы-наш-стиль»: [Bartholmes 1964: 51].

¹⁹ Напр., растущая однородность, склонность к разного рода клише и устойчивым выражениям: [Bergsdorf 1979: 98, 93], «мы-наш-стиль», безличный стиль: [Zybatow 1995: 203, 211]; «мы-наш-стиль», отсутствие в русском политкорректных выражений: [Тер-Минасова 2000: 159, 223]. Диалекты выражены в России меньше, чем в Германии: [Eckert, Sternin 2004: 92; Мусорин 2004: 24].

большей или меньшей степени идеологию коллективизма: *Kollektivvertrag*, *Kollektiv der sozialistischen Arbeit*, *Volkskunstkollektiv*, *Volksvertreterkollektiv*, *unzerbrüderliche Freundschaft*, *Volkssolidarität* (и другие композиты с элементом *Volks-*: *Volksarmee*, *Volkskammer*, *volkseigener Betrieb*, *Volksschule* etc.), *Brigadetagebuch*, сложные слова с *Bruder-* (плюс более частое употребление прилагательного *brüderlich*) [Hellmann 2001: 231, 233, 237, 242], *Kollektivierung*, *Druschba*, *demokratischer Zentralismus*, *Druschina* [Bergsdorf 1979: 116-117]. Свойственный коллективистским культурам антигедонизм можно узнать в негативных коннотациях, связываемых с англицизмом *Playboy* (согласно Дудену 1989 года, 'reicher junger Mann in bürgerl. Staaten, der nur dem Vergnügen lebt') [цит. по: Debus 1999: 21]. И сегодня англицизмы в речи жителей «новых земель» встречаются относительно редко (в т.ч. в молодёжном сленге) [Ehmann 2001: 166-167], а отношение к ним более негативное [Fink, Fijas, Schons 1997: 107-109].

Особенно чётко разница в идеологиях ГДР и ФРГ отражена в толкованиях некоторых ключевых понятий типа *свобода*. Так, в одном издании по истории индивидуализма в Германии (ГДР, Берлин, 1964 г.) *свобода* определялась следующим образом: «Freiheit ist nach marxistischer Auffassung bedeutend mehr als die liberalistische Forderung nach der 'Unabhängigkeit des Individuums'. Der Kommunismus zielt auf eine solche Freiheit des Menschen, die dem Individuum garantiert, in keinen grundsätzlichen Konflikt mit der Gesellschaft zu geraten, sondern sich voll zu entfalten» [Mácha 1964: 9], т.е. речь идёт, в первую очередь, о гармоничных отношениях с обществом (коллективом), а не о безоглядной независимости индивида. Следующее определение *свободы* подчёркивает свойственный коллективистским обществам патернализм («the key feature of the Soviet value system» [Moiseev 2004: 183]): «Unsere Freiheit hat die Befreiung von der Ausbeutung gebracht und die Möglichkeit, dass sich der Mensch wirklich unter menschlichen Bedingungen entfalten kann... (...) Die sozialistische Gesellschaft hat eine Freiheit von Not, von Unterdrückung für die Menschen erwirkt» (Radio DDR II, 1976 г.) [цит. по: Bergsdorf 1979: 115]. Решающая роль патернализма подчёркивается практически в каждом определении коллективизма:

«All [collectivist] individuals are assumed to be linked in a web of interrelatedness. Individuals are conceived to be embedded and situated in particular roles and status. They are bound by relationships that emphasize common fate. Individuals are encouraged to put other people's and the group's interests before their own. From a societal point of view, duties and obligations are prescribed by roles, and individuals lose "face" if they fail to fulfil these duties and obligations. Concession and compromise are essential ingredients in promoting role-based and virtue-based conceptions of justice. Social order is maintained when everyone fulfils his or her roles and duties. Institutions are seen as an extension of the family, and paternalism and legal moralism (i.e. moral values institutionalized in legal codes) reign supreme. In order to promote the collective welfare and social harmony, individuals are encouraged to suppress any individualist and hedonist desires» [Kim et al. 1995: 8]²⁰.

²⁰ Подчёркнуто автором.

«Collectivism... pertains to societies in which people from birth onwards are integrated into strong, cohesive ingroups, which throughout people's lifetime continue to protect them in exchange for unquestioning loyalty» [G.Hofstede, цит. по: Kim et al. 1995: 2]²¹.

«Коллектив заботится о человеке, об удовлетворении его потребностей, о полном развитии сил и дарований личности» [Розенталь 1972: 182].

Содержание понятия *свобода* для жителей ФРГ было установлено следующим опросом (2003 г.): 1) «frei sein von sozialer Not, frei von Armut, Obdachlosigkeit und Arbeitslosigkeit» – 22%; 2) «Freiheit bedeutet, das tun zu können, was einem gefällt, dass man reisen kann, wohin man will, dass man leben kann, wie man möchte» – 22%; 3) «Freiheit bedeutet, für sich selbst verantwortlich zu sein, sich frei für einen bestimmten Beruf zu entscheiden, für ein Land, eine Stadt, in der man leben möchte, und sich für ein Ziel einsetzen zu können, das man erreichen möchte» – 50%²². Таким образом, патерналистское толкование понятия *свобода* поддержали лишь 22% опрошенных (в основном, жители бывшей ГДР и женщины). Характерно и то, что (согласно тому же источнику) свободными себя чувствовали в 2003 г. 46% опрошенных в бывшей ГДР и 76% в «старых землях» – очевидно, для жителей бывшей ГДР содержание понятия *свобода* мало совместимо с тем, что им предложили после объединения Германии вместо гарантированного рабочего места, бесплатной медицины и бесплатного образования. В этом контексте можно вспомнить, что и в России после «освобождения от тоталитаризма» (как это представляла прозападная и западная пресса) более свободными себя почувствовали лишь 7% опрошенных (1996 г.) [Кертман 2000].

Особо обращает на себя внимание тот факт, что немецкие социологи, проводившие данные опросы, вообще отказываются признавать патерналистское (т.е. коллективистское) толкование свободы как имеющее право на существование:

«Drittens wird Freiheit gelegentlich verstanden als Freiheit von Not, Armut, Arbeitslosigkeit und allen möglichen Risiken des Lebens. In diesem Sinne verstanden ist Freiheit etwas, das von einem starken Staat gewährt wird und das mit dem Preis großer politischer und gesellschaftlicher Unfreiheit erkaufte wird. Diese Bedeutung von Freiheit wurde besonders in den sozialistischen Diktaturen in der DDR und anderen ost- und mitteleuropäischen Ländern propagiert. Sie ist von allen Bedeutungen des Begriffs Freiheit am weitesten von der Ursprungsbedeutung entfernt, steht in weiten Teilen sogar im Widerspruch dazu» [«Der Wert der Freiheit. Ergebnisse einer Grundlagenstudie zum Freiheitsverständnis der Deutschen. Oktober/November 2003» 2003].

Не удивительно, что оба значения слова *Freiheit*, которые, с точки зрения немецких социологов, являются «настоящими», соответствуют

²¹ Подчёркнуто автором.

²² В источнике упоминается ещё один факт: в Конституции ФРГ слова *frei* и *Freiheit* в разных комбинациях и дериватах упоминаются 45 раз, а *gleich* и *Gleichheit* только 14 раз. Авторы объясняют это тем, что немцам свобода важнее равенства [«Der Wert der Freiheit. Ergebnisse einer Grundlagenstudie zum Freiheitsverständnis der Deutschen. Oktober/November 2003» 2003].

значению *freedom* в США – именно этого и добивались авторы программы «перевоспитания». Например, американский культуролог Р.Белла определяет свободу как

«...being left alone by others, not having other people's values, ideas or styles of life forced upon one, being free of arbitrary authority in work, family, and political life. (...) ...to be free from others' demands. (...) It becomes hard to forge bonds of attachment to, or cooperation with other people, since such bonds would imply obligations that necessarily impinge on one's freedom. (...) Freedom is ... also somehow to be your own person in the sense that you have defined who you are, decided for yourself what you want out of life, free as much as possible from the demands of conformity to family, friends, or community. (...) ...freedom of each person to live where he wants, do what he wants, believe what he wants, and, certainly, do what he can to improve his material circumstances – that makes community ties so fragile» [Bellah 1985: 23-24].

Наиболее удачная формулировка определения *свободы* для всех индивидуалистических стран выглядит, на наш взгляд, следующим образом: «Solange er [Individualist] nicht die Rechte anderer beeinträchtigt, ist er in seinem Verhalten frei» [Miegel, Wahl 1993: 33, 53]²³. Толкование понятия *свободы* в России, как её понимает современный российский филолог В.Колесов, отражает коллективистскую сущность русской культуры, когда народ (коллектив, общность людей) ставится выше отдельных индивидов с их правами и независимостью:

«Свобода, как любовь, для русских не понятие, а символ, в котором совмещено сразу несколько смыслов, перекрывающих друг друга и явленных лишь в определённом контексте.

Свобода избирательно только для “своих” на основе двойных стандартов – не русское понимание свободы.

Свобода как личная независимость также не на первом месте.

Свобода как чувство нравственного достоинства – ценность не для всех.

Свобода как возможность выбора признаётся за разумный предел свободы.

Свобода как воля, народная свобода для всех равная – вот ценность, которая на Западе не признаётся свободой. “Но свобода только личная – призрачная свобода”, – утверждал Н.Фёдоров, мысливший согласно русской ментальности философа» [Колесов 2001: <http://www.auditorium.ru/books/55205/full55205.pdf>].

Обращает на себя внимание акцентирование В.Колесовым равной для всех свободы, не признаваемой в западном мире. Действительно, более высокая социокультурная оценка равенства свойственна (согласно Г.Хофстеде) в первую очередь странам с «авторитарными» режимами, где обычно довольно ярко выражены и коллективизм, и power distance (ещё одно измерение межкультурного анализа, о котором речь пойдёт ниже) [Hof-

²³ Ср. англосаксонский культурный сценарий: «каждый человек может делать то, что этот человек хочет делать, если с другими людьми из-за этого не случится ничего плохого»: [Вежбицкая 2001: 168] (на наш взгляд, вторая часть высказывания должна звучать, как «...если он при этом не может быть наказан» или «...если он при этом остаётся в рамках законности»).

stede 2002: 93, 96]²⁴. Согласно тому же Г.Хофстеде, в работах Ленина делался акцент на равенстве, в работах «среднестатистического» американского консерватора Б.Голдвотера – на свободе (признак индивидуализма), американские писатели-социалисты высоко ценили оба эти понятия, а Гитлер – ни одно из них [Hofstede 2002: 8]. Особое значение равенства для советского коллективизма подчёркивается в *Философском словаре*²⁵ (там же эгоизм приравнивается к одной из форм проявления индивидуализма [Розенталь 1972: 468]), а в *Словаре иностранных слов* 1983-го года коммунизм определяется как «бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества...» [Петров и др. 1983: 240].

После 1945 года немцы Западной Германии переняли в этом отношении американскую систему ценностей, что подтверждается приведёнными выше опросами, согласно которым равенство ценится в ФРГ меньше свободы. Видно это и по тому факту, что в словарных дефинициях, относящихся к общественному и экономическому строю ФРГ, неизменно фигурируют слова 'свобода' и 'свободный', а не 'равенство' и 'равный' (которые доминируют в советских определениях коммунизма и демократии):

«Ka|pi|ta|lis|mus der; -: Wirtschaftssystem, das auf dem freien Unternehmertum basiert u. dessen treibende Kraft das Gewinnstreben Einzelner ist, während die Arbeiter keinen Besitzanteil an den Produktionsmitteln haben» [PC-Bibliothek 3: Duden – Fremdwörterbuch: s.v. Kapitalismus].

«Markt|wirt|schaft – Wirtschaftssystem mit freiem Wettbewerb» [PC-Bibliothek 3: Duden – Rechtschreibung: s.v. Marktwirtschaft].

«De|mo|kra|tie <gr.-mlat.; Volksherrschaft> die; -,...ien: 1. (ohne Plural) a) politisches Prinzip, nach dem das Volk durch freie Wahlen an der Machtausübung im Staat teilhat; b) Regierungssystem, in dem die vom Volk gewählten Vertreter die Herrschaft ausüben. 2. Staat mit demokratischer Verfassung, demokratisch regiertes Volkswesen. 3. (ohne Plural) Prinzip der freien u. gleichberechtigten Willensbildung u. Mitbestimmung in gesellschaftlichen Gruppen» [PC-Bibliothek 3: Duden – Fremdwörterbuch: s.v. Demokratie].

Характерно, что социальное равенство в Германии и США традиционно считается несовместимым со свободой (например, американский учёный С.Хантингтон констатировал в своей работе *Will More Countries Become Democracies?*, 1984 г., более высокую оценку свободы с присущим ей делением на богатых и бедных в качестве необходимого фундамента для развития демократии) [«Der Wert der Freiheit. Ergebnisse einer Grundlagenstudie zum Freiheitsverständnis der Deutschen. Oktober/November

²⁴ В коллективистских странах важнее братство, в индивидуалистических – свобода: [Myers 2002: 553].

²⁵ «Осн. требования, вытекающие из принципа коллективизма, в отношениях между людьми: товарищеская взаимопомощь, осознание и выполнение долга перед об-вом, сознательное сочетание личных интересов с общественными, равенство в коллективе, уважение коллектива и его решений, сознание ответственности перед коллективом за свои поступки и поведение товарищей» [Розенталь 1972: 182].

2003» 2003]²⁶, т.е. и в этом отношении влияние американской культуры может расцениваться как усиление определённых тенденций, уже заложенных в категориях немецкого менталитета и существовавших до начала американизации вполне автономно.

Таким образом, русское и немецкое толкование свободы достаточно чётко отражают характеристики соответствующего типа культуры: независимость индивидуума в Германии (индивидуализм) и равная для всех свобода в России (коллективизм). Соответственно, русская политическая система испокон веков и вплоть до 1991 г. предназначалась (как и в любом другом коллективистском обществе), в первую очередь, «to preserve the collective, be it the state or the political party. Individual rights [are] secondary to collective prerogatives» [Yau-Fai Ho, Chiu 1995: 141; ср. Ивин 2000: 172]²⁷. В Германии роль государства, напротив, обычно была ограничена до уровня ночного сторожа и арбитра в борьбе вечно конкурирующих между собой индивидуумов, и, хотя на период холодной войны ФРГ переняла в свою социальную систему некоторые черты патернализма (чтобы успешней конкурировать с соседней ГДР), после 1991 г. от них постепенно избавляются [Lipovetsky 1995: 191]²⁸.

Примечательно, как видят свободу в русском понимании в самой Германии: Х.Ширбаум утверждает, например, что свобода для русских – это вечная освободительная война за мир [«Transatlantic Trends. Meinungsumfrage 24.09.2004» 2004]²⁹, а Т.Пельсер приравнивает свободу в СССР к «Unterordnung des einzelnen Menschen unter die Führungsrolle und Politik der Kommunisten» [Pelser 1964: 105]. Следует полагать, в комментариях такие «определения» не нуждаются.

Осталось рассмотреть ещё одну компоненту понятия *свобода*, якобы присущую его русскому толкованию и отсутствующую на Западе, – конформизм, желание подчиняться, рабская покорность [Wienges 2003:13; Rancour-Laferriere 1995: 7-8; Wierzbicka 1992: 96; Лесин 1995: 19-21]³⁰. К сожалению, эта тема была в последние десятилетия настолько идеологизирована, что большинство работ по данному вопросу является сборника-

²⁶ Ср. цитаты из других авторов в том же источнике: Гёте, 1829, *Maximen und Reflexionen*: «Gesetzgeber oder Revolutionärs, die Gleichsein und Freiheit zugleich versprechen, sind Phantasten oder Charlatans»; «Je mehr [soziale] Gerechtigkeit desto weniger Freiheit; und je mehr Freiheit, desto weniger Gerechtigkeit» [Horkheimer 1973], J.S.Mill (*Über die Freiheit* (Stuttgart, 1974)) также считал, что свобода несовместима с равенством в обществе.

²⁷ Обязанности вместо прав в коллективистских обществах: [Triandis 1990: 71].

²⁸ Ср. отход от патернализма в ФРГ согласно Subsidiaritätsprinzip, т.е. «Vorfahrt für Eigenverantwortung»: [Schäfers, Zapf 2001: 737].

²⁹ На самом деле результаты социологических опросов показывают, что такая воинственность свойственна скорее американцам. Так, в 2004 г. 54% американцев и 28% европейцев согласились с высказыванием, что мир лучше всего достигается военными средствами. 84% американцев и 41% европейцев верят, что при определённых условиях война неизбежна для восстановления справедливости [Schierbaum 1964: 25].

³⁰ Традиционное английское свободолобие: [Еремеев 2002]. «Die Seele dieser Völker [Russen und asiatische Völker] hat außerdem zu sehr die Gewohnheit bewahrt, sich zu unterwerfen» [Salès 1955: 69]. «System-Konformismus»: [Gulyanska 2005: 36]. Обзор таких мнений о России: [Дубов 1997: 234-235].

ми пропагандистских мифов околонучного характера. Видно это уже по тому факту, что в культурологической литературе без труда можно отыскать обвинения в конформизме по отношению практически к любому народу и типу культуры. Например, проф. Г.Коммаджер считал англичан воплощением и индивидуализма, и конформизма одновременно [Гунина 2005]; С.Ригер обвинял в конформизме (покорности коммунистической системе и властям) жителей ГДР [Gulyanska 2005: 36]; один из авторов программы «перевоспитания» немцев после Второй мировой С.Падовер назвал немцев «народом рабов»³¹; американский философ Г.Маркузе считал конформизм типичной характеристикой всех капиталистических обществ (в сочетании с ампутированной совестью) [Ивин 2000: 221], Ф.Хсу приписывал ту же характеристику всем индивидуалистическим обществам [Triandis 1990: 46, Pulcini 2005: 14]³², а В.Гудикунст – всем коллективистским [Gudykunst 1998: 58].

Так же можно отыскать источники, где утверждается, что «In extreme collectivism the person *enjoys* doing what the ingroup says» [Triandis 1990: 52], что жители коллективистских/ коммунистических стран чувствуют себя свободней жителей капиталистических/ индивидуалистических стран [Ивин 2000: 200, 278], что «[м]иф о “рабском характере” русских распространён на Западе как лживая подмена понятий» [Колесов 2001: <http://www.auditorium.ru/books/55205/full55205.pdf>]³³, что как раз русским свойственно особое свободолобие [ср. Субетто 1999: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0016/001b/00160266.htm>]³⁴, а свобода в западном понимании вовсе таковой не является [Колесов 2001: <http://www.auditorium.ru/books/55205/full55205.pdf>] и т.д. Таким образом, складывается впечатление, что роль культурологии в данном случае сведена к инструменту пропаганды, где каждая сторона превозносит собственный общественный строй и тип культуры.

Некоторую ясность в этот вопрос вносят результаты социологических исследований. Например, в знаменитых опытах С.Милгрэма (1965, 1974 гг.) 65% американцев последовали приказу пытаться, а затем и убить уже лежащего без сознания человека ударами тока мощностью 450 вольт (сами удары током, крики жертвы, конвульсии и бессознательное состояние только симулировались, но испытуемые об этом не знали)³⁵. В Германии

---

³¹ Из газеты *taz*: «Sein Urteil über das deutsche Volk fiel niederschmetternd aus: autoritätsgläubig, stumpf, gefühllos, gewissenlos, selbstherrlich und arrogant auch in der Kapitulation, weinerlich in kollektivem Selbstmitleid. (...) Es war das Verhalten von Sklaven, die Bürokraten anbeten» [цит. по: Griesbach 2005]. Ср. конформизм немцев в 1959 г. в серии международных опросов: [von Schrenck-Notzing 1996: 15].

³² Обзор таких мнений: [Brown 1996: 112]. В США: [Леонтович 2005: 182; Myers 2002: 145].

³³ Ср. «Conversely, *conformity* is not the defining aspect of collectivism, but '*family integrity*', keeping the ingroup in good health, and *solidarity*» [Triandis 1990: 113].

³⁴ Мнение Н.Лосского: [Еремеев 2002].

³⁵ Автор исследования, С.Милгрэм, прокомментировал результаты следующим образом: «I would say, on the basis of having observed a thousand people ... that if a system of death camps were set up in the United States of the sort we had seen in Nazi Germany, one would be able to find sufficient personnel for those camps in any medium-sized American town» [цит. по: Myers 2002: 223].

(Мюнхене) этот показатель составил 85% [Myers 2002: 233]. В России подобные опыты не проводились. Таким образом, можно считать доказанным, что в ФРГ понятие *свободы* сосуществует с ярко выраженным конформизмом и, очевидно, не противоречит ему. Что касается коллективистских обществ, то конформизм, на наш взгляд, существует и там, только воспринимается (и называется) совершенно иначе:

«Is conformity good or bad? This is a question that has no scientific answer, but, assuming the values most of us share, we can say two things. First, conformity is at times bad (when it leads someone to drink and drive or to join in racist behaviour), at times good (when it inhibits people from cutting in front of us in a theater line), and at times inconsequential (when it disposes us to wear white when playing tennis). Second, the word *conformity* does carry a negative value judgement. How would you feel if you overheard someone describing you as a “real conformist”? I suspect you would feel hurt, because you are probably from a Western culture that doesn't prize submitting to peer pressure. Hence North American and European social psychologists, reflecting their individualistic cultures, give it negative labels (conformity, submission, compliance) rather than positive ones (communal sensitivity, responsiveness, cooperative team play). In Japan, going along with others is a sign not of weakness but of tolerance, self-control and maturity» [Myers 2002: 203-204].

Т.е. негативные коннотации, связанные с понятием конформизма на Западе, в коллективистских странах зачастую отсутствуют, а само это понятие вытеснено более положительными: самоконтроль, терпимость и т.п. Кроме того, Н.Захаров, например, отмечает склонность представителей западной культуры видеть конформизм русских в нежелании вступать в постоянные конфликты с окружающими, обществом, властями, хотя, по сути, речь в данном случае идёт опять же о типичном выражении коллективизма: коллективистские общества построены не на конкуренции, а на кооперации, и ценится в них не умение навязывать своё мнение окружающим, а умение и желание поддерживать общую социальную гармонию [Захаров 2000: 109-110].

Что касается покорности русских, то она никак не вяжется с результатами опросов, согласно которым в России за Родину с оружием в руках готовы сражаться 64% опрошенных, а в Европе, в среднем, лишь 34% (данные 2005-го года)³⁶. В Германии этот показатель колебался в 1990-х гг. на уровне 35%³⁷. Лишь 1% немцев отдал бы жизнь за Родину [Köchner 1997: 53]; в России же в 2003 г. отдать жизнь за свою страну был готов каждый второй опрошенный [Ильичёв 2004]. Характерно и то, что индивидуалистичные и демократичные греки в своё время были покорены Александром Великим и даже объявили его официально богом, сыном Зевса, что не мешает современным культурологам восхищаться их свободолюбием. С другой стороны, русских обвиняют в рабской покорности даже после исхода Второй мировой войны, когда европейские народы – в

³⁶ BBDO, участники в возрасте 18-30 лет: [«Мировосприятие российской молодежи более позитивно, чем европейской» 2005].

³⁷ Тот же опрос без России, США – 69% (второе место), Швеция – 78% etc.: [Köchner 1997: 489].

отличие от русских – в большинстве своём покорились фашизму. Налицо очередная культурема (или же идеологема) западного мира, не имеющая под собой оснований и созданная, очевидно, в качестве идеологического оружия в холодной войне против СССР/ России.

На наш взгляд, есть все основания полагать, что русское понимание свободы как народной, коллективной свободы (см. выше), при которой права и независимость отдельного индивида, столь важные для западной культуры, отходят на второй план, противоречит мифу о рабском характере русских, т.к. именно оно позволяет жертвовать собой, в т.ч. собственной жизнью, ради своего народа³⁸. Пример Второй мировой войны показал, что как раз народы с преобладающей индивидуалистической идеологией проявили и конформизм, и покорность, поскольку каждый отдельный индивид, озабоченный, в первую очередь, соблюдением личных прав и сохранением собственной жизни, не был готов к каким-либо жертвам во имя своей страны, что привело к небоеспособности европейских армий, покорению их стран и практически полному отсутствию сопротивления на оккупированных территориях.

Рассмотрим ещё одно понятие, на примере которого можно увидеть разницу в мировосприятии коллективистов и индивидуалистов, – *фракция*. В ГДР фракции рассматривались как «*partei-feindliche Gruppe*» [Römer 1964: 59]. В ФРГ определения были и остаются, напротив, нейтральными, напр.: «a) organisatorische Gliederung im Parlament, in der alle Abgeordneten einer Partei od. befreundeter Parteien zusammengeschlossen sind; b) Zusammenschluss einer Sondergruppe innerhalb einer Organisation» [PC-Bibliothek 3: Duden – Fremdwörterbuch: s.v. Fraktion]. Очевидно, в первом случае характеристика данного понятия соответствует максимумам коллективистского мышления, свойственного, согласно кросс-культурным исследованиям Г.Триандиса, всем странам со слабо выраженным индивидуализмом, включая некоммунистические: «The emphasis on harmony within the group means that the authorities do not have to be concerned with the dissent or internal conflict and can devote their energies to guiding the group toward its goal» [Triandis 1990: 61]. По этой же причине в странах с коллективистским мировоззрением обычно можно наблюдать и негативное отношение к оппозиции, рассматриваемой в качестве пятой колонны (что относится и к ГДР [Schierbaum 1964: 34]). Во втором случае (ФРГ) проявилась индивидуалистическая идеология со свойственной ей положительной оценкой плюрализма мнений, атомизации общества и бесконечной борьбы отдельных групп за власть и привилегии. Как известно, в СССР оппозиция (в т.ч. в виде фракций) была запрещена с 1921 г. [Ивин 2000: 446].

***

---

³⁸ Ср. жертвенность как характеристика коллективистских обществ: [Ивин 2000: 81]. «Willingness to fight and die for the ingroup» – характеристика коллективистских обществ: [Triandis 1990: 55].

Следующие характеристики относятся к немецкому языку в целом, т.е. без противопоставления ФРГ и ГДР.

Е.Бабаева, которая сравнила в своей диссертации 1044 немецких и 1049 русских фразеологических единиц (устойчивые выражения, пословицы и т.д.), делает следующие выводы о мировоззренческих различиях в русской и немецкой идиоматике. В немецком языке частная собственность и материальное благополучие оцениваются позитивно, их приобретение рассматривается как одна из главных целей в жизни. Акцент делается на активной роли индивида при обогащении и неприкосновенности частной собственности. Все законно допустимые способы самообогащения хороши (независимо от моральных аспектов), особенно высоко оценивается бережливость. Отношение к богатым уважительное, сами они расцениваются как люди высокоморальные. Бедные достойны презрения, хотя помощь им допустима. С точки зрения русского языка, материальное благополучие не играет столь значимой роли, особого различия между своей и чужой частной собственностью не делается, а потеря имущества рассматривается относительно равнодушно. Самообогащение допустимо лишь в результате честного труда (торговля, например, таковым не считается), а источник богатства всегда подозрителен. Бедность не является пороком и не вызывает презрения; типичное отношение к бедным людям – сострадание и желание помочь. Присваивание чужой собственности осуждается нестрого [Бабаева 1997].

К этому можно добавить, что торговля (как способ обогащения) на протяжении веков негативно оценивалась и в других восточноевропейских странах [Kolstø 2000: 24]. Г.Триандис отмечает, что коллективистские общества вообще сравнительно мало интересуются торговыми отношениями [Triandis 1990: 47], а негативное отношение к богатству является, согласно А.Ивину, одной из универсальных характеристик коллективистских культур [ср. Ивин 2000: 262, 464, 478-479]. По опросам в 1990-х гг., большинство немцев верит в существование честных богачей [Köcher 1997: 525], в то время как в России само сочетание *честный бизнес* представлялось и по сей день представляется, несмотря на официальную пропаганду, абсурдным [Карасик 2002, 2004: 215]. В частности, в 2003 г. только 7% русских верили, что большие состояния в России были сделаны благодаря честному труду, 88% считали их результатом преступной деятельности. Положительное отношение к богачам и олигархам высказали 19% опрошенных, отрицательное – 74% [ROMIR Monitoring 2003]. В 2005 г. отношение к бизнесменам в России оказалось хуже, чем, в среднем, в 64 странах мира³⁹.

Следующая особенность немецкого языка получила в литературе по языкознанию политкорректное название «идеология чистоты» (Reinheitideologie). Заключается она, согласно Х.Мунске, в негативной оценке таких понятий, как *Mischehe*, *Mischgemüse*, *Mischmasch*, *Fremdsuffixe*, *Fremdwörter*, *Fremdwörterbücher* и *Fremdarbeiter*, т.е. слов, относящихся к различного рода смесям немецкого и чужеродного или вторжению каких-либо чу-

³⁹ Ноябрь 2005 г., 50.000 участников [ROMIR Monitoring 2006].

жеродных элементов (явлений, понятий, людей, слов и т.д.) в немецкоязычное культурное пространство [Munske 2000: 31; ср. Zimmer 1998: 17-18]. Речь идёт, среди прочего, и о социокультурном фундаменте для возникновения расизма. «Идеология чистоты» распространяется, однако, на влияние лишь тех культур, которые, с точки зрения немцев, занимают более низкую ступень цивилизационного развития.

Если же уровень развития культуры расценивается ими как более высокий, отношение к ней описывается в выражениях «übertriebene[r] Hang zum Ausländischen» [Lubeley 1993: 221], «sprachliche Unterwürfigkeit»⁴⁰ и «Überschätzung des Fremden» [Dunger 1899, цит. по: Lubeley 1993: 223] (во всех трёх случаях речь идёт о чрезмерном заимствовании англицизмов). Именно так можно объяснить, почему рабочие-иммигранты из стран третьего мира, Югославии, Турции и т.д. получили в Германии название *Fremdarbeiter* (позже власти переименовали их в *Gastarbeiter*), а американские оккупационные войска до сих пор называются *Gastsoldaten* (хотя в одном из выпусков новостей, распространённом ещё в 1945 г. на территории только что побеждённой Германии, американские *Gastsoldaten* открыто заявили: «Wir sind hier nicht als Befreier, wir sind hier als Eroberer, und wir werden hier bleiben, wenn nötig, für immer!» [Lubeley 1993: 96]).

Следствием «идеологии чистоты» можно расценивать нежелание немецких диаспор в странах Восточной Европы учить языки местного населения⁴¹, полное равнодушие большинства немцев к американизации их языка (например, языковой критик Р.Любелей утверждает, что немцы «unterwerfen sich mit einer sonderbaren Leidenschaft der Anglophonie und verzichten mit Stolz darauf, die eigene Sprache zu benutzen und zu erweitern» [Lubeley 1993: 74]), обращение исключительно на 'ты' к рабочим-иммигрантам⁴², нежелание жителей ГДР учить русский⁴³ (один из радикально антирусски настроенных немецких лингвистов Х.Мозер открыто называет причиной этого явления «höhere Kultur- und Zivilisationsstufe» немцев [Moser 1964: 140]). Нельзя не отметить и крайне негативный образ русских в немецком национальном сознании (например, согласно опросам,

⁴⁰ «Es besteht generell nicht der ökonomische und soziokulturelle Druck einer bilingualen Sprachsituation... Mithin ist für Art und Umfang von Transferenzen vor allem die Bereitschaft der gesamten Sprachgemeinschaft verantwortlich. Damit gewinnt die Sprachloyalität gegenüber der Muttersprache oder der Kontaktsprache ausschlaggebende Bedeutung. Die den Deutschen in einem Artikel der TIMES zugesprochene 'sprachliche Unterwürfigkeit' scheint auch Ausfluss des nationalen Zusammenbruchs und bereitwilliger Anpassung an ags. Zivilisationsmuster, insbesondere von seiten der 'Sprachkontaktleute'» [Munske 1980: 662].

⁴¹ «Before the Second World War most Slav countries had a German minority – now expelled – which did not bother to learn the language of the country sufficiently well as to really be able to use it properly. Thus in the Czech and Slovak lands, as well as in Poland and in Yugoslavia either a pidgin arose...» [Adler 1977: 39].

⁴² «The Gastarbeiter are looked down by the majority of the Germans who address them usually with the familiar 'Du', otherwise reserved for children and animals. Also, these foreign workers usually stick together and do not mix much with the German population...» [Adler 1977: 42].

⁴³ «Es fehlen hier die alte Tradition, die sprachstrukturelle Verwandtschaft und die individuelle, private Aufnahmebereitschaft» [von Polenz 1978: 176].

немцы считают русских в первую очередь грубыми, некультурными и невоспитанными [Zybatow 1995: 41]; в 1996 г. положительное отношение к русским высказали лишь 25% опрошенных, а в 1995 г. лишь 3% немцев сочли Россию особенно привлекательной для них страной [Köchner 1997: 1105, 1112]). Искать причину этого явления только в поражении Германии во Второй мировой войне не представляется возможным хотя бы из-за несоизмеримо более положительного отношения к США и Англии, воевавших на стороне СССР.

Реакцию некоторых немецких лингвистов на заимствование немногочисленных русизмов в немецкий язык можно без преувеличения назвать истеричной, напр.: «Das ist der teuflisch-grandiose Versuch, durch Umschaffung der Worte auch das Weltbild der Menschen umzuschaffen, der Versuch, die zweite Schöpfung... zu pervertieren in die satanische Schöpfung einer Gegenwelt... Gegenschöpfung ist immer Mord, nämlich Aneignung durch gewaltsame Zerstörung. Das gilt auch hier, gerade hier» [цит. по: Hellman 2001: 302]. Немецкий язык в ГДР («kranke Sprache des Totalitarismus» [Maeder 1964: 18]) был, с их точки зрения, «befallen vom Bazillus der dialektischen Begriffsverdrehung» [Maeder 1964: 22], а изменения в лексике именовались «planvolle Veränderung der politischen Begriffssysteme und Wirklichkeiten» [von Polenz 1978: 184], «Fälschung der Begriffe», «Schaffung einer eigenen Sprachwelt» и «Vergewaltigung der Gedanken durch die Worte» [Рёгеле, цит. по: Hellman 2001: 302]. М.Ленерт обвинял советское правительство в том, что оно специально выдумало слово *гласность*, чтобы ввести в заблуждение немецкий народ: расчет якобы делался на то, что немцы будут подсознательно ассоциировать его со словом *Glas* и потому наивно поверят в прозрачность политики коммунистов, причём в самом СССР слово *гласность* якобы не употреблялось [Lehnert 1991: 14]. Х.Мэдер оперировал в работах по лингвистике такой «научной» категорией, как «потеря души» (о влиянии коммунистического новояза на жителей ГДР) [Maeder 1964: 22], Т.Пельсер сообщает своим читателям, что в Восточном блоке они найдут «точную противоположность рая» [Pelser 1964: 114], а Г.Мелика уже в 1993 г. писал в *Germanische Mitteilungen*, выпуск 37, о «вторжении скотских культур Совдепии» в немецкое культурное пространство после 1945 г. [цит. по: Scholten 2000: 291]. По отношению к США подобные высказывания (по крайней мере, в работах по языкознанию) были и остаются немыслимы.

Искать объяснение этому факту только в «идеологии чистоты» значило бы закрывать глаза на многие другие факторы, определившие характер отношения немцев к России, в т.ч. на сознательно сформированные стереотипы, способствовавшие приобретению немцами своего национального самосознания в XIX в.:

«Русофобия развивалась параллельно процессу национального самоутверждения. Не случайно все негативные клише формировались по принципу контрастного сопоставления России и Германии. Добродетели немецкого общества: цивилизация, прогресс, свобода, гражданские права и законность противопоставлялись азиатскому варварству, деспотизму, произволу и агрессивности России. Для большей наглядности сравнивались также национальные характеры: благопристойность, прилежание, бережливость, опрятность и

умеренность немцев и жестокость, импульсивность, пьянство и неряшливость русских. Эти клише формировались в основном на основе литературы XVI и XVII вв. и антирусской публицистики времен французской революции. Во-вторых, причиной длительного преобладания в сознании немцев негативных клише является тот факт, что немецкое национальное сознание искало выходы для распространения своего влияния и расширения границ именно на европейском Востоке. На основе этих устремлений сформировалась идея германской миссии на Востоке, причем параллельно с развитием русофобии. Исходным моментом для мессианских идей стало романтическое обращение к немецкому средневековью, завоевательным походам рыцарских орденов и их значению с точки зрения колонизации восточных земель и исторической культурной миссии немцев. Германизация славянских народов, “народов без истории”, по выражению Гегеля и Энгельса, представлялась законной и справедливой деятельностью, осуществляемой в интересах цивилизации и по праву высшей культуры. Это право отстаивали экономист Фридрих Лист, идеолог германской промышленной буржуазии, историки Г.Вайтц и Г.фон Трайтчке и другие. Фактически лозунг “немецкого натиска на Восток” являлся продуктом этой мессианской идеи» [Заиченко 1997: <http://www.auditorium.ru/books/766/ch3gl5.pdf>].

С точки зрения Х.Мунске, в последние десятилетия ФРГ всё больше отходит от «идеологии чистоты», результатом чего, среди прочего, стал переход немецкого языка из разряда интровертивных в разряд смешанных языков [Braun 1998: 204]⁴⁴. Разница между этими категориями заключается в том, что интровертивные языки реже смешивают собственный языковой материал с заимствованным из других языков (в форме аффиксации, сложных слов и т.д.), вместо прямых заимствований они предпочитают кальки с иностранных слов или собственные неологизмы, формально не связанные с оригиналом. В смешанных языках иностранные слова приобретают определённую социокультурную функцию: например, согласно Г.Цифонун, современная немецкая молодёжь демонстрирует через употребление англицизмов свою открытость миру и «supranationales Lebensgefühl» [Zifonun 2001: 147] (что едва ли смогло бы мотивировать представителей интровертивных языков к заимствованию иностранных слов).

Тем не менее открытость языка для влияний извне отнюдь не должна отражать открытость его носителей другим культурам, более дружественное отношение к представителям других наций, интернациональность, отсутствие предрассудков и т.п.: в первую очередь, следует рассматривать историческую перспективу становления данного языка, которая, например, в случае английского скорее указывает на «weiterwirkende Folge einer durch die Normannische Eroberung weitgehend gebrochene Kultur- und Sprachtradition» [Lutz 2002: 408]. Не исключено, что Норманнское завоева-

---

⁴⁴ Смешанные языки – это языки «in deren Lehnwortschatz die Strukturen ehemaliger Kontaktsprachen fortleben. Mischsprachen sind inhomogene Sprachen, in denen eine weitgehende Integration des Lehnwortschatzes nicht gelungen ist» [Munske 2000: 30-31]. Автор ассоциирует носителей интровертивных языков с ксенофобией, изоляционизмом, пуризмом, слишком высокой оценкой своего языка и слишком низкой чужих языков; носители смешанных языков более открыты, больше интересуются взаимодействием с другими культурами [Jablonski 1990: 2].

ние сыграло в истории английского ту же роль, что в истории Германии поражение во Второй мировой войне, а для России – поражение в холодной войне (русский в 1970-е гг. относили к интровертивным языкам [Braun 1998: 204; ср. von Polenz 1999: 289], но такие тенденции его развития после 1991 г., как лавинообразный поток иноязычной лексики объёмом до 300 слов в день [Савельева 1995: 25], смешивание иностранного и русского языкового материала типа *пельмень-пати*, *читабельный*, *антиотбор*, *контр-усилие*, *Спальный Вагон Шоу*, распространение латиницы и т.д., говорят о переходе русского в разряд смешанных языков).

В немецком этот процесс также привёл к росту числа смешанных композитов (напр., англ.-нем. *Spielertransfer*, *Popsänger*) и дериватов (напр., англ.-нем. *durchchecken*) [Drosdowski 1980: 629; ср. von Polenz 1999: 395]. Если раньше англицизмы ассимилировались в написании и произношении, то в последние десятилетия этот процесс приостановился [Zimmer 1998: 70; von Polenz 1999: 403, 252-253]: вместо построения калек англицизмы всё чаще заимствуют напрямую [Lubeley 1993: 282]. Более старые заимствования и формально похожие на англицизмы немецкие слова произносятся всё чаще на английский манер (*Aktion*, *Konnexion*, *Fiktion*), а давно ассимилированные кальки заменяются оригиналами (*Seifenoper* > *Soap Opera*, *Nachtklub* > *Night Club*, *Außenseiter* > *Outsider*) [ср. Lubeley 1993: 49-51; Zimmer 1998: 63]⁴⁵.

В отдельных группах населения, активно контактирующих с англоязычным миром (например, пилоты бундесвера, выполняющие совместные задания с англичанами в рамках проектов НАТО), ещё с начала 1960-х гг. распространился англо-немецкий гибрид, где степень смешения обоих языков вполне сопоставима со смешением русского и украинского в так называемом суржике: *ein Tief moves* [mu:fs] *heran*, *ich circle round* [söklə raund], *wir linen up* [lainən ap], *take* [teik] *mir mal den receiver* [ri:si:və] *rüber* [Moser 1967: 49] (написание и транскрипция переняты из оригинала без изменений). Если в начале XX века интернационализмы зачастую заменялись в немецком собственными эквивалентами (*assembly line* > *Fließband*, *helicopter* > *Hubschrauber*, *airplane* > *Flugzeug* [ср. Krämer 2000: 58]), то в последние годы этого больше не происходит. Если раньше английские суффиксы переводились на немецкий (*-ity* > *-ität*, *-ion* > *-heit*, *-ness* > *-keit*, *-ship* > *-schaft*), то теперь их перенимают без изменений (ср. *popularity* > *Popularität*, *publicity* > *Publicity*). Всего в немецком в конце XX в. использовались 64 собственные графемы и 140 заимствованных (а если добавить редкие, то эта цифра увеличивается до 293) [Munske 2000: 35]. Возможно, ускорение анализа немецкого языка тоже обусловлено его переходом в разряд смешанных языков.

Некоторые лингвисты считают сравнительно частое употребление притяжательных местоимений в английском языке выражением англосаксонского прагматизма (интереса к принадлежности объектов) [Леонтович

⁴⁵ Максимальное сохранение произношения англицизмов: [Adler 2004: 76]. Обзор всех мнений о произношении англицизмов: [Glahn 2002: 32-35]. «...Westdeutsche mokierten sich über falsche Aussprache oder Schreibung [der Anglizismen] bei Ostdeutschen» [von Polenz 1999: 288].

2005: 174]. В последние десятилетия частота притяжательных местоимений повышается и в немецком (очевидно, под влиянием английского): *Sie wirft sich ihm in die Arme* > *sie wirft sich in seine Arme* [Carstensen 1965: 74; ср. Glahn 2002: 57]. Хотя для русского языка данные процессы пока не описаны (ср. *Он засунул руки в карманы и ушёл* vs. *He put his hands in his pockets and walked away* [Козлова 2001]), но в отдельных случаях местоимения такого рода всё-таки начали появляться: *Ушёл из своей жизни Миттеран; Если у вас, уважаемые телезрители, есть свои предложения...* [Гловинская 2000: 297-298] (правда, речь идёт, скорее всего, не о влиянии английского менталитета на языковом уровне, а о распространении всеобщей безграмотности или, как принято сейчас говорить, «вербальной свободы»).

Что касается прагматизма англосаксов, диахронная лингвистика давно дала ответ о генезисе external possessor (притяжательных местоимений) в случаях, где в немецком и древнеанглийском языках изначально встречались конструкции с дательным падежом. Предполагается, что задолго до заселения Англии германскими племенами этот остров являлся колонией племён, говоривших на языке, родственном нынешним семитским. Соответствующие формы перешли в язык местного населения, покорённого затем носителями англо-саксонского (ставшего со временем древнеанглийским), что и стало причиной заимствования пра-финикийских форм в английский язык. Произошло это, очевидно, благодаря тому, что англосаксы охотно нанимали кельтских женщин, зачастую слабо говоривших на английском, для воспитания своих детей. Таким образом, семитские формы попали сначала в кельтский субстрат, из которого затем перешли в древнеанглийский суперстрат. В других индоевропейских языках external possessor не встречается, что исключает влияние какого-либо народа из непосредственного окружения англосаксов⁴⁶. Поэтому взаимосвязь между частотой притяжательных местоимений и прагматизмом является, скорее всего, околонучной интерпретацией вырванного из контекста факта, вполне объяснимого особенностями исторического развития английского языка. Имеются и другие следы семитского влияния на английский язык (инговые формы, порядок слов, отдельные слова, географические названия), но их описание выходит за рамки данной работы.

Некоторые кальки и заимствования из английского языка отражают в себе ориентацию послевоенного немецкого общества на англо-американские образцы поведения: *Immer Lächeln* или *Keep-Smiling* 'in der Öffentlichkeit, insbesondere unter widrigen Umständen, durch ein Lächeln zur Schau getragene optimistische Lebenshaltung, bei der man seine wahren Gefühle nicht zeigt' (что соответствует высказыванию Г.Хофстеде «...individualist cul-

⁴⁶ «Thus we have the same transmission of structural features from one language to the next in the pre-history and history of the British Isles twice, namely as changes induced by contact with a typologically different substratum: from Hamito-Semitic languages to Insular Celtic and from Insular Celtic to English. This explains why English is, of all the non-Celtic Indo-European languages, structurally the most similar not only to Insular Celtic but also to Semitic. This similarity is owed to the transitivity of substratal structural loaning. This transitivity applies in particular to the lack of the external possessor construction» [Vennemann 2002: 229].

tures encourage the showing of happiness but discourage the showing of sadness; collectivist cultures do the opposite» [Hofstede 2002: 232]⁴⁷), *Take it easy, Immer easy going!* (согласно источнику, «wünschenswerter Verhaltensstil und das ideale Lebensgefühl») [Müller-Thurau 1985: 63], *keep cool, don't panic, don't worry – be happy* (А.Вежбицкая посвятила целую главу выраженному в этих заимствованиях «ideal of 'coolheadedness' in Anglo culture» [Wierzbicka 2006: 46-50]).

Целый ряд неологизмов отражает культ потребительства, распространившийся в немецком обществе после Второй мировой войны⁴⁸: *Buyaholic, Consumption, Consumer, Consumables, Credit junkie, Me-too product, Must-have-Artikel, Shopping, shoppen, Shopaholic, Must 'Sache, die man besitzen muss', Wegwerfgesellschaft (throwaway society), Trashkultur 'Trend zum Billigen, Schrillen, Geschmacklosen', Konsum-Kids, Skippie 'Schulkinder mit dem Hang zum Kaufrausch' (из schoolkids with income and purchase power), Consumermarkt, consumption, messie 'Sammelwütiger'*.

Немецкий этнолингвист Ф.Кайнц видит в распространённости глагола *to make* в английском языке активизм (активность, активное отношение к жизни) англосаксов, как и в склонности к употреблению переходных глаголов, редкости пассива и т.д. [Kainz 1965: 317-318]. М.Дойчбайн разделяет его мнение относительно глагола *to make* и добавляет в этот список *to go, to come, to run* и *to take* [Deutschbein et al. 1928: 65]. У других авторов в этом же контексте упоминаются *to have* и *to do* (якобы тоже выражение англосаксонского прагматизма, активного отношения к жизни и интереса к функциям объектов, их характеристикам и особенно их принадлежности, ср. *у меня есть vs. I have*) [Семёнов 2003; Майер, Топешко 2003].

Немецкие эквиваленты глаголов из этого списка претерпели после Второй мировой войны некоторые изменения в своём употреблении, что вышеупомянутые авторы, вероятно, расценили бы как проявление трансформации немецкого менталитета под влиянием англоамериканской культуры. В частности, под влиянием английского в немецком языке появился

⁴⁷ Cp. «...the routines of human interaction reflected in the English language encourage saying that one feels something good when one doesn't feel anything good. This is manifested, in a spectacular way, not only in the *How are you?* routine, but also in the conventions of letter-writing: the opening phrase *Dear Sir* expresses a good feeling towards an addressee who may be a complete stranger, and so does the closing phrase *Yours sincerely*. Phrases of this kind cannot be used in other European languages, certainly not in Slavic languages, which do not allow any formalised expression of clearly non-existent 'good feelings' (and which encourage expressions of existing 'bad feelings')» [Wierzbicka 2003: 117-118].

⁴⁸ Cp. «Lebensgenuss ist in diesen [individualistischen] Kulturen neben Selbstverwirklichung vorrangiges Lebensziel. Das zeigt nicht zuletzt der mitunter rauschhafte Konsum, zu dem sich immerhin ein Fünftel der jüngeren berufstätigen Frauen in Deutschland bekennt. Freizeit wird zunehmend zu Konsumzeit, Konsum zu einer Art Glücksdroge. (...) Ferner ist der Konsum selbst hochgradig individualistisch. Das zeigt sich beispielhaft an zunehmend unterschiedlichen Ess- und Trinkgewohnheiten, der Individualisierung der Nahrungszubereitung, der Abkehr von jedem Modediktat oder der wachsenden Produktvielfalt in allen Bereichen, von Textilien über Möbel bis hin zu Automobilen. Jeder möchte etwas möglichst Individuelles, und viele sind in der Lage, sich diese Wünsche zu erfüllen» [Miegel, Wahl 1993: 51-52].

целый ряд слов с элементом *-macher*: *Filmemacher, Liedermacher, Gedichtemacher, Zeitungsmacher, Büchermacher, Macher*; глаголы *machen* и *haben* вошли в многочисленные выражения типа *das Beste machen aus, eine Speech machen, keinen Unterschied machen, Sinn machen, Haben Sie einen netten Abend!, Highlife machen, safe machen, Geld machen, Sex machen, den Larry machen, fifty-fifty machen, Coca Cola machen* 'eine Pause einlegen', *Liebe machen; eine gute Presse haben, Tee haben, eine gute Zeit haben, Spaß haben, keine Idee haben, Sex haben* (в основном, англицизмы). Глагол *machen* после 1945 г. стал более многозначным, а *haben zu* стал чаще употребляться вместо *müssen* [Carstensen, Galinsky 1975: 24, 29; ср. Glahn 2002: 57]. Глагол *tun* стал употребляться чаще благодаря аналитическим конструкциям *Er tut arbeiten* [Schmidt 2000: 180]. Данных об увеличении частоты использования немецких эквивалентов *to go, to come, to run* и *to take* нет.

На наш взгляд, частота употребления всех этих глаголов вполне объясняется одним и тем же типологическим фактором, а именно аналитическими свойствами английского языка. Как уже было упомянуто, для аналитических языков характерно употребление вспомогательных глаголов, к которым относятся *to do, to have, haben* [Зеленецкий 2004: 181; Рыбаков 2005]⁴⁹. Никаких оснований считать их выражением каких-либо особенностей менталитета нет, т.к. подобные глаголы встречаются и в других аналитических языках, принадлежащих к культурам, не имеющим друг с другом ничего общего (т.е. и коллективистским, и индивидуалистическим). Употребление в русском глагола *быть* вместо *иметь* для выражения принадлежности объясняется консерватизмом русского языка, т.к. данная конструкция восходит ещё к индоевропейскому языку [Копров 2002]⁵⁰. Глагол *to make* обладает повышенной частотностью употребления и в других аналитических языках, например в папуасском пиджине Ток Писине и ямаиканском креоле [Hellinger 1985: 121], но их носители никогда не устаиваются похвал этнолингвистов и культурологов за активизм, прагматизм и т.п. А.Зеленецкий описывает высокочастотность глаголов 'быть', 'иметь', 'приходить', 'брать', 'получать' и т.п., а также устойчивых выражений с ними, в качестве одной из характеристик аналитических языков⁵¹. Потому увеличение частотности соответствующих глаголов в немецком вполне объяснимо в рамках аналитизации (пусть частично и под влиянием английского), и никаких оснований интерпретировать его как заимствование определённых категорий мышления или особенностей англосаксонского менталитета не имеется.

Высокой частотностью отличаются в немецком языке сочетания со словом 'свобода' и всеми его производными, что, очевидно, можно расценивать как отражение официальной пропаганды, согласно которой Запад

⁴⁹ Ср.: Глаголы 'быть' и 'иметь' встречаются в аналитическом английском чаще и имеют больше значений, чем в синтетическом русском: [Аполлова 1977: 30, 33, 43].

⁵⁰ Ср.: Данная конструкция сохранилась в русском из-за сильно выраженных черт синтетизма: [Зеленецкий, Монахов 1983: 105].

⁵¹ Примеры для английского: *to keep silent, to get rich, to take a look, to do carpentry, to come down, to turn up, to start singing* [Зеленецкий 2004: 183].

считался (в противовес Восточному блоку) «свободным миром»: *kinderfrei, freier Sport, freier Radiosender, liberal, Freiberuflichkeit, Freizeit, Konsumfreiheit, freie Marktwirtschaft, Studienfreiheit, Freiheit der Kunst, des Wortes, der Meinung; freiheitliche Demokratie, Freiheit von Forschung und Lehre; Emanzipation, Free-Party* 'Freiheitsfeier, Befreiungsfest', *Yiffie* (*young individual freedom-freak*), *Free Lifestyle, Liberty, Women's lib(eration), Freedom-Rides*. Подобные слова охотно используются в манипулятивных целях: например, массовые увольнения называют 'освобождением' (*Freisetzung*).

Экстремальные виды спорта, обозначаемые обычно англицизмами, также получили широкое распространение в послевоенном немецком обществе, что можно считать одним из выражений так называемого экспрессивного индивидуализма⁵², т.е. его новой формы, пришедшей на смену индивидуализму утилитарному. Если старая форма была направлена, в основном, на приумножение благосостояния, максимализацию доходов, борьбу за привилегии и т.п., то экспрессивные индивидуалисты ищут новых впечатлений и острых удовольствий (включая смертельно опасные). Жизненный успех они измеряют не счётом в банке, а тем, насколько им удалось насладиться жизнью, хотя в обоих случаях окружающие рассматриваются преимущественно в качестве источника личной выгоды (денег в первом случае и удовольствий – во втором). Именно распространение экспрессивного типа индивидуализма привело к сексуальной и наркотической революции 1970-х гг.⁵³ Таким образом, результатом развития нового

⁵² «Die Vorstellung, dass verschiedene Modelle von Individualismus den unterschiedlichen Phasen der Moderne entsprechen, steht heute im Zentrum insbesondere der soziologischen Reflexionen von Richard Sennet über Christopher Lasch bis zur Robert Bellah. Diese neigen immer mehr dazu, einem utilitaristischen und rationalen Individualismus, der die frühe Neuzeit charakterisiert hatte, einen hedonistischen (oder expressiven bzw. narzisstischen) Individualismus der späteren Moderne gegenüberzustellen. Während das erste Modell von einem Individuum ausgeht, das von einer instrumentalen Vernunft geleitet, auf die Verwirklichung der eigenen Interessen ausgerichtet und zur Selbstbeschränkung fähig ist, reflektiert das zweite Modell das Bild eines hedonistischen und irrationalen Individuums, das sich auf narzisstische Weise lediglich auf sich selbst bezieht und auf uneingeschränkte Selbstbestätigung abzielt» [Pulcini 2005: 8].

⁵³ Ср. Коллективизм – «public morality primary», индивидуализм – «public morality secondary to considerations of interpersonal relations»: [Yau-Fai Ho, Chiu 1995: 142]. Связь индивидуализма и распада моральных ценностей на Западе: [Myers 2002: 553]. Относительно большое внимание к моральным ценностям в России и других коллективистских обществах; негативное отношение к развязности нравов и открытой сексуальности в коллективистских обществах; одна из первых сексуальных революций: индивидуализация Италии в XV в.: [Ивин 2000: 465, 479, 135]. Опросы в России, 2000 г.: доминирование индивидуализма над коллективизмом в определённом регионе сопряжено с распадом моральных ценностей: [Tyldum, Kolstø 2004: 46]. Индивидуализм и наркотики: [Касьянова 1994]. «With the emphasis on proper relations, collectivists have, other things being equal, less crime, particularly fewer sex crimes, fewer hospital admissions, and less drug abuse than individualists»; согласно международному исследованию Н.Нэрола в начале 1980-х гг., коллективистам характерны «low rates of homicide, suicide, crime, juvenile delinquency, divorce, child abuse, wife beating, and drug and alcohol abuse»: [Triandis 1990: 45, 58].

вида индивидуализма в немецком обществе можно считать несколько типов неологизмов:

- неологизмы, относящиеся к экстремальным видам спорта и развлечений: *Bungeejumping*, *Crashkid* 'krimineller Halbwüchsiger, der Autos stiehlt und zu Schrott fährt', *Extremsport*, *Funsport*, *Rafting* 'als Extremsport betriebenes Wildwasserfahren einer Personengruppe im Schlauchboot', *Canyoning*, *Carnapper* (часто = *Crashkid*), *Scuba-Diving*, *Speedskater*, *Free-Climber*, *Freesolo* 'Bergsteigung ohne Steighilfe und Sicherheitsseil', *Survival-Training*, ср. рус. *бейсер*, *бейс-джампинг*, *парасейлинг*, *параски*, *парафан*, *параглайдинг*, *рафтинг*, *триал*, *экстрим*, *банджи-джампинг*;
- неологизмы, относящиеся к сексуальной революции: *Bikini*, *Sexappeal*, *Blue Movie*, *Hot Pants*, *Callboy*, *Eros Center*, *Erotic*, *Wonderbra*, *Gangbang*, *Antibabypille*, *sexiting*, *Striptease*, *topless*, *Playgirl*, *XXX*, *Peep-show*, *Groupie*, *Love-in*, *Love Parade*, *Petting*, *One-night stand*, *Swinger club*, *Aids-Gipfel*, *aidskrank*, *Aids-Prävention*, *HIV-positiv*, *Erotic Thriller*, *Ladys Night Party*, *Live Sex*, *Sex-Shop*, *String-Tanga*, *Hardcoreporno*, *Darkroom* 'Hinterzimmer für sexuelle Kontakte in einem Homosexuellen-Lokal', *Dildo*, *Oben-ohne-Badeanzug*, *Rotlichtbezirk*, *Safer Sex*, *Sexsymbol*, *Sextourismus*, *Busenstar*, *Easy-Going-Girl*, *Erotical*, *Kurvenstar*, *Nude Look*, *Sex-Schuppen*, *Sexmesse*, *Sexperte*, *Hostess* 'Edelhure', *Skinny-dipping* 'Nacktbaden', *Babypro* 'besonders junger, sich prostituierender Minderjähriger', *Dragqueen* 'männlicher homosexueller Transvestit', *Fistfucking* '(homosexuelle) Praktik, bei der die Hand od. Faust in den After des Geschlechtspartners eingeführt wird'; ср. рус. *фрилав*, *бэкдор* 'анальный секс', *бестиялиту* 'сношения с животными', *фистинг*, *писсинг*, *групп*, *Дайк* 'лесбиянка, похожая на мужчину', *стрейт* 'гетеросексуальный мужчина', *бойфренд*, *трансвестизм*, *коминг-аут*, *жёсткое порно*, *порнограф*, *свек* 'секс без любви', *суонпер*, *фаст-фуд-секс*, *цикл-джекс* 'соревнование по мастурбации', *пип-шоу*, *стриптизёрша*, *трафикинг*, *сексплуатация*;
- неологизмы, относящиеся к гедонизму и так называемой *Freizeitkultur*, т.е. культуре проведения свободного времени: *Party*, *Covergirl*, *Lightshow*, *Nightclub*, *Candlelight-Dinner*, *Ecstasy*, *relaxen*, *Entertainer*, *Acid trip*, *Infotainment*, *Advertainment*, *Edutainment*, *Action weekend*, *Adventure holidays*, *grooven*, *Night groove*, *Nightlife*, *Nightclub*, *Dance-Haus*, *Dance-Hall*, *Disko-Power*, *Disney Spass*, *Oldieparty*, *Partygirl*, *Party-Service*, *Partygrill*, *Sektparty*, *Ski-Party*, *Singleparty*, *Showbusiness*, *Showman*, *Sunday-Dance-Party*, *Telefonparty*, *Technoparty*, *Fun-Tour*, *TV-Video-Hifi-Service*, *Videogame*, *Western-Erlebnispark*, *Cocktail-Liefer-Service*, *Hip Hop Party*, *Kinofreaks*, *Superspass*, *Sexshop*, *Sexercises* 'körperliche Übungen zur Potenz- und Luststeigerung', *Erstklasswagen*, *Jacuzzi*, *Kick*, *Luxus-Liner*, *Inflight-Entertainment*; *Amusement*, *amuzing*, *delicious*, *Fun-Tarif*, *Funsport*, *Funraising*, *Fun generation*, *Fun-factory*, *Fun-cruiser*, *Funcourt*, *Holiday Land*, *Happy TV* 'Spassfernsehen', *Happiness* 'Wohlgefühl', *just for*

fun; ср. рус. мультиплекс, гипермаркет, афтерпати 'ночной клуб, работающий до шести утра', клаббер, брейн-пирсинг (стимулирует центр удовольствия в мозге), шопинг, хоум шопинг, барбекю, дансинг, колгёл, пейнтбол, хай-фи, хай-энд, факаля 'бордель', гарден парти, энтейнер, без кайфа нет лайфа;

- неологизмы, относящиеся к наркотикам: *Dealer, Pusher, Candyman, high, Pulver, Shit, Harry, Horse, Jaysmoke, Fixer, Junkie, usen, Freak-out, Bad Trip, Piece, Love affair, Lady Snow, Number Three 'Kokain'*, ср. рус. драг-диллер, джанк, психоделия, Витамин Е и MDMA 'экстази'; *стид* 'амфетамины', *Киткэт* 'кетамин', *эйсид* 'ЛСД', *Барби* 'барбитураты', *джа экспресс, трансибирский экспресс, хэи* 'гашиш'.

В качестве примеров были специально выбраны преимущественно англицизмы, чтобы продемонстрировать, откуда пришли в Германию и Россию соответствующие явления. Многие из них ограничены в употреблении жаргонами наиболее прозападных слоёв населения.

Огромное количество послевоенных неологизмов можно отнести к столь характерному для Запада культу успеха: *Leistungsgesellschaft, Wohlstandsgesellschaft, Career Girl, Star-Jurist, Star-Kommentator, Star-Advokat, Star-Richter, Top Team, Top Seller, Top Girl, Top ten, toppen, All-star team, VIP, Victory, Dink (double income no kids), DCC (dual-career couple), Winner, Wintyp, Power Kids, Powerfrau, Powermädchen, Big Biggies, High Flyer, world famous, Stalker 'Prominentenhetzer', Controlling 'Erfolgssteuerung', all the dreams that money can buy, Erfolgcoach, Erfolgsmusical, Fanclub, Fangemeinde, Fan-Subkultur, Starkids, Starparade, Superstar, Teenie-Idol, Top-Team, Top-Job, Topstar, Topverdiener, Top-Verkäufer, Star-Club, ein Erfolg sein, Happy Few, Money 'Geld als Maßstab für Einkommen oder Besitz', Erfolgsstory, Überflusgesellschaft (affluent society), Moneymaker 'einer, der Geld verdient und Kapital anhäuft', Pep 'Unternehmungsgeist', Challenge, Challenger, Challenge Tour, Career, Herausforderung (= challenge), Selfmademan, Workaholic, American Way of Life, Highlife, High-Society, Establishment; Turbokapitalismus 'Form des Kapitalismus, die gekennzeichnet ist durch die alleinige Ausrichtung auf ständige Profitmaximierung von Unternehmen unter Ausschluss anderer wirtschaftlicher, vor allem aber sozialer Aspekte'; Power 'Unternehmungsgeist, Durchsetzungsvermögen, Leistung, Schwung, Tatkraft', powern, Selfmadegirl, active, Activity, Efficiency; Comingman 'jmd., von dem angenommen wird, dass er eine große Karriere macht', Celebrity, bankabel, pampern '(Stars) verwöhnen', Standing 'Ansehen, das hauptsächlich am Geldbeutel gemessen wird', money makes the world go round, sex sells, greed is good > Geiz ist geil⁵⁴, Erfolgsgesellschaft, Leistungsgesellschaft, individualistische Erfolgsmenschen, Erfolgsbürger, If you are rich – I'm single! Под влиянием английского возросла частота употребления слов *ambitioniert* и *prosperieren* [Carstensen, Galinsky 1975: 25].*

⁵⁴ Д.Майерс считает *Greed is good* одним из главных американских лозунгов 1980-х гг.: [Myers 2002: 553].

Число неологизмов, относящихся к людям, не добившимся успеха, относительно невелико, а ассоциативные поля таких слов неизменно содержат презрительные коннотации: *abgefickt* 'heruntergekommen, verwahrlost', *Loser*, *abloosen* (sic) 'versagen', *mobben*, *Crusty* 'verlotterter Mensch', *Outdrop* 'gesellschaftlicher Abstieg', *Nobody*, *Outcast*, *Have-nots*, *Dropout*, *Flop*. Так же выглядит соотношение синонимических рядов 'богатый' и 'бедный' и в английском языке (со значительным перевесом преобладает 'богатый'), что С.Тер-Минасова объясняет следующим образом:

«Избыточность и яркость детализации понятия "богатый" могут быть объяснены определенными социальными факторами: в английском обществе, резко разделенном на богатых и бедных, понятие материального благосостояния играет огромную роль, это буквально вопрос жизни и смерти, поэтому быть богатым – стремление и желание каждого, это морально-этическая норма, которая социально поощряется, а быть бедным – очень плохо и противоречит общественной этике. Именно поэтому языковое выражение богатства так ярко и разнообразно (и в данном случае время не изменяет общей ситуации: в наши дни быть богатым так же важно, как и двести лет назад)» [Тер-Минасова 2000: 73].

Вместе с культом успеха в немецком обществе распространились и депрессии, вызванные постоянными стрессами и обособлением индивидов друг от друга: *Burnout Syndrome*, *Downer* 'Antidepressivum', *Tranquillizer*, *groggy*, *Downshifting* 'mehr Lebensqualität, Lust statt Stress, Runterschalten', *k.o.*, *stressig*, *spleenig*, *Stress*, *stressgeplagt*, *ausgeburnt*, *ausgepowert*, *Depressi*, *Depresse*, *Fruppie* (*frustrated urban professional*), *empty* 'ohne Power', *Tabletten-Freak*, *nervös*, *Depri*, *Psycho-Freak*, *Frustration*, *Managerkrankheit* (псевдоанглицизм, ср. *stress disease*). Социологи и культурологи зачастую связывают депрессии (как и некоторые виды психических расстройств) с индивидуализацией [Леонтович 2005: 176]⁵⁵, принесшей, как утверждают некоторые авторы, слишком много свободы за счёт нормальных человеческих отношений:

«Can there ever be too much of a good thing like freedom and self-determination? Swarthmore College psychologist Barry Schwartz contends that individualistic modern cultures indeed have "an excess of freedom," causing decreased life satisfaction and increased clinical depression. Too many choices can lead to paralysis, or what Schwartz calls "the tyranny of freedom"»⁵⁶.

⁵⁵ Индивидуализм, самоубийства и депрессии: [Myers 2002: 553]. Связь между западной массовой культурой и ростом психических заболеваний: [Силич 2002]. Относительно немного самоубийств и психических болезней в коллективистских обществах; одиночество и психические болезни в индивидуалистических культурах: [Triandis 1990: 58, 94]. В коллективистских обществах депрессии и шизофрения принимают более лёгкие формы, чем в индивидуалистических; больше одиночества в индивидуалистических культурах: [Стефаненко 2004]. Лавинообразный рост психических патологий, расстройств сна, болезней, вызванных депрессиями и стрессом: [Lipovetsky 1995: 158]. Психоанализ как типичное западное явление: [Захаров 2000: 172-173].

⁵⁶ С описанием соответствующих исследований: [Myers 2002: 57].

«It is striking that economic growth in affluent countries has failed to satisfy. It is further striking that individuals who strive most for wealth tend to live with lower well-being, a finding that “comes through very strongly in every culture I’ve looked at,” reports R.Ryan (1999). His collaborator, T.Kasser (2000), concludes from their studies that those who instead strive for “intimacy, personal growth, and contribution to the community” experience a higher quality of life. Kasser and Ryan’s (1993, 1996) research (together with P.Schmuck [2001] in Germany) echoes an earlier finding by H.W.Perkins (1991): Among 800 college alumni surveyed, those with “Yuppie values” – who preferred a high income and occupational success and prestige to having very close friends and a close marriage – were twice as likely as their former classmates to describe themselves as “fairly” or “very” *unhappy*» [Myers 2002: 643-644].

Резкое увеличение синонимического ряда, связанного с депрессией, психическими расстройствами и самоубийствами, характерно и для русского языка после 1991 г., причём многие слова перешли в общий лексикон из сленга маргинальных прозападных групп типа хиппи: *бэтмен* ‘самоубийца, прыгающий с высокого здания’, *депан*, *депресилово*, *депрессня*, *депрессовать*, *депрессуха*, *депрессушник*, *депра*, *депр*, *депруха*, *диппер*, *депресс*, *депрессняк*, *суицид*⁵⁷, *аутоагрессия*, *серийный убийца*, *девиантный даун*, *фьюче шок* ‘депрессия из-за быстрых изменений в жизни, смены системы ценностей и т.д.’, *крейзи*, *крезануться*, *крезовать*, *крезанутый*, *креза*, *крезаторий*, *крезовник*, *крезовоз*, *крезовый*, *крейзанутый*, *крезаться*, *крейзить*, *крейзануться*, *крейза*, *крыза*, *крезуха*, *крейзи-хауз*, *крейзер*.

Типично для индивидуалистических обществ и особое внимание к здоровью, красоте и соответствующим видам спорта (ср. «...people in collectivist cultures pay less attention to physical attraction than do people in individualistic cultures, as would be expected from the argument that in individualistic cultures people are more hedonistic» [Triandis 1995: 49]⁵⁸, «People in individualist cultures invest more in their individual health than do people in collectivist cultures» [Hofstede 2002: 243]): *Body-Bewusstsein*, *Vanishing Cream*, *Eye Lotion*, *Cover Fluid*, *Deep Cleanser*, *Eye Liner*, *Deodorant*, *After Shaving Lotion*, *Body Building*, *Hometrainer*, *Jogging- und Roller-Fieber*, *Keep-Fitler*, *Body Styling*, *Bodyshaper*, *Bodyforming*, *Fatburner Program*, *fitten*, *Fitness-training*, *inlineskaten*, *Callanetics*, *Functional Food* ‘alle mit Vitaminen und Ballaststoffen angereicherten Lebensmittel’, *Bodyball*, *Bodysculpt*, *Box-a-cise*, *Body-Pump*, *Workout*, *Pumping*, *Spinning*, *Step-Aerobic*, *Step’n’Sculpt*, *Tech-norobics*, *Aqua-Fitness*, *Forever-Young-Kliniken*, *Diet*, *Posterboy*, *Glamour*, *sexy*, *Vamp*, *Wellnessprogramm*, *low-fat*, *Beauty Center*, *Beauty Farm*, *Beauty Fluids*, *Beauty Queen*, *Beauty Contest*, *Beauty Parlor*, *Glamour Girl*, *Active Body Control*, *Aerobic*, *Beauty Case*, *Facelifting*, *Sexy-Figur*, *Sommerstudio*, *Anorexie* (болезнь, распространённая только в западных и попавших под влияние Запада культурах [Стефаненко 2004]). После 1991 г. соответствующий синонимический ряд начал увеличиваться и в русском: *анорексия*,

⁵⁷ Автор считает слово *суицид* одним из наиболее часто встречающихся иностранных слов 1990-х гг.: [Валгина 2001].

⁵⁸ Ср. Одержимость своим телом как следствие индивидуализации: [Lipovetsky 1995: 59, 85].

фитнес-клуб, бодибилдинг, (боди)шейпинг, суперфэтбернер, джоггинг, лифтинг, аэробатика, аэробоксинг, аэрофитнес, кардиоаэробика, степ-аэробика, пиллинг, стретчинг-аэробика, фейсбилдинг, футинг, аквабилдинг, аутотренинг.

Индивидуализация немецкого общества отразилась в таких неологизмах, как *Egogesellschaft*, *Egotrip*, *Personality*, *Identity*, *Engagement* '(persönlicher) Einsatz, Einsatzbereitschaft, Einsatzfreude', *Self-design* 'Selbstdarstellung, Selbstinszenierung', *fishing for compliments*, *inner strength*, *It's not my problem > Dies ist nicht mein Problem*, *Encounter* 'gruppenspezifisches Treffen, bei dem die Mitglieder unter Anleitung durch die Schilderung ihrer Probleme, die spontane Äußerung von Aggressionen, Sympathien, Antipathien und anderer Empfindungen, den physischen Kontakt mit anderen Gruppenmitgliedern etc. sich selbst besser verstehen und kennen lernen', *Consciousness-Raising* 'Form der Psychotherapie, die dem Behandelten zur Bewusstseinsweiterung verhilft', *Egotismus* 'philosophisch begründete Form des Egoismus, die das Glück der Menschheit dadurch herbeizuführen trachtet, dass der Einzelne auf ein Höchstmaß persönlichen diesseitigen Glücks hinarbeitet', *Exklusivität*, *Mentalität*, *Splendid Isolation* 'die selbstgewählte Isoliertheit', *lonesome rider*, *sich cocoonen*, *lonely*. Сюда же можно отнести слова, относящиеся к обособлению индивидуума от общества, спровоцированному, среди прочего, появлением современных технологий: *Home Learning*, *Home Office*, *Home Shopping*, *Home Banking*, *Home Entertainment*, *Net Shopper*, *Net Talk*, *Pizza-Heimservice*, *Tele-Gym*, *Teleshopping*, *Telefonbanking*, *Arm-chair-shopping*, *Cybersex*, *Home Order Television*, *e-Banking*, *e-Communication*, *e-Ducation*, *e-Learning*, *e-Market*, *e-Pharmacy*, *e-Procurement* 'Online-Beschaffung', *e-Store*, *e-Ticketing*, *e-Training*, *e-Voting*, *Videoconferencing*, *Couchpotato*, *Onlineshop*, *Teleteaching*, *Teleworking*, *Bestell-Hotline*, *Styling-Erlebnisspiegel* 'virtuelle Umkleidekabine für Homeshopping', *Virtual Life*, *Cybercash*. Именно развитие технологий считается одной из основных причин потери диалогичности, и так слабо развитой в немецком языке, а также сокращения коммуникативных объёмов, нежелания вступать в контакт с другими людьми, учатившейся самоизоляции индивидов:

«Einwegkommunikation und Monologfähigkeit in der modernen Massenkommunikation werden gern zum Anlass für kulturpessimistische Befürchtungen genommen, der somit selbstentfremdete, vereinsamte Mensch werde zunehmend unfähig zum Gespräch. Was hypostasierend den technischen Medien und Apparaten angelastet wird, ist aber in Wirklichkeit eine Veränderung des Sozialverhaltens beim Umgang der technikbesessenen Menschen mit den Medien und Apparaten, die mangelnde Bereitschaft, dem direkten Umgang mit Menschen die Priorität zu geben, 'auf die anderen zu hören' [laut H.Gadamer]. Es wird beobachtet, dass man von Partnern in Dienstleistungssituationen, in denen man früher über die betreffenden Bedürfnisse, Erfordernisse oder Probleme hinreichend und hilfreich durch Gespräch orientiert wurde, heute, wenn sie vor ihrem PC-Bildschirm sitzen, keines wirklichen Gesprächs, ja kaum eines Blickkontaktes mehr gewürdigt und stattdessen mit lakonisch geäußerten oder roboterhaft ausgedruckten Expertendaten abgespeist wird, z.B. am Fahrkartenschalter, bei Behörden, in Materialausgaben vom Werkstätten, sogar beim Arzt usw.» [von Polenz 1999: 104].

«Der einzelne bestimmt zunehmend nicht nur *wann* er arbeitet, sondern auch *wo*. Diese individuelle Herrschaft über Zeit und Raum ist für den Individualisierungsprozess von besonderer Bedeutung. Mit ihr zerfällt der Zusammenhalt der durch den Arbeitsprozess gebildeten Gemeinschaft» [Miegel, Wahl 1993: 45].

«Politiker und Journalisten haben bei einer ganzen Generation 'Dialogverweigerung', ja 'Dialogunfähigkeit' [in den 1990er Jahren] diagnostiziert» [Neuland 2001: 149].

В. Колесов называет немецкий язык эгоцентричным и ориентированным на говорящего (т.е. не адресата высказывания) [Колесов 2004]; ту же характеристику Л. Козлова приписывает английскому, называя его эгоцентричным, а русский – его противоположность – альтерэгоцентричным [Козлова 2001]. Культуролог В. Гудикунст описывает общение в индивидуалистических культурах как последовательность «длинных, монологичных высказываний» [Gudykunst 1998: 182].

Объяснять растущее нежелание немцев вступать в контакт с другими людьми одним только развитием технологий было бы значительным упрощением действительного положения вещей. В первую очередь это явление связано, на наш взгляд, с индивидуализацией немецкого общества, способствующей инструментализации окружающих, но при этом не позволяющей строить дружеские или хотя бы приятельские отношения (ср. «Die Instrumentalisierung dieser [zwischenmenschlichen] Beziehungen für die Zwecke des Einzelnen ist gerade ein Kennzeichen individualistischer Kulturen» [Miegel, Wahl 1993: 58; Wienges 2003: 15]⁵⁹).

Хорошо видна индивидуализация немецкого общества и в некоторых неологизмах, связанных с методами маркетинга в условиях рыночной экономики. Во всех перечисленных ниже англицизмах подчёркивается внимание к каждому отдельному клиенту, т.е. делается попытка воздействия на него на персональном уровне: *Xtra4you* (телефонный тариф), *up to you, just for you, Cold Calling* и *Cold Mailing* 'unerwünschte Werbepost', *personal identity, Customizing, Customer Benefit, Customer Care Center, Customer Relations, Customer Relationship Management, Customer Satisfaction, Customer Service, Customer Support, Music on demand, on call, Eins-zu-eins-Marketing* 'individuelle, «maßgeschneidete» Kundenbeeinflussung', *Direct Mailing* '(gezielte) Werbepost', *pay-per-view, Personal Digital Assistant, private tariff, made for you, Selbstbediencenter, Service-Zeitalter, Sex-Party-Line, special, books on demand, Direct Marketing, klient[en]zentrierte Therapie, Servicewohnung, Interactive Store, individueller Einzelservice*.

Аналитическая структура английского языка вот уже два столетия не даёт покоя западным (а в последнее время и российским) этнолингвистам, которые видят в ней выражение различных (исключительно положительных) черт национального характера англосаксов: склонности к экономности, целеустремлённости, практичности (Ф. Кайнц) [Langenmayr 1997: 325]

⁵⁹ Ср. «...das moderne politische wie auch das ökonomische Gleichgewicht der bürgerlichen Gesellschaft, die beide die Bildung eines lediglich instrumentalen sozialen Bandes voraussetzen» [Pulcini 2005: 10].

и логичности мышления [Железняк 2005; Троицкая, Шумилов 1999]⁶⁰. В анализе немецкого ещё Вильгельм фон Гумбольдт видел «ein[en] Übergang von mehr sinnlichen zu reinerer intellektueller Stimmung des Gemüths, durch welchen die Sprache hier umgestaltet wird» [цит. по: Debus 1999: 13].

В работах такого рода допускается ставшая уже классической ошибка, заключающаяся в акцентировании вырванных из контекста отдельных фактов и нежелании проводить какие-либо сравнительные типологические исследования других языков. Например, известно, что пиджины, т.е. самые рудиментарные из существующих языков, тоже являются аналитическими [Мечковская 2000: 112; Мусорин 2004: 38]⁶¹, но ни один этнолингвист не восхищается склонностью их носителей к целеустремлённости и практичности. А.Железняк, приписывающий англичанам логичность мышления, т.к. они мыслят целыми предложениями из-за расплывчатости частей речи (в отличие от «нелогичных» русских, мыслящих отдельными словами, ср. *I will go vs. пойду*), не упоминает, что в африканских языках – зачастую крайне простых по своей структуре и словарному запасу – расплывчатость частей речи выражена ещё больше (как и в пиджинах) [Hellingner 1985: 116-117, 145]. Например, так же, как в английском *round* может принадлежать в зависимости от контекста к существительным, глаголам, прилагательным и т.д., так и в пиджине Ток Писин из Папуа-Новой Гвинеи слово *sik* является прилагательным или существительным в зависимости от контекста: *mi sik* ‘я болен’, *em i gat sik malaria* дословно ‘у него есть болезнь малярия’ [McArthur 1998: 450].

Отдельные авторы связывают определённый тип языка с типом культуры: например, тот же Ф.Кайнц видит в обусловленном синтетизмом свободном порядке слов (с ударением на *свободном*) «Gestaltungswillen» немецкого языка и, соответственно, явный признак индивидуализма [Langenmaug 1997: 332]. Богатство синтетических форм древнегреческого также свидетельствует, с его точки зрения, об индивидуализме, т.к. они способствуют самовыражению индивида [Langenmaug 1997: 319].

Как бы там ни было, сам факт анализа немецкого никто не отрицает. Выражается она, в частности, в следующих явлениях:

- отмирание отдельных окончаний (*auf dem Land(e)*, *sich einen lebensgroßen Teddybär(en) wünschen*, *Rückkehr zum Planet(en)*, *Montage von Büromöbel(n)*, *ich fahr(e)*);
- аналитические формы конъюнктива (*würde* + глагол);
- участвовавшие ошибки в употреблении падежей с предлогами *innerhalb*, *wegen*, *wider*, *trotz* и *während*;
- номинализация глаголов с предлогами *am*, *beim*, *im* (*er ist am Lesen*, *beim Lesen sein*, *sein Ansehen ist im Wachsen*);

⁶⁰ Связь между аналитизмом языка и прагматизмом его носителей: [Колесов 2004].

⁶¹ Ср. «reduction of ... inflectional morphology» как универсальный признак пиджинов: [McArthur 1998: 449]. Отсутствие флексий в пиджинах: [Zimmer 1998: 71].

- распространение предлогов за счёт падежных окончаний (*das Auto von meinem Freund/ meines Freundes, der Gefahr/ auf eine Gefahr achten, eines Verbrechens/ zu einem Verbrechen nicht fähig sein, eine Gruppe Schlachtenbummler/ auf eine Gruppe Schlachtenbummler treffen*);
- исчезновение родительного падежа (*Ära Adenauer(s), eine Tasse starker Kaffee/ eine Tasse starken Kaffees, Carter-Besuch*) [Lubeley 1993:41-45; Schmidt 2000: 180-181; Drosdowski 1980: 620, 624-625, 627; Glück, Sauer 2001: 99-105; Zimmer 1998: 79-80]⁶²;
- распространение аналитических форм сравнительной и превосходной степени прилагательных (*das mehr normale Verhalten, der meistumstrittene Mann der evangelischen Kirche, das am meisten amerikanische Auto*) [Carstensen 1965: 77];
- редупликации (*es wurde dunkler und dunkler*) [Carstensen 1965: 77; ср. Zimmer 1998: 79];
- аналитические сложные слова типа *Flughafen-Zubringer-Service* [Zürn 2005: 222] и *Amerika Haus* [Carstensen 1965: 36] (в данном случае подобные сочетания даже трудно назвать сложным словом, т.к. они не содержат никакого связующего элемента).

Именно на материале аналитических существительных особенно хорошо видно родство аналитических форм английского и немецкого с формами пиджинов, ср. Ток-Писин (смесь английского с различными меланезийскими языками): *buk singsing* 'книга псалмов' (= *book sing sing*), *han bilong diwai* 'ветка' (= *hand belong tree*), *tok ples bilong Sidni* 'английский' (= *talk place belong Sidney*) [примеры: Леонтьев 1978], нем. *Anti-Aging Wirkstoff, Scan Repair Komplex, Support Datei, Shell Verweis, Windows Anhänger, Raster Schriftart, Notizblock Anwendung, System Säuberung Eigenschaft, Technische Unterstützungs Abteilung, Datei-Lösch Sekretär, Stadt Reinigungsamt*; англ. *Robinson Scent Shield Hair and Body Soap, Odor Free Deer Hunter Pump Spray*.

Среди причин аналитизации называют влияние диалектов и принцип наименьшего усилия [Cobber 2004: 244, 246], общую склонность германских языков к аналитическим формам [Мечковская 2000: 176]⁶³, следствие изменений в раннем новонемецком [von Polenz 1999: 342] и влияние английского [Carstensen 1965].

Что касается более свободного порядка слов в немецком и русском по сравнению с английским, то он является, на наш взгляд, отнюдь не выражением свободолюбия или, как сказал Ф.Кайнц, «Gestaltungswillen», а

⁶² *Von* вместо окончания род. п. -s, *würde* + гл. вместо устаревших форм глагола в сослагательном наклонении и отмирание окончаний – результат свойственного всем языкам стремления к экономии: [Braun 2001: 22]. Сокращение сферы употребления родительного падежа: [Meier 1964: 200]. Старые формы сослагательного наклонения, генитив, датив и аккузатив: [Stickel 2004: 13-15]. Влияние английского: родительный падеж с *von*, аналитические сравнительные формы прилагательных с *mehr* и редупликацией, номинализации с *am*, *beim* для выражения длительности действия: [Glahn 2002: 57-58].

⁶³ Ср. аналитизм и агглютинация: [Зеленецкий, Монахов 1983: 10].

следствием синтетического строя, и применяется он, среди прочего, для выражения категории определённости/ неопределённости: «Es wird deutlich, dass es keine sogenannte freie Wortstellung gibt. Jede Serialisierungsvariante ist stark informationshaltig. In Sprachen wie dem Latein oder dem Russischen, denen freie Wortstellung nachgesagt wird, liegt lediglich eine privilegierte Nutzung der Serialisierung zum Ausdruck von Definitheitswerten vor» [Leiss 2000: 198; ср. Зеленецкий, Монахов 1983: 121; Зеленецкий 2004: 134]. В древнеанглийском, когда черты синтетизма были выражены ярче, порядок слов был также не столь жёстким, как в его нынешнем варианте [Hawkins 1986: 41].

Под влиянием английского после 1991 г. резко ускорилась аналитизация и в русском языке, что видно по ослаблению аффиксации [Валгина 2001], сокращению сферы употребления относительно редких падежей (творительный, дательный и предложный) [Kempgen 1995: 39], растущему числу аналитических композитов (*DVD-плеер*, *SMS-сообщение*, *интернет студия*) [Ферм 1994: 51; Скляревская 2001; Рощина 2004: 158-159] и аналитических форм сравнения прилагательных (*более лучший*, *более холодный*) [Воротников 2001], неассимилированных иностранных слов, в т.ч. сокращений (*VIP*, *IP*, *mp3*) [Руо 1997: 168, 172-173; Валгина 2001; Рощина 2004: 156-162], более жёсткому порядку слов [Жилина 2001] и т.д.

Характерно, что и в России отдельные авторы из либеральных кругов видят в аналитизме английского языка признаки различных положительных черт английского национального характера (напр., рационализма, демократизма, активного отношения к жизни и даже склонности к монотеизму), а в богатом флексиями синтетическом русском – пассивность, коллективизм, коммунистические и даже фашистские идеи:

«Английский язык с его аналитической структурой и минимумом флексий, выделяющих человеческую личность как центр воли и активности, оказался дальше от язычества и ближе к монотеизму, в сравнении с другими европейскими языками. Удивимся ли мы, что в англоязычной среде были созданы капитализм и демократия? Коллективные идеи (коммунизм, фашизм), напротив, никогда не были популярны в Англии, как в других европейских странах... Англоязычный мир ближе к рациональному праву, демократии и капитализму; в современном политическом и экономическом устройстве бывшие английские колонии: США, Австралия, Индия – отличаются от бывших французских, испанских и португальских.

Не удивительно ли, что сама идея свободы, быть может, зависит от тирании языка?

Если в языке и сознании активный человеческий индивидуум отделен от остальной природы (как в английском), то в культуре следует ожидать усиления прагматизма и рациональности – в отличие от созерцательного характера культуры и сознания, связанных с сильно-флексивными языками (как русский), не выделяющими человека как центр активности» [Перловский 2003].

Автор этой цитаты, нельзя не отметить, работает на армию США.

Некоторые учёные видят связь между системой грамматических родов и формами социального бытия:

«Языки с различием трёх грамматических родов “сексуализируют человеческую мысль”, вводя в неё *физиологический* подтекст как лейтмотив мышления; весь мир до последней былинки предстаёт разделённым на родополовые противоположности с дополнительным выделением незащитного детского (или собирательного общего) в средний род (дитя – оно, и поле – тоже оно). Таковы древние языки (санскрит, греческий, латинский), а также немецкий и славянские.

В языках с двумя родами находим *биологическое* противопоставление живого – неживому, того, что может двигаться и изменяться, – тому, что инертно, что “омертвело” (*genus vivum – non vivum*). В романских языках, а также в литовском и латышском противопоставлены мужской и женский роды.

В третьей группе языков основная идея социологического характера. Скандинавские и английский языки выделяют личные мужской и женский роды, общий род и средний между ними (*род веществ*). В центре внимания здесь лицо, личность, род зрело-мужской (или мужественно-индивидуальный) и род общий. В такой языковой атмосфере женщина борется за свои права, феминистки добиваются политкорректности, о которой и не помышляют представительницы других ментальностей. Эти же не желают относиться к “общему” роду, настаивая на личной индивидуальности.

Историческая последовательность в развитии категории именно такова: физиологическое > психологическое > социологическое. Литовский и латышский на полпути от первого ко вторым, польский – от второго к третьим» [Колесов 2001: <http://www.auditorium.ru/books/55204/full55204.pdf>].

Таким образом, в этом отношении немецкий язык (как и русский) находится на самой древней стадии развития. Характерно, что В. Колесов видит в английской форме грамматических родов (социальной) акцентирование отдельной личности («В центре внимания здесь лицо, личность»), т.е., по сути, выражение индивидуализма. Не исключено, что вывод этот сделан под властью стереотипов, т.к. в креольских языках система родов зачастую соответствует английской, что скорее указывает на действие определённых универсалий при построении языка в самых рудиментарных формах, чем на определённый тип культуры. В том же источнике В. Колесов пишет: «Так, русские *дух* и *душа* общего корня и различаются только родом, не так, как в английских *soul* и *spirit*, немецких *Geist* и *Seele*, и т.д. На таких “этимологических мифах” и строятся обычно рассуждения философов, которые говорят о высокой *духовности* и женственности русской *душевности*». Не следует, на наш взгляд, переоценивать значимость грамматического рода отдельных слов для национального менталитета, т.к. речь здесь идёт не более чем об «этимологических мифах».

Из того же разделения языков на три группы Б. де Куртене выводит толкование в разных народах понятия любви и её связи с сексом:

«Первая группа языков в центре внимания держит связь идеи-мысли о роде с выражением её в слове; вторая группа языков обращена на тело-вещь, а для третьей вопрос о роли “пола” решён окончательно. Отсюда, между прочим, разное отношение к любви. В первом случае любовь предстаёт как

многогранный символ различного отношения к людям (у русских слово *любовь* имеет четыре одинаково важных смысла), во втором – как образ жизни, воспроизведение рода как связь полов, а в третьем – как определенное понятие о несущественной стороне жизни, оценённое прагматически (однозначно *sex*). По мнению Бодуэна, «порнографический цинизм» вырастает из ментальности второй группы языков, а нездоровое любопытство школьника к проблемам пола присуще третьей. У представителей первого типа ментальности часто развивается и ценится платонически-романтическое чувство любви. В основе предпочтений лежат различные «философские» ментальные позиции: реализм в первой группе, концептуализм – во второй, номинализм – в третьей» [Колесов 2001: <http://www.auditorium.ru/books/55204/full55204.pdf>].

Как ни лестно для русских осознавать принадлежность к первой группе (где отсутствуют порнографический цинизм и нездоровое любопытство к сексу), делать столь далеко идущие выводы о ментальности народов, основываясь лишь на грамматическом роде, представляется нам недопустимым. В Германии (также принадлежащей к первой группе) «прагматизм» в понимании любви и отношении к ней выражен не меньше, чем в англоязычных странах: не зря именно Германия является одним из главных поставщиков порнографии на мировом рынке, не зря там (в отличие от некоторых других стран Запада) не запрещена проституция, браки заключаются зачастую ради экономии на налогах и регулируются брачными контрактами, а своих возлюбленных немцы открыто называют *LAP (Lebensabschnittspartner* 'партнёр отрезка жизни'). Как брак, так и любовные отношения вообще являются в Германии партнёрскими отношениями, где во главу угла ставятся не деторождение, а личное счастье и личная выгода, что вполне соответствует максимам других индивидуалистических культур:

«Divorce rates vary widely by country, ranging from .01 percent of the population annually in Bolivia, the Philippines, and Spain to 4.7 percent in the world's most divorce-prone country, the United States. To predict a culture's divorce rates, it helps to know its values. Individualistic cultures (where love is a feeling and people ask, 'What does my heart say?') have more divorce than do communal cultures (where love entails obligation and people ask, 'What will other people say?'). Individualists marry 'for as long as we both shall love,' collectivists more often for life. Individualists expect more passion and personal fulfilment in a marriage, which puts greater pressure on the relationship» [Myers 2002: 463-464].

Э.Фромм, например, описывал брак в индивидуалистических обществах как прагматичный альянс двух человек, которые в своём удвоенном эгоизме ведут борьбу за ресурсы против всего остального мира и одновременно спасаются от тотального одиночества⁶⁴. К.Лаш называет следующие принципы индивидуалистического общества: «не строить глубоких отношений с другими людьми, не давать ранить себя, быть независи-

---

⁶⁴ Коллективизм: семья – основная ячейка общества; индивидуализм: семья – крепость для борьбы против общества: [Ивин 2000: 228, ср. 240].

мым в своих чувствах, жить самому»⁶⁵. Если в России демонстрация материалов откровенного содержания в СМИ вызывает массу нареканий и требования ввести цензуру⁶⁶, то в Германии большинство опрошенных в 1990-е гг. были против запрета на показ секса по телевидению [Köcher 1997: 429]. К.К.Дион и К.Л.Дион в своих международных сравнительных исследованиях доказали, что ярко выраженный индивидуализм коррелирует с высокой частотой разводов, неспособностью людей строить близкие отношения, ассоциированием любви с игрой и источником удовольствий, нежеланием принимать на себя какую-либо ответственность за «партнёра». Ярко выраженный коллективизм, напротив, способствует развитию длительных, глубоких и прочных связей, но связи эти чаще, чем в индивидуалистических странах, основываются не на любви, а на дружбе, общности интересов и взглядов, отказе от удовольствий во благо детей и стабильности отношений⁶⁷.

Таким образом, отношение к любви и сексу определяется, на наш взгляд, не системой грамматических родов, а типом культуры (индивидуализм/ коллективизм). Более того, закономерности деления существительных по родам не свидетельствуют о принадлежности носителей данного языка к индивидуалистическим или коллективистским обществам.

Небольшое количество возвратных глаголов в английском языке Ф.Кайнц связывает с реализмом и прагматизмом англосаксов [Langenmaur 1997: 326; Kainz 1965: 318]. Похожие мысли можно найти и у М.Дойчбайна:

«Eine weitere Eigentümlichkeit des Neuenglischen ist die geringe Zahl der echten reflexiven Verben. Das reflexive Verbum bedeutet, dass eine Tätigkeit, ein Vorgang sich unmittelbar innerhalb der Sphäre des Subjekts vollzieht, dass das Subjekt eine innere Teilnahme, ein starkes Interesse an dem Vorgang und an der Handlung hat; mit einem Worte, dass das Subjekt die Handlung erlebt. Dieses besonders innerliche Verhältnis des Subjekts zur Handlung kommt nun sprachlich in den reflexiven, medialen Verben zum Ausdruck. Da der Engländer eine Äußerung seines Gefühlslebens vermeidet, sind die reflexiven Verben überflüssig geworden» [Deutschbein et al. 1928: 53].

В немецком языке общее число возвратных глаголов больше, чем в английском [Kufner 1969: 73-74], поэтому можно было бы предположить,

⁶⁵ Автор добавляет, что сексуальное освобождение, феминизм и порно строят эмоциональные барьеры и не допускают глубоких и интенсивных чувств. Одним из следствий «персонализации», т.е. индивидуализации, является, с его точки зрения, разделение между сексом и чувствами, приведшее к возникновению «бункера равнодушия» к другим людям на Западе [Lipovetsky 1995: 108, ср. 109].

⁶⁶ 2005 г.: 82% требуют введения цензуры на показ секса и насилия: [ВЦИОМ 2005].

⁶⁷ Опросы; в т.ч. сравнивались Россия и США: [Dion, Dion 1996: 14-16, 9]. Ср. N.Brodbar и Y.Jay эмпирически доказали, что опасность развода семейной пары напрямую зависит от уровня индивидуализма супругов: [Triandis 1990: 85]. Согласно Д.Лестеру, в индивидуалистических странах разводятся особенно часто: [Hofstede 2002: 227].

что из-за сильного влияния английского их число будет сокращаться. Действительно, в отдельных случаях можно наблюдать употребление глаголов, требующих обычно возвратных местоимений, без таковых (*Die beiden Türen öffnen so weit; Nebel, nur zögernd auflösend; Hinter einem abschwächenden Tief, ein selbstregierender Freistaat*) [Carstensen, Galinsky 1975: 28; ср. von Polenz 1999: 407]. Но, с другой стороны, П.фон Поленц описывает ряд случаев, где наблюдается противоположная тенденция (*biegt sich leicht, liest sich gut, lebt sich gut, verdankt sich*) [von Polenz 1999: 352]. В русском языке число возвратных глаголов несколько увеличилось после 1991 г. [Перцов 2004]. В литературе по типологии языков нетрудно найти объяснение количества подобных конструкций с рефлексивными глаголами (*мне живётся хорошо, книга легко читается*) через степень аналитизма языка: чем ярче он выражен, тем меньше в нём возвратных глаголов и, соответственно, безличных конструкций такого рода [Зеленецкий, Монахов 1983: 105; ср. Зеленецкий 2004: 182]. Поэтому связывать их наличие с прагматизмом и реализмом нет никаких оснований.

К.Вильдхаген объясняет склонность английского языка к сокращениям не только принципом наименьшего усилия, но и особым рвением англичан на пути прогресса (*Fortschrittsdrang*), а само это рвение связывает с индивидуализмом [Wildhagen 1929: 314-315]. Ф.Кайнц видит в этом же явлении выражение английского прагматизма и «языкового утилитаризма» [ср. Kainz 1965: 319-320]. Ряд американских лингвистов считает краткость английских слов выражением относительно высокой ценности времени [ср. Леонтович 2005: 170] (этот же фактор связывают с разработанностью системы времён, которых в английском больше, чем в немецком и русском [Карасик 2001]⁶⁸).

После Второй мировой войны сокращения распространились и в немецком, частично под влиянием английского [ср. Lubeley 1993: 85; Carstensen, Galinsky 1975: 18; Schmidt 2000: 183]⁶⁹: *E-Musik (ernste Musik), U-Musik (Unterhaltungsmusik), Erostress (Eros + hostess), Eurokraten, Euromarkt, Europol, Europeade, FKK (Freikörperkultur), Frust, Hangotainer* ‘fahrbarer Behälter, in dem Kleidungsstücke hängend transportiert werden können’, *Lollo* ‘üppiger Busen, enger Pullover’ (по имени итальянской актрисы G.Lollobrigida), *MAK-Wert* ‘Schadstoffkonzentration in der Luft, die am Arbeitsplatz nicht überschritten werden darf’ (из *maximale Arbeitsplatz-Konzentration*), *Metaller* (из *Metallarbeiter*), *Mofa* (из *motorisiertes Fahrrad*), *UNO-City, UNICEF, Wisbi* ‘eine amerikanische Skirennsportart, die dem normalen Skiläufer die Möglichkeit bietet, sein Können mit dem eines Weltklasseläufers zu vergleichen’ (из *Wie schnell bin ich?*), *LDH = Lies das Handbuch*

⁶⁸ Языковые категории, относящиеся ко времени, больше разработаны в западных языках, чем в славянских: [Мечковская 2000: 66]. Временные категории выражены больше в английском, чем в русском: [Аракин 2005: 91; Аполлова 1977: 134]. Время для англосаксов важнее, отсюда его большая степень выраженности в английской грамматике по сравнению с русской: [Леонтович 2005: 130-136; Козлова 2001].

⁶⁹ Примеры: *Profi, Ami, Krimi, Uni* [Carstensen 1965: 45-46]. Сокращения в профессиональных жаргонах: [Fluck 2001: 177].

(ср. *RTM = Read the manual*). Под влиянием английского некоторые виды сокращений распространились после 1991 г. и в русском⁷⁰: *Борис Гребенщиков – БГ, Ельцин Борис Николаевич – ЕБН, Владимир Владимирович Путин – ВВП, Михаил Борисович Ходорковский – МБХ, Алла Борисовна Пугачёва – АБИ*, ср. *George Bernard Shaw – G.B.S., Marilyn Monroe – М.М.*

Не исключено, что склонность англичан к построению сокращений объясняется всё тем же аналитическим типом английского языка, где слабо развита аффиксация и потому для расширения словарного запаса используются другие средства. Тем не менее аналитической структурой можно объяснить лишь ту часть сокращений, которая привносит и новое значение в лексикон (типа *Hangotainer*). В остальных же случаях действительно можно предположить влияние англосаксонского менталитета, поскольку одна типология не объясняет, почему в Англии и США аббревиатуры используются активнее, чем в Германии и России.

Что касается упомянутой выше склонности англосаксов к языковым изменениям (*Fortschrittsdrang* на языковом уровне), то она, на наш взгляд, лишний раз свидетельствует о непрочности социальных связей в американском и английском обществах. В связи с этим можно вспомнить теорию социальных сетей Милроя, согласно которой крепкие и многочисленные социальные связи препятствуют языковым изменениям и принуждают носителя языка использовать тот же стиль речи и лексикон, что и его окружение:

«Das Modell beruht auf dem Prinzip der relativen Stärke der sozialen Bindungen in Sprechergemeinschaften und baut darauf ein soziales Netzwerk auf. Ein grundlegender Gesichtspunkt dieses soziolinguistischen Sprachwandelmodells ist, dass die Untersuchung der Aufrechterhaltung und Festschreibung der Sprache durch soziale Notwendigkeiten und Zwänge primär ist gegenüber der Untersuchung des Sprachwandels an sich. Das soll heißen, dass das Phänomen des Sprachwandels am besten vor dem Hintergrund der Aufrechterhaltung des bestehenden Sprachgebrauchs verstehbar ist. Man geht dabei davon aus, dass starke Bindungen innerhalb der Gemeinschaften die Normen setzen und erzwingen und somit dem Sprachwandel widerstehen bzw. ihm vorbeugen» [Zybatow 1995: 192].

Именно этой теорией объясняется языковой консерватизм коллективистов и низших слоёв западных обществ по сравнению с более индивидуализированными высшими слоями. И если для коллективистов язык действительно является «the great bond and common tie of society» [J.Locke, цит. по: Zybatow 1995: 195], то для индивидуалистов это просто удобное средство коммуникации. Например, в Германии 68% опрошенных считают язык основным связующим элементом нации, но в качестве реакции на слово 'Германия' немецкий язык не упоминается вообще [Köcher 1997: 493]. Для россиян язык также является (вместе с историей) основным связующим элементом (опрос, 2003 г.) [Рубцова 2003], причём русскими они считают в первую очередь говорящих на русском и соблюдающих русские традиции, независимо от истинной национальной принадлежности и веры

⁷⁰ Напр., [Скляревская 2001; Валгина 2001].

(1996 г.) [Левада 2000]; первая реакция на слово *русский – язык* (2003 г.) [Жданова 2003: 41].

Обращает на себя внимание и практически полное отсутствие критических голосов в Германии относительно тотальной американизации немецкого языка, никак не сопоставимое с тем потоком гневных статей (как учёных, так и рядовых граждан) о «загрязнении» русского англицизмами. Складывается впечатление, что в России американизация немецкого критикуется чаще, чем в самой ФРГ⁷¹. «Lieber ein halber Ami als ein ganzer Nazi», говорит по этому поводу В.Крэммер [Krämer 2000: 59]⁷². Правда, в последние годы русский язык начал терять свою социокультурную ценность в пользу общей истории и других факторов: если в 1989 году русский язык ассоциировали с русским народом 22% опрошенных, то в 1994 г. – 19%, а в 1999 г. – 17% [Левада 2000].

Для американцев язык никогда не выполнял столь важной функции общего связующего звена нации:

«But by the time the nation was fifty years old, Americans had come to believe that they required no national language of their own, and that American identity could rest on a common commitment to the political institutions established at the nation's founding» [Nunberg 1992; ср. Еремеев 2002].

«Language has seldom functioned as a symbolic identifier in the United States, as an emblem of national pride or a badge of exclusivity. America's founders generally espoused an ideological brand of nationalism that stressed agreement on democratic principles rather than bonds of ethnicity» [Crawford 1998].

Возможно, отчасти этим объясняется и тот факт, что американский вариант английского вбирает в себя больше иностранных слов, чем британский [Langenmayr 1997: 333]. Согласно анализу английской фразеологии, проведённому Д.Полиниченко, английский язык рассматривается его носителями в первую очередь как средство самообогащения (ср. *Dumb men get no lands; Speak and speed, ask and have*) [Полиниченко 2004: 88].

Присутствует ещё один фактор, который обуславливает относительно быстрое развитие языков в индивидуалистических культурах. Речь идёт о той же слабости социальных связей, но в данном случае только в кругу семьи. Известно, что языки развиваются максимально быстро во время войн, революций, эпидемий и других потрясений, результатом которых является массовое появление беспризорных детей и неполных семей, где подрастающему поколению уделяется недостаточно внимания, т.к. на единственного родителя ложится двойная нагрузка. В таких ситуациях у ребёнка зачастую нет возможности выучить родной язык досконально,

---

⁷¹ Напр., «Ученые опасаются, что через 50 лет в Германии будут говорить на языке, который бы не поняли сегодняшние немцы. Печальный опыт деградации современного немецкого языка должен заставить опомниться и нас. Если мы будем благоденствовать и надеяться на самоочищающую силу русского языка, все это повторится у нас» [Павлов 2000: http://www.relga.rsu.ru/n43/lg43_1.htm].

⁷² Ср. потребность немцев чувствовать себя причастными к американской культуре: [Langenmayr 1997: 322].

прислушиваясь к своему окружению, а потому он вынужден выдумывать некоторые формы и слова сам. Например, особо быстрое развитие языка в Скандинавии приписывается постоянному отсутствию мужчин (викингов) и, соответственно, двойной нагрузке на женщин, которым в результате не хватало времени на своих детей. Ярким примером созданных детьми языковых форм являются креольские языки, обычно возникающие в течение одного поколения на основе обрывков тех языков, на которых говорят окружающие (такое зачастую случалось на плантациях, где рабов из разных стран специально перемешивали, чтоб они не могли общаться друг с другом и не организовывали побегов). Поскольку универсалии, по которым создаются такие языки, одинаковы во всём мире, все креольские языки оказываются грамматически похожими друг на друга, независимо от того, в какой части света они возникли. Именно благодаря этой способности головного мозга создавать примерно одинаковые формы (т.е. направлять мышление при словотворчестве и воспроизведении грамматических форм примерно в одно и то же русло), дети, создающие креольский язык, легко находят общий язык и со временем закрепляют наиболее удачные нововведения.

В современном индивидуалистическом обществе возник, однако, ещё один фактор, не дающий детям в полной мере через общение с родителями освоить язык окружения – нежелание родителей тратить время на своих детей: «Whereas collectivists rarely neglect their children, this is not always the case with the individualists. In fact, cases of child neglect and abuse reached epidemic levels in the United States» [Triandis 1990: 75; ср. Стефаненко 2004]. Необходимо учитывать и тот факт, что сам стиль воспитания в индивидуалистических обществах отличается тем, что родители значительно меньше контактируют с детьми, надеясь таким образом сделать их более самостоятельными:

«[S.-H.] Choi found that Korean mother-child interactions to have a “communicative pattern relationally attuned to one another in a fused state”, where the mothers freely enter their children’s reality and speak for them, “merging themselves with the children”. The Canadian mothers, on the other hand, were “distinguished by their effort to detach themselves from the children ... withdrawing themselves from the children’s reality, so that children’s reality can remain autonomous”. This is quite similar to [H.] Azuma’s characterisation of the mother-child interaction in Japan, where the mother’s message to the child is “I am one with you, we can be and will be of the same mind”» [Kagitçibasi 1995: 62].

Кроме того, выше уже было упомянуто, что на Западе растёт число неполных семей из-за распада института брака. Что касается разрыва поколений, способствующего ускорению языкового развития, то и оно подтверждается социологическими данными, будь то Германия (1970-80-е гг.)⁷³,

⁷³ «Dieser Wertewandel war in einer Vielzahl westlicher Länder zu beobachten, doch in Westdeutschland war er stärker als in jedem anderen Land. Es entstand eine Generationskluft, wie sie in dieser Stärke nirgendwo sonst beobachtet werden konnte. Eltern und Kinder entfernten sich voneinander». См. тж. данные в начале статьи. [«Der Wert der Freiheit. Ergebnisse einer Grundlagenstudie zum Freiheitsverständnis der Deutschen. Oktober/November 2003» 2003].

Россия (1993-2004 гг.)⁷⁴ или США (2000 г.)⁷⁵.

С точки зрения Ф.Кайнца, разнообразие стилей речи, в т.ч. идиолектов, свидетельствует о преобладании индивидуалистической идеологии в данной культуре [Langenmaug 1997: 318; Kainz 1965: 325, 327]. Сюда можно отнести избегание клише, различных устойчивых выражений, пословиц, метафор, столь характерных для коллективистских культур, поскольку именно эти языковые средства подчёркивают общность говорящего и его слушателей, их коллективные знания и общий культурный фон со всеми его идеологемами, мифологемами, позитивными и негативными коннотациями, связываемыми с определёнными словами и выражениями. Для индивидуалиста, напротив, общность со слушателями не играет никакой роли, поскольку его цель заключается в самовыражении, т.е. обособлении, отграничении себя от окружающих на языковом уровне. Достичь этого можно с помощью таких языковых средств, как индивидуализмы (*Missis-mister, Baby-Lavator, Supermobil, Coca Colony*), редкие слова, оригинальные метафоры и афоризмы собственного авторства, иноязычная лексика (если она может произвести впечатление), различные нарушения языковой нормы, т.е. любые средства, придающие идиолекту неповторимость и оригинальность.

Отграничение идёт не только на уровне идиолектов: в индивидуалистических обществах западного типа обычно ярко выражены различные сленги (особенно молодёжный), жаргоны, социолекты и субстандарты, употребляемые в различных общественных организациях, сектах, субкультурах. Именно постоянным поиском новых, оригинальных, свежих языковых средств Б.Карстенсен объясняет лавинообразный поток англицизмов в послевоенных немецких СМИ [Carstensen, Galinsky 1975: 309]. Стремление к оригинальности коснулось и имён, среди которых, начиная с 1960-х гг., всё чаще встречаются иностранные [von Polenz 1999: 381]. В средствах массовой информации ФРГ можно было с 1950-х гг. наблюдать

---

⁷⁴ Результаты опросов: индивидуализация в России, причём либералы-индивидуалисты реже по сравнению с другими группами осуждают взяточничество, наркотики, воровство, эмиграцию из России, измену Родине, разводы, секс-связи до брака, самоубийство, проституцию, курение, неуплату налогов, показ секса по телевидению, отказ от службы в армии, супружескую измену: [Бызов 2002]. «Главный результат продолжавшихся с 1993 года исследований (наиболее масштабные социологические замеры были проведены [Институтом комплексных социальных исследований Российской академии наук] в 1998 и 2004 годах) выглядит неприятно и для власти, и для общества: социологи пришли к выводу, что “народного большинства, которое могло бы заявить: это – мое государство и моя политика, – в России сегодня нет”. Но это еще полбеда: население страны состоит из двух групп граждан с противоположным видением мира, принципиально не совпадающими взглядами на роль государства в их жизни и с различной системой базовых ценностей» [Ильичёв 2004].

⁷⁵ Молодёжь значительно меньше осуждает воровство, наркотики, превышение скорости, обман, неуплату налогов и т.д.; вывод социологов: «For more than two thousand years – maybe longer – older adults have worried that young people don't share their high moral values. A new Harris Poll provides clear evidence that they may be right. Many young adults today do not accept the same strict views of their seniors as to what is, or is not, absolutely wrong» [Taylor 2000].

следующие тенденции: рост разнообразия стилей и содержания, поиск оп-ределённых целевых групп, «демократизация языка» (т.е. сближение стиля письма/ речи в СМИ со стилем речи целевой группы) [Straßner 1980: 329-331].

Всё это характерно и для России после 1991 года: диверсификация идиолектов [Стернин 2000], рост числа индивидуализмов в повседневном общении и языке СМИ (*пикниковаться, кинобосс, китекиада, футболе-утоляющее*) [Рацибурская 2004: 35-36; ср. Ферм 1994: 91-92; Земская 2000а: 128; Валгина 2001; Богданович 2000], реабилитация и популяриза-ция субстандарта (причём в некоторых русских жаргонах объём семанти-чески непрозрачной лексики достиг 80% [Колесов 2001: <http://www.auditorium.ru/books/55196/full55196.pdf>; ср. Маслова 2001: 80], что делает эти формы русского языка на лексическом уровне более далёкими от ли-тературного языка, чем украинский – в нём русским непонятно 38% лек-сики [Радчук 2000]), возникновение социолектов⁷⁶, провокативные нару-шения языковой нормы (как и рост терпимости к ним) [Воронцова 2000: 305-307].

Не вписывается в общую картину только исследование И.Подольян, которая в серии опросов американцев, немцев и украинцев установила, что как раз украинцы используют клише реже остальных, из чего автор делает вывод, что именно украинцы являются самыми индивидуалистич-ными из этих трёх народов⁷⁷. Действительно, можно себе представить, что в определённых случаях действие культурем коллективизма/ индивиду-ализма перекрывается другими факторами (в данном случае речь идёт о более мощном влиянии СМИ на Западе). Не исключено, что имеются не-доработки и в самой культурологической теории: либо клише никак не связаны с индивидуализмом, либо украинцы значительно более индиви-дуалистичны, чем показала серия международных опросов *World Values Survey* (согласно их результатам, выраженность коллективистских *survival values* в Украине уступает таковой только в России и Молдавии) [Inglehart, Baker 2002]. Окончательно решить этот вопрос могут только масштабные сопоставительные исследования различных языков с точки зрения данной дихотомии кросс-культурного анализа.

Особенно активно в немецкий язык внедряются новшества, связанные с политкорректностью в её американском варианте: «Insgesamt ahmt Deutsch die sprachlichen Renovierungen des politisch korrekten amerikani-schen Englisch getreulich nach. Es handelt sich auch nicht bloß um den Import einiger Wörter. Importiert wurde die Denkweise, die jene Wörter hervorge-bracht hat und hier nun neue des gleichen Schlags hervorbringt» [Zimmer 1998:

⁷⁶ Распад русского на социолекты: [Гудзенко 2003]. Опрос, 1999 г.: распад рус-ского на социолекты (из-за возникновения новых классов) оценивается 58% нега-тивно и 29% позитивно: [Кертман 2000].

⁷⁷ Автор называет и других авторов, которые считают индивидуализм одной из характеристик украинской культуры; у американцев более ярко выражен утилити-ризм, прагматизм, материализм и культ потребительства, т.е. качества, обычно ассоциируемые с индивидуализмом: [Подольян 2000: 9, 16, 17].

149; ср. von Polenz 1999: 326-327]⁷⁸. В первую очередь речь идёт о нововведениях, призванных выровнять ярко выраженный крен немецкого языка в сторону маскулинных форм, т.е. плодах феминистического дискурса. Хотя не совсем ясно, можно ли связывать возникновение феминизма с индивидуализацией западных культур (в культурологической литературе нетрудно найти голоса и за [Hofstede 2002: 310-311], и против [Miegel, Wahl 1993: 59-60] этого тезиса), речь идёт, несомненно, о влиянии категорий англосаксонского менталитета.

Политически корректные термины охватывают те группы населения, которые, как полагают авторы неологизмов, подвергаются дискриминации по какому-либо признаку, напр. гомосексуалисты (*Coming-out, Gay Club, open-minded* 'offen, tolerant', *outen, schwul ist cool, Heterosexismus*), женщины (*Gender, gendern* '(ein Projekt oder Vorhaben) auf gleichstellungsrelevante Gesichtspunkte prüfen', *Politesse, Bankkauffrau, Friseurin, er/ sie* вместо *er, deren/ dessen* вместо *dessen, SchülerInnen* вместо *Schüler* (мн. ч.), *Professorinnen und Professoren* вместо *Professoren* (обращение к профессорам обоих полов), *gender mainstreaming* 'Geschlechtsrollenausgleich', *Schirmfrauschaft, Efrauzipation, verschwestern* вместо *versöhnen*), представители непрестижных профессий (*Hausangestellte* или *Hausassistentin* вместо *Magd, Raumpflegerin* вместо *Putzfrau, Florist Blumenbinder, Glasreiniger* вместо *Fensterputzer*) и другие группы (*Elitismus, Ethnozentrismus, minderbegabt* или *andersbefähigt* вместо *dumm, minderbemittelt* или *sozialschwach* вместо *arm, Person mit Psychiatrieerfahrung* вместо *Irre, ageism, best ager* 'Jungsenior'), ср. англ. *pretty-plus girls' size, disadvantaged* (= *poor*), *students with special needs* (= *handicapped students*), *physically challenged (person)* (= *handicapped*), *visually challenged* (= *blind*), *custodial engineer* (= *janitor*), *canine control officer* (= *dog catcher*), *shoe rebuilder* (= *cobbler*); плюс общая лексика (*Opfergruppe, diffamieren, stigmatisieren, marginalisieren, deklassieren, ausgrenzen, viktimisieren, (rassistische, sexuelle) Sensibilisierung, Unsensibilität*).

В русском языке найти какие-либо нововведения, связанные с политкорректностью, практически невозможно. Слова типа *эйджизм, бодизм* и *фейсизм* употребляются обычно скорее в ироничном контексте, а попытки либеральной интеллигенции ввести слова типа *афророссиянин* не находят поддержки в обществе. О росте толерантности к сексуальным меньшинствам свидетельствует заимствование некоторых англицизмов без ярко выраженной оценочной компоненты: *гей, би, лесби, кьют* (до этого все слова, относящиеся к гомосексуализму, носили либо пейоративный, либо медицинский характер). Кроме того, в молодёжном сленге некоторое распространение получила лексика из жаргона гомосексуалистов: *лесбушка* и *лесбище* 'место сбора лесбиянок', *круизинг* 'место сбора гомосексуалистов', *нэнси* 'пассивный гей', *комбайн* 'женатый гомосексуалист', *унисекс* 'гей, который может быть и активным, и пассивным'. Более чётко рост толерантности отражается в статистике: например, в 1989 г. «ликвидации»

⁷⁸ Ср. та же тенденция на Западе, связь с индивидуализмом: [Lipovsky 1995: 30].

проститутки требовали 27%, в 1995 г. – 18%, в 1999 г. – 12%; в 1989 г. «ликвидации» рокеров требовали 20%, в 1994 – 26%, в 1999 г. – 15% опрошенных⁷⁹.

Д.Циммер считает влиянием американской культуры получившую широкое распространение в ФРГ «коммерческую вежливость» (*Liebe Kunden, Lieber Herr, Ihr Crew wünscht Ihnen...*), которую он называет «*Neue Herzlichkeit*»⁸⁰. Сюда же относится и американская «дежурная улыбка», и замена «грубых» формулировок на всякого рода надписях в парках, официальных учреждениях и т.п. (раньше *Zutritt verboten!*, *Betteln und hausieren verboten!*, теперь *Bitte leise sprechen!*) [Карасик 2002, 2004], и различные языковые средства для смягчения высказывания (*Ich könnte mir vorstellen...*, *Wenn ich so sagen darf...*, *Ich möchte meinen* [Glahn 2002: 58; ср. von Polenz 1999: 387]; *irgendwie, in etwa, eigentlich, im Grunde, sozusagen, gewissermaßen, nun, eben, ja, doch, wenn ich so sagen darf, man könnte behaupten, ich darf feststellen* [von Polenz 1999: 386-387]).

Помимо влияния английского языка существует ещё несколько факторов, способствующих развитию данных тенденций. Например, отход от «грубых» формулировок может объясняться отходом от таких целей в воспитании, как послушание, дисциплина, порядок и подчинение в пользу самостоятельности [Klages 1996: 66]⁸¹. Я.Еремеев объясняет частоту «грубых» формулировок в русском отсутствием понятия *privacy* [Еремеев 2002]. Однако несоизмеримо большее внимание к неприкосновенности личной сферы в германском культурном пространстве не позволяет перенести эту гипотезу на немецкий язык. Что касается смягчающих высказывание языковых средств, свойственных и для женского гендерлекта, причиной их большего распространения в английском по сравнению с немецким может быть менее выраженная маскулинность англоязычных культур по сравнению с немецкоязычными: согласно Г.Хофстеде, ФРГ достигла на шкале маскулинности 66 пунктов, США 62, Великобритания 66, Австра-

⁷⁹ Автор связывает нелюбовь к рокерам тем, что для их обозначения используется англицизм: [Левада 2000].

⁸⁰ «Die Firma, die die Skilifte betreibt, welche momentan wegen Nebels alle stillstehen, bittet auf der Anzeigetafel im Tal um *Verständnis*, das in diesem Fall auch nicht schwer fällt, tut aber ein übriges: *Die Luftseilbahnen wünschen Ihnen einen guten Aufenthalt im Dorf*, will sagen, sie erwarten, dass man dann wenigstens in den Gasthäusern Geld ausgeben wird» [Zimmer 1998: 182-183, 186, 189-190, ср. 187].

⁸¹ Ср. «Der Haupttrend des Wertewandels in der Bundesrepublik Deutschland verläuft von den *traditionellen* Pflicht- und Akzeptanzwerten (u.a. Disziplin, Gehorsam, Unterordnung) zu den Werten der Selbstentfaltung (Emanzipation, Autonomie des Einzelnen, Selbstverwirklichung), aber auch hedonistischen Wertvorstellungen. Hier ist vor allem der Zeitraum von Beginn der sechziger bis in die Mitte der siebziger Jahre als jene Periode hervorzuheben, in denen dieser Wandel relativ rasch und quasi schubweise vor sich geht. Auf der Mentalitätsebene scheint sich ein Prozess abzubilden, der als Individualisierung im Sinne 'einer Freisetzung des Menschen aus ständischen und lokalen Bindungen, einer Pluralisierung der Lebensverhältnisse und eines Geltungsverlustes traditioneller Orientierungen' [laut M.Kohli] ein wesentlicher Entwicklungsbestandteil der modernen Industriegesellschaften gewesen ist» [Möhnwald, Ölschleger 1996: 124]. «Грубость» немецких формулировок автор объясняет характерным для немецкой культуры концептом *порядок*: [Вежбицкая 2001: 183].

лия 61, Канада 51, Новая Зеландия 58, Австрия 79, Швейцария 70 [Wienges 2003: 144]. Следует, однако, отметить, что маскулинность/ фемининность остаётся «hitherto neglected dimension of cultural difference» [Bond 1995: 71-72], а о её возможных лингвистических выражениях Г.Хофстеде, введший данную дихотомию, ничего не сообщает.

Распространение коммерческой вежливости в Америке Р.Лакофф объясняет следующим образом: «But in fact superficial friendliness and interest in others – as long as they serve one’s purposes – is associated with the narcissistic character, who is desperately concerned with his reception by others and therefore must feign interest in others»⁸². О.Леонтович рассматривает наигранную вежливость американцев в качестве выгодной коммуникативной стратегии, скрывающей их истинные намерения [Леонтович 2005: 191]. Д.Циммер полагает, что американцы вынуждены постоянно подчёркивать своё положительное отношение, пусть и наигранное, к окружающим, чтоб нейтрализовать высокий конфликтный потенциал полиэтничного общества [Zimmer 1998: 190-191]. В России «коммерческая вежливость» распространилась в первую очередь в различных бизнес-структурах («дежурная улыбка», формулировки типа *Спасибо, что Вы не курите*).

С отходом на второй план таких ценностей, как послушание и подчинение, связано ещё одно явление в немецком языке, которое можно проследить вплоть до XVIII в., а именно исчезновение официальных форм обращения (*gnädigst, unterthänigst, hochwohlgeboren, Exzellenz, in tiefer Ehrerbietung, hochverehrter, hochachtungsvoll, Magnifizenz, Spektabilität, Gnädige Frau, Mein Herr* [von Polenz 1999: 386]) и снижение частотности обращений *Herr* и *Prof.* С точки зрения А.Вежбицкой, этот факт говорит о распространении антиавторитарных ценностей [Вежбицкая 2001: 165]. Кроме того, во время движения протеста 1970-х гг. под влиянием США в студенческих кругах и различных контркультурах распространилось не только «демократичное» обращение по имени и на ‘ты’ (в т.ч. к университетским преподавателям) [Zimmer 1998: 193-198; ср. Stickel 2004: 20-21; Вежбицкая 2001: 165], но даже обращение на англ. *you*, а обобщающие гипотезы типа *Wenn man etwas erreichen will...* сменились на *Wenn du etwas erreichen willst* [von Polenz 1999: 407]. Хотя со временем обращение *Sie*, подчёркивающее «die rationalere distanzierte Beziehung zwischen den ökonomisch konkurrierenden Einzelnen» [U.Ammon, цит. по: von Polenz 1999: 383-384], вернулось на место *du*, опросы последних десятилетий показывают, что обращение на ‘ты’ всё-таки очень медленно, но уверенно вытесняет обращение на ‘Вы’ [von Polenz 1999: 385]. Это не означает, что «экономически конкурирующие индивиды» становятся таким образом ближе друг другу – речь в данном случае идёт лишь о распространении «демократического» эгалитаризма, т.е. нежелании признавать авторитеты и чьё-

---

⁸² Об американской приветливости: «...obviously, this kind of camaraderie is pure convention since there is no mutuality or intimacy elsewhere in the relationship»; на самом деле, американцам присущ нарциссизм, причём «narcissism ... involves an inability to empathize with or form deep relations with others»: [Lakoff 1979: 76, ср. 73, 75].

то превосходство над собой, закреплённое на лингвистическом уровне⁸³. Кроме того, некоторые культурологи предполагают связь между развитой системой титулов и ещё одним измерением кросс-культурного анализа – избеганием неопределённости (*uncertainty avoidance*): «Auch spielen Titel eine wichtige Rolle in risikovermeidenden Kulturen. Herr Professor will auch Herr Professor genannt werden – in Großbritannien und den USA werden Professoren mit dem Vornamen angeredet»⁸⁴. В России можно, помимо распространения тыканья, включить в тот же ряд и участвовавшее опускание отчеств.

Среди прочих признаков «демократизации» немецкого после Второй мировой войны называют распространение разговорного языка в СМИ [Schmidt 2000: 170; Lubeley 1993: 95; Adler 2004: 24; Cobber 2004: 244; Debus 1999: 50]⁸⁵ (отмечено после 1991 г. и в России [Eckert, Sternin 2004: 26; Cobber 2004: 244]), отказ от высокого стиля и повышение социокультурной оценки считавшихся ранее низкими субстандартов языка (включая столь знакомое и русским радикальное расширение домена употребления ругательств) [Bär 2001: 37-38]⁸⁶, переход от прескриптивной к дескриптивной лингвистике в сочетании со всё более ненормативным употреблением лексики и грамматики⁸⁷ (как и в России после 1991 г.⁸⁸), причём Р.Любелей напрямую связывает распространение «Privat-Orthographie» (т.е. устанавливаемых каждым для себя языковых норм) с ростом роли индивида, считающего себя более важным, чем общество и созданные им

⁸³ Ср. «One is tempted to speculate, in this connection, that the absence of an intimate T-Form of address [du-Form] ..., which sets English apart from other European languages, is a reflex of the same attitude [privacy]. The English *you* is of course very democratic, it is a great social equaliser, but it can also be seen as a distance-building device. This is not to say that the meaning of the English word *you* is analogous to that of a V-form [Sie-Form] in a language which does have a T-V contrast. But I think that in the absence of such a contrast the form *you* can't convey the intimacy signalled by the choice of a T-form. An intimate form allows the speaker to get psychologically close to the addressee, to penetrate the wall surrounding each individual. The English *you* keeps everybody at a distance» [Wierzbicka 2003: 47].

⁸⁴ Объяснение *uncertainty avoidance*: «Kulturen wie die Amerikanische, aber auch Großbritannien, Schweden und Dänemark empfinden Risiko eher als Herausforderung als als bedrohlich. (...) In Ländern wie Griechenland, Spanien, Italien und Deutschland sieht die Situation anders aus: Risiko bedeutet Bedrohung» [Dahl 2000: <http://www.intercultural-network.de/einfuehrung/risikobereitschaft.shtml>].

⁸⁵ Ср. смешение литературного языка с субстандартом, в т.ч. влияние разговорной речи на письменную: [Braun 2001: 17]. Последствие демократизации: [von Polenz 1999: 341, 353, 358-359, 370]. В американском английском разговорная речь смешивается с литературным языком больше, чем в других языках: [Stavyts'ka 2005: 288].

⁸⁶ Ср. активизация «Fäkalsprache» в молодёжном сленге 1970-х гг. и переход его в общее употребление: [Volmert 2004: 144-145].

⁸⁷ Напр., [Lubeley 1993: 213-214; Zimmer 1998: 7-8; ср. Debus 1999: 50]. То же для США: [Tannen 1994: 12].

⁸⁸ Ср. расшатывание норм, отмена цензуры, рост влияния личного фактора в коммуникации, переход от нормы как запрета к норме как индивидуальному выбору языковых средств в России: [Земская 2000b: 12]. Переход к индивидуальной норме в орфографии, т.е. каждый устанавливает себе нормы сам: [Никипорец-Тагикава 2004: 35-36].

правила [Lubeley 1993: 219]⁸⁹. Это один из тех случаев, когда, на наш взгляд, можно не сомневаться, что речь действительно идёт о переходе в немецкоязычное культурное пространство определённых категорий менталитета англосаксов.

Хотя не исключено, что некоторые предпосылки для подобного отношения к правописанию у немцев существовали и раньше⁹⁰, выражены они были в несоизмеримо меньшей степени, чем в англосаксонских странах, особенно в США. Рассмотрим для примера следующие факты. Британским школьникам начиная с 2005 г. официально разрешено делать грамматические ошибки в контрольных работах – на оценку это никак не влияет [«Британским школьникам разрешили писать с ошибками» 2005]. Ещё в начале XX века этнолингвист К.Вильдхаген считал грамматическую правильность одной из слабых сторон английского языка [Wildhagen 1929: 314], что, возможно, объясняется, среди прочего, приписываемым как британцам [ср. O'Driscoll 2001: 57-58], так и американцам [ср. Леонтович 2005: 209, 211] (но не немцам) антиинтеллектуализмом. Представители коллективистских культур обычно более склонны к соблюдению установленных норм, чем индивидуалисты с их желанием выделяться и не быть как все⁹¹. Следующие цитаты из работ по культурологии и этнолингвистике также относятся к восприятию (языковых) норм индивидуалистами вообще и в первую очередь англичанами как яркими представителями индивидуалистических культур, в частности:

«Allgemein verbindliche Werke, in denen bestimmte gesellschaftliche Ordnungsvorstellungen zum Ausdruck kommen, haben in individualistischen Kulturen erheblich an Bedeutung verloren. An ihre Stelle ist bis zu einem gewissen Grad ein gesellschaftlicher Grundkonsens getreten, der allerdings schon auf recht niedrigem Niveau in gruppenspezifische und individuelle Wertvorstellungen übergeht. Der einzelne setzt in erheblichem Maße seine Ordnung selbst» [Miegel, Wahl 1993: 55]⁹².

⁸⁹ Ср. в Интернете: [Schmidt 2000: 188]. О Швейцарии: [Baschera 2004: 129]. Расшатывание языковых норм как следствие демократизации: [von Polenz 1999: 370]. О России: [Валгина 2003].

⁹⁰ Ср. «Im Deutschen sind nicht nur Aussprache und Satzbaupläne, sondern auch die Bestände des Wortschatzes weniger einheitlich geregelt als in anderen Sprachen (Individualismus)» [Langenmayr 1997: 331].

⁹¹ Ср. «They [R.Bontempo, J.Rivero] found that individualists' behaviour is more closely linked to attitudes and collectivists' behavior is more closely linked to norms» [Triandis 1995: 49]. «Uniformity, conformity to an ideal, and model emulation, conformity to societal or group norms» как типичная характеристика коллективистских культур» [Yau-Fai Ho, Chiu 1995: 139]. В коллективистских культурах «even small deviations from normative action may be punished»: [Triandis 1990: 60]. Стремление русских не выделяться, в т.ч. на языковом уровне: [Колесов 2001: http://www.auditorium.ru/aud/p/index.php?a=presdir&c=getForm&r=resDesc&id_res=5924].

⁹² Ср. следование установленным языковым нормам как признак коллективизма: [Kainz 1965: 320-321]. Коллективисты или же аллоцентричные индивиды в коллективистских обществах «feel positive about accepting ingroup norms and do not even raise the question of whether or not to except them», индивидуалисты или же идиоцентричные индивиды в коллективистских обществах «feel ambivalent and even bitter about acceptance of ingroup norms» согласно Г.Триандису: [Gudykunst, Lee, Mody 2002: 32].

«Auf allen Gebieten des sprachlichen Lebens beobachten wir [im Englischen] eine Abneigung gegen feste und starre Formen und Regeln, überall, in Anlehnung und Anpassung an das bunte Leben mit seinen wechselnden Situationen und Stimmungen, ein Streben nach lebendiger Beweglichkeit, d.h. also nach Auswahl zwischen mehreren Möglichkeiten, um nach Wunsch und Bedarf entscheiden zu können. Wie die übrigen sozialen Formen dieses Volkes so ist daher auch die Sprache geschmeidig und elastisch, und in beträchtlichem Maße von dem subjektiven Ermessen des einzelnen abhängig» [Wildhagen 1929: 317].

«Jeder, der das englische sprachliche Leben in gewisse Formeln und Regeln fassen möchte, sieht sich vor ungeheuren Schwierigkeiten. Die englische Syntax hat eine ausgesprochene Abneigung gegen die Vereinheitlichung des Mannigfaltigen durch Schematisierung, durch Ausgleich (Analogie) und durch Regelzwang» [Deutschbein et al. 1928: 42].

«A most important American value is *freedom*. (...) It can be seen in a number of institutional patterns that distinguish the United States from European countries, in which individualism is also high but some of the institutions were established when the countries were collectivist. It is manifested in economics, where there is very little central planning, in education (each school district establishing its own standards), in public behavior (e.g., very little punishment for littering, relative to the most European countries), in freedom of the press (more extreme than in most European countries), in aesthetics (any style is socially acceptable), and even in the use of language (people are free to define terms as they wish)...» [Triandis 1990: 112-113].

Ф.Кайнц приписывал американскому «языковому духу» «entschiedene Feindschaft gegen jede Art von Formalismus»⁹³ и предполагал у англосаксов отсутствие «лингвистической совести» [Kainz 1965: 319], но при этом называл слабую нормированность английского языка проявлением «языковой демократии» [Kainz 1965: 318-319].

Следует учитывать и другие факторы, повлиявшие в XX веке на рашатывание языковых норм немецкого. В этом контексте зачастую называют заимствование многочисленных англицизмов, которые при ассимиляции порождают множество сомнительных форм (*eingeschecked*, *eingeschecket* и т.п.) и якобы способствуют таким образом повреждению «глубинного кода» (Tiefencode) немецкого языка [Götze 2000: 51-52]⁹⁴. Кроме того, начало процесса «демократизации» языковых норм следует искать (согласно П.фон Поленцу) ещё в начале XX века, когда в результате урбанизации массы малообразованных сельских жителей, зачастую носители ярко выраженных диалектов, вошли в трудовую и культурную жизнь города и принесли свою лепту в трансформацию литературного языка [von Polenz 1978: 159]. Само понятие языковой культуры (*Sprachkultur*) в ФРГ и ГДР позволяет увидеть причину того, почему в ФРГ «Vertreter aus Industrie und

⁹³ Упрощение языковых норм в американском английском – следствие плохих знаний английского иммигрантами; негативное отношение англичан к любому виду систематики, абстрактным правилам: [Kainz 1965: 124-126, ср. 210, 310-311].

⁹⁴ Под глубинным кодом подразумевается совокупность морфемных, фонемных, морфологических и синтаксических правил немецкого языка, которые позволяют интегрировать иностранные слова и пользоваться немецким вообще: [Sanford 1998].

Wirtschaft beklagen nachlassende Grammatik- und vor allem Rechtschreibkenntnisse bei jugendlichen Berufsanfängern» (о 1990-х гг.) [Neuland 2001: 149]. Если в ГДР (как и в СССР) языковая культура считалась производной от стандартов литературного языка и ориентировалась во многом на возвышенный, эстетичный стиль речи, который может быть усвоен лишь при его целенаправленном формировании в школе и вузах, то в ФРГ та же языковая культура расценивалась (и расценивается) как стиль речи, который нравится самому говорящему, который выбирается и формируется им сознательно по подходящим лично ему правилам [Janich 2001: 197]⁹⁵.

В условиях рыночной экономики разрушение языковых норм стимулируется и средствами массовой информации, которые должны окупать себя, а потому ориентируются обычно на массового читателя/ зрителя/ слушателя, упрощая свой язык до понятного всем минимума, что ведёт к его вульгаризации⁹⁶. Свою лепту вносит повсеместное распространение рекламы, где языковые правила зачастую искажаются намеренно для привлечения внимания и/ или максимальной американизации текста: *Mit dem one-way upgrade voucher kann das Ticket beim check-in counter aufgewertet werden* (Lufthansa) [Krämer 2000: 60].

Особо следует отметить такой аспект «демократизации» немецкого языка, как распространение обценной лексики, жаргонизмов и вульгаризмов. Обширное проникновение подобных языковых средств в язык СМИ наблюдалось ещё в ранние послевоенные годы, так что за прошедшие десятилетия их присутствие стало для немцев вполне привычным, особенно если речь идёт о жёлтой прессе. Что касается обычной повседневной речи, то поражает распространённость вульгаризмов не только среди низших слоёв населения, но даже в научной среде и в той категории населения, которую со времён фашизма называют *Kulturschaffende*, т.е. творческой интеллигенцией. Хотя отдельные, самые грубые ругательства встречаются достаточно редко, менее экспрессивная пейоративная лексика (*Scheiße, Kacke, scheußlich, Mist*) стала практически повсеместной, не встречая ни малейшего сопротивления. Очевидно, в некотором роде немецкий язык представляет собой конечную стадию того пути развития, по которому сейчас идёт и русский: считавшиеся ранее совершенно неприемлемыми слова больше никому не режут слух, и сама степень их выразительности значительно снизилась из-за повсеместного употребления. Шокирующие для многих россиян выражения типа *Ruhe im Puff!* 'Тишина в борделе!' (т.е. 'Тихо!') свободно употребляются уже несколько десятилетий по отношению к детям и не вызывают удивления или упреков.

⁹⁵ Ср. единые для всех языковые нормы «тоталитарных» обществ в качестве средства консолидации общества, индивидуальные нормы в «демократических» странах в качестве средства языковой политики по дезинтеграции общества: [Никипорец-Тагикава 2004: 37].

⁹⁶ Ср. «Rundfunk und Fernsehen werden rapide zu überwiegend privatwirtschaftlich aufgebauten Einrichtungen und müssen zwangsläufig die niedrigste Unterhaltungs- und Sprachebene halten, weil sie der banalen Diktatur der 'Einschaltquoten' unterworfen sind» [Lubeley 1993: 201-202].

Немало способствовали этому явлению американские СМИ, по образу которых формировалась послевоенная пресса ФРГ (например, *Bild* и *Spiegel*), причём попытки сопротивления американскому влиянию (а такие наблюдались лишь в газете *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, если не считать прокоммунистическую прессу) тут же подавлялись, несмотря на провозглашённую свободу слова [Lubeley 1993: 96]⁹⁷. Свою роль сыграли и голливудские фильмы, где обсценная лексика нередко употребляется с частотой арктикой (что, кстати, до сих пор нередко сглаживается в переводах на русский, чтобы не шокировать русского зрителя; это же касается и художественных произведений). В Германии ругательства обычно не только не удаляются, но во многих случаях даже не переводятся, т.е. при синхронизации на немецкий слова типа *fuck* и *shit* остаются в оригинальной форме, что расширило соответствующий синонимический ряд немецкого языка.

Рассмотрим следующую статистику, которая должна проиллюстрировать степень влияния американского кинематографа на самых крупных немецких телеканалах: государственный телеканал *ARD* показал в 2004 г. 171 немецкий и 296 американских фильмов, на государственном телеканале *ZDF* это соотношение составило 124:230, на *Arte* – 74:150, на *PRO 7* – 36:843, на *RTL 2* – 25:888, на *SAT 1* – 49:204, и только на *Kinderkanal*, где фильмов практически не демонстрируют, – 33:10 [Statistisches Bundesamt 2005]. Т.е. на всех телеканалах, кроме детского, доминирует американская кинопродукция.

Распространение жаргонизмов, ругательств и вульгаризмов затронуло, как известно, и русский язык, причём и в России многие авторы охотно называют этот процесс «демократизацией» и «либерализацией» [Бельченко 2002; «Русский сленг пора изучать как иностранный язык» 2003; Катеринич 2003]⁹⁸, что, на наш взгляд, совершенно справедливо критикуется В. Колесовым. С его точки зрения, речь идёт именно о вульгаризации, которую он также называет субъективизацией, т.е. выражением индивидуумом своего желания показать себя, отграничить себя от других, нарушить языковые нормы и проявить таким образом своё неповторимое Я [Колесов 2001: <http://www.auditorium.ru/books/55195/full55195.pdf>]⁹⁹. Всё это свидетельствует о распространении идеологии индивидуализма.

Как упоминает В. Мокиенко в одной из своих работ, подобные процессы наблюдаются в чешском, словацком, польском, болгарском, сербском и других языках бывшего Восточного блока [Mokienko 1999: 82, 73], что вполне совпадает с выводами культурологов об индивидуализации восточноевропейских культур: «Looking at the changes in Eastern and Central Europe from a psychological perspective, one notices that the most salient characteristic is the move away from collectivist forms of societal organization and

⁹⁷ Газета *Frankfurter Allgemeine Zeitung* содержит и наименьшее число англицизмов [Adler 2004: 58].

⁹⁸ Ср. демократизация и либерализация общества на примере расшатывания языковых норм: [Никипорец-Тагикава 2004: 34]. Демократизация норм: [Валгина 2001]. Связь между расшатыванием языковых норм и официальной политикой индивидуализации: [Васильев 2004: 356].

⁹⁹ Ср. вульгаризация как следствие демократизации: [Скляревская 2001].

mentality toward individualist forms» [Reykowski 1995: 276]. Х.Вальтер связывает те же процессы в языках Западной Европы с демократизацией [Walter 2003: 52], что соответствует часто постулируемой культурологами неразрывности индивидуализма и демократии.

Что касается упомянутой выше «либерализации» речи, то сам либерализм не только неразрывно связан с индивидуализмом в его современной западной форме, но даже представляет собой его основу:

«Liberalism serves as the foundation for individualism and fills a void left by the rejection of arbitrary authorities and metaphysical explanations. Liberal philosophy assumes that individuals are *rational* and able to use reason to make personal choices, and as such should be given individual rights to choose freely and to define their own goals. At the interpersonal level, individuals are considered to be discrete, autonomous, self-sufficient, and respectful of the right of others. From a societal point of view, individuals are considered to be abstract and universal entities. Their status and roles are not predetermined or ascribed, but defined by their achievements (e.g. educational, occupational, and economic status). They interact with others utilizing rational principles such as equality, equity, non-interference, and detachability. Individuals with similar goals are brought together into groups. Laws, rules, and regulations are institutionalized to protect individual rights, with everyone being able to assert his or her rights through informal or formal channels (such as the legal system). The state is governed by elected officials whose role is to uphold individual rights and the viability of public institutions. As a result, in individualistic cultures each person is encouraged to be autonomous, self-directing, unique, and assertive, and to value privacy and freedom of choice» [Kim et al. 1995: 7].

Тот факт, что распространение описанной в этой цитате идеологии продолжается, несмотря на массовое обеднение населения стран Восточной Европы, доказывает, что индивидуализация является результатом естественных культурных процессов (т.е. реакцией на повсеместно достигнутое благосостояние, как это было в странах Запада), а следствием соответствующей культурной политики и методов «построения наций» (nation-building), которые уже десятилетиями разрабатываются и опробуются американскими организациями типа Rand Corporation.

Описание этих методов вышло бы за рамки данной работы, но для примера можно отметить некоторые из них, упомянутые социологом О.Шабановой. С её точки зрения, в 1990-е гг. новая власть активно распространяла американскую систему ценностей в России, поскольку сочла русский менталитет в его нынешней форме непригодным для построения капитализма. Для этого использовались информационные каналы СМИ и система образования. В частности, в 1994 г. в кинотеатрах России 74% показанных фильмов были американского производства, что негативно оценили 81% опрошенных. В результате россияне практически перестали посещать кинотеатры, но от засилья американской кинопродукции это их не спасло, поскольку все телеканалы также начали отказываться от советских и российских фильмов в пользу иностранных. Кроме того, в русский язык специально были внедрены многочисленные англицизмы, реклама популяризировала индивидуалистические ценности, а Ельцин бросил в народ

известный лозунг «Обогащайтесь!» [Schabanowa 1996: 218-219]. В этом же контексте можно вспомнить и введённую в русский язык кальку с англ. *basic human values общечеловеческие ценности*, под которой по сей день подразумевается западная система ценностей, активно внедряемая с начала перестройки в русское национальное сознание.

В качестве ещё одного проявления демократизма на языковом уровне П.фон Поленц называет ренессанс диалектов в конце XX в. С его точки зрения, укрепление позиций региональных вариантов немецкого, несмотря на влияние литературного языка СМИ и системы образования, свидетельствует о росте антицентрализма, антиавторитаризма и антинационализма в ФРГ [von Polenz 1999: 341, 458]. Сама диалектальная раздробленность немецкого языка является, по мнению Ф.Кайнца, признаком сильно развитого индивидуализма в немецком обществе [Langenmaug 1997: 318]. Действительно, иначе трудно объяснить, почему в одних странах при одинаковых предпосылках (влияние СМИ и школы) диалекты практически исчезают (Россия), а в других их роль со временем начинает даже расти. Так, в 1970-х гг. М.Вандрушка писал о «невероятном литературном ренессансе» диалектов в ФРГ [M.Wandruszka, цит. по: Kniffka, Spänkuch 2001: 214; Cobber 2004: 244]¹⁰⁰. В 1980-х гг. в СМИ и даже системе образования начал активно употребляться ранее считавшийся слишком просторечным швейцарский диалект немецкого [Baschera 2004: 127-128], а в 1990-х гг. К.Бохман описал неожиданный расцвет саксонского диалекта [ср. Fink, Fijas, Schons 1997: 126].

Мода на использование лексики из диалектов затронула даже молодёжь, поскольку регионализмы теперь ассоциируются не с провинциальной отсталостью, а с выражением своей неповторимой индивидуальности: «Als ein weiterer wesentlicher Bestimmungsfaktor für die Ausbildung von Jugendsprachen tritt neuerdings immer deutlicher die Regionalität hervor. Jugendsprachen und Regionalsprachen bzw. die 'neuen' Dialekte sind durch eine wesentliche Gemeinsamkeit der funktionalen Bedeutung gekennzeichnet: Sie beide dienen der Abgrenzung gegenüber der vorherrschenden Standardsprache und demonstrieren den Anspruch auf eine 'eigene', besondere Ausdrucksweise» [Neuland 2001: 158; ср. Ehmann 2001: 167]. Характерно и то, что в ГДР литературный язык распространился за счёт диалектов значительно больше, чем в ФРГ [ср. Schmidt 2000: 169], поскольку идеология коллективизма рассматривает деление общества по любым параметрам (классы, доход, язык, национальность, вера, политические взгляды) как потенциальную опасность для выживания коллектива перед лицом внешней угрозы.

Ренессанс диалектов коснулся не только Германии: французский философ Ж.Липовецки писал в конце XX в. о «реабилитации локального, регио-

¹⁰⁰ Автор предполагает «социолингвистический ренессанс диалектов» в послевоенной Германии, т.е. их распространение в новые сферы употребления; он связывает этот ренессанс с демократизацией норм разговорного языка, начавшейся в 1960-х гг. [Mattheier 2001: 219-220]. Р.Херрман-Винтер описывает распространение диалектов в новые сферы употребления на территории бывшей ГДР после объединения [Herrmann-Winter 2001: 222]. Ренессанс диалектов: [Schmidt 2000: 170]. Сужение сферы употребления и ренессанс одновременно: [Stickel 2004: 16-17]. «Eine erstaunliche Renaissance»: [Debus 1999: 7].

нального» на всём Западе [Lipovetsky 1995: 15], а социолог Х.Блаккисруд увидела ту же тенденцию в России после 1991 г. («a decentralisation process unparalleled in Russian history») [Blakkisrud 2004: 239]¹⁰¹. Как обычно, корни этого явления следует искать в США, где ещё в начале 1970-х гг. заговорили о *new ethnicity movement*, *unmeltable ethnics* и *cultural pluralism* [Wierzbicka 2006: 21].

Ещё одним явлением, свидетельствующим об окончательном распаде коллективистской системы ценностей на языковом уровне, является отказ немцев от «коллективной речи» (В.Мидер) [Braun 1998: 215], т.е. цитат, устойчивых выражений и пословиц, которые всё реже употребляются в качестве аргументов и практически не изучаются в школе [Braun 1998: 214]. Использование подобных языковых средств обычно ограничивается журналистскими шутками типа замены в афоризме Б.Брехта «Stell dir vor, es gibt Krieg, und keiner geht hin» слова *Krieg* на *Dallas*, *Arbeit*, *Freibier*, *Winterschlussverkauf* и т.д. [von Polenz 1999: 382-383], ср. рус. «*Пролетарии всех стран, извините!*», «*Это есть наш последний и решительный бой*», «*Бесплатным секс бывает только в мышеловке*» и т.п. – очевидно, речь идёт о той же тенденции и в России после 1991 г.

Если в СССР многие книги и газетные статьи начинались с цитат классиков марксизма-ленинизма, т.е. непререкаемых авторитетов, то на Западе авторитетов такого масштаба (и, соответственно, цитат) не существует, что, на наш взгляд, свидетельствует отнюдь не о меньшей заидеологизированности западного общества, а скорее о его нежелании признавать авторитеты. Негативное отношение к авторитетам и, соответственно, цитатам, пословицам и устойчивым выражениям особенно распространено в странах с англосаксонской культурой, где также широко используются «антицитаты» типа *Early to rise and early to bed makes men healthy, wealthy and dead* вместо *Early to bed and early to rise makes men healthy, wealthy and wise*. Если применить терминологию В.Карасика, коллективисты более склонны к языковому социоцентризму, т.е. подчёркивают общность с собеседником путём активного использования цитат, пословиц, клише и т.д., а индивидуалисты склоняются к языковому эгоцентризму, т.е. подчёркивают свою неповторимость путём построения оригинальных окказионализмов и избегания цитат, пословиц и клише [Карасик 2002, 2004: 18].

Поскольку индивидуалисты зачастую рассматривают окружающих в качестве объектов потребления (напр., в качестве секс-объектов) или инструментов для достижения собственных целей, можно было бы предположить, что индивидуализация приведёт к обезличиванию человека на языковом уровне. Действительно, во второй половине XX века в немецком языке распространился так называемый «бесчеловечный винительный падеж» («inhumaner Akkusativ»): «Das Streben nach Kürze und Komprimierung des Ausdrucks hat auch einen Typus von Verben stark vermehrt, den Sprachkritiker unter dem Stichwort 'Akkusativierung' als Zeichen der 'Entpersönlichung' des Menschen bewertet haben (L.Weisgerber). Dabei werden Personenbezeichnun-

¹⁰¹ Ср. не имеющий аналогов антицентрализм в России после 1991 г.: [Захаров 2000: 9].

gen als Akkusativobjekte verwendet, die das Ziel einer transitiven Handlung benennen. (...) Dieser Typus hat sich in der neueren Zeit sehr vermehrt, indem er neben entsprechende Dativfügungen trat oder sie verdrängte (*beglückwünschen, bezuschussen, ermutigen, beliefern, bedrohen, bedienen, beraten*)» [von Polenz 1978: 150; Stöckel 2004: 13; von Polenz 1999: 368]¹⁰². Сами лингвисты объясняют это явление другими факторам, в первую очередь, языковой экономией, отрицая какую-либо связь с социальными процессами [Schmidt 2000: 181; ср. von Polenz 1999: 319; Braun 1998: 115].

К этой же категории инструментализации и обесчеловечивания окружающих относятся многочисленные неологизмы типа *Sexbombe, Sexgigant, Sexualproviant, Bumserle, Samenklau, Vögelfeuer, Allgemeinloch, Knutsche, Volksloch, Muschi* 'женщина', *Sextanke, Sexmaschine*, где женщины представляются секс-объектами, а мужчины их потребителями, ср. рус. *факуша, факушница, cock eater > кокетер, sex appeal > сексопилька, секс-бомба, секс-машина, факарь, факушник, секс-гигант, секс-символ, секс-звезда*.

Довольно часто в этнолингвистической литературе можно встретить тезис, что расширение домена употребления аккузатива за счёт датива каким-то образом должно быть связано с активностью носителей языка, т.е. верой в возможность самому определить свою судьбу:

«Dem Respekt vor den Tatsachen, dem Zurücktreten subjektiver Reaktionen entspricht das Zurücktreten des Dativs als eines ausgesprochenen Personenkasus. Demgegenüber ist der unpersönliche Akkusativ bevorzugt. (...) Der englische Glaube an die Verursachung zeigt sich daran, daß kausative Verben sich im Englischen weniger stark als im Deutschen im Vergleich zu den germanischen Sprachen früherer Zeiten zurückentwickelt haben. Auch die Bevorzugung eines direkten Objekts, des Akkusativs, spricht für den Glauben der Engländer an die Kausation» [Langenmayr 1997: 317-318]¹⁰³.

«In erster Linie ist hier die Vorherrschaft des Akkusativs und damit der transitiven Verben im Neuenglischen zu nennen. Hier hat der Akkusativ den Genitiv zurückgedrängt, ebenso den Dativ. Der Akkusativ ist in besonderem Maße dynamisch; im Englischen erscheint er kennzeichnenderweise in der Rolle des Effektivus, die Beziehung Nominativ (Kausativ) und Akkusativ (Effektiv) entspricht einer Ursache-Wirkungsbeziehung. Für die eben darin zur Ausprägung kommende Verstärkung der dynamischen Weltsicht ist besonders kennzeichnend der Übergang vieler intransitiver Verba und Verbindungen zur Transitivität» [Kainz 1965: 317, ср. 271].

¹⁰² Ср. те же процессы в ГДР: [Braun 1998: 69; 111, 114].

¹⁰³ Преобладание аккузатива и переходных глаголов в английском – знак активизма: «die englische Grundeinstellung, die sich hier in der Sprache ausdrückt, ist die, daß Dinge auf dieser Welt nicht einfach passieren, sondern gemacht werden» [Langenmayr 1997: 317-318; 326]. Ср. «Dem Zurücktreten der persönlichen Gefühle und der persönlichen Stellungnahme entspricht auch das Zurücktreten des Dativs im Neuenglischen, denn dieser Kasus ist ein ausgesprochener Personenkasus und drückt ein persönliches Verhältnis zwischen dem Sprecher und dem Satzinhalt aus, oder zwischen dem Subjekt und dem Dativobjekt. Dem steht gegenüber die Vorherrschaft des unpersönlichen Akkusativs im Neuenglischen»; многочисленность переходных глаголов как признак активизма: [Deutschbein et al. 1928: 52, 63-64].

Следует отметить, что аккумулятив преобладает и в самых рудиментарных формах языка – пиджинах и креольских языках. Можно предположить, что причиной этому является простота в обращении с данным падежом по сравнению с остальными. Например, дети усваивают его раньше, а больные с повреждённым мозгом (напр., с афазией) забывают его позже остальных падежей, не считая именительного. Аналитические языки, будучи чрезвычайно простыми по своей грамматической форме, находятся, очевидно, несколько ближе к заложенным в человеческий мозг универсалиям, действие которых наиболее хорошо видно в языке детей одного-двух лет и языках, созданных детьми (креольских языках, см. выше). В немецком аккумулятив распространяется в виде уже упомянутого «бесчеловечного винительного падежа» и единичных калек английских выражений: *konfrontieren* 'gegenüberstellen' > jmd. k. 'gegenübertreten', *gegen jmd. boxen* > jmd. *boxen*, *etw. fliegen/ fahren* > jmd. *fliegen/ fahren*, *eine Sache erinnern*.

Особо следует подчеркнуть тот факт, что в древнеанглийском, обладавшем более ярко выраженными чертами синтетизма, датив был распространён значительно шире, что делало возможным существование и безличных конструкций (тех самых, наличие которых в русском языке якобы выражает пассивное отношение русских к жизни¹⁰⁴):

«The grammatical reanalysis which accompanies case syncretism can be illustrated with the conversion of impersonal to personal constructions in the history of English. This much discussed phenomenon involves the following historical progression

- (4.42.) a. þam cyngre licoden peran (IOVS)
- b. the king liceden peares (OVS)
- c. the king liked pears (OVS or SVO)
- d. he liked pears (SVO)

According to [D.] Lightfoot, the loss of inflections on nouns and verbs meant that (4.42 c) could be potentially analysed in two ways: as an OVS structure, or as SVO. The emerging canonical SVO order for all clause types in English clearly favoured a reanalysis in favour of SVO, and hence the hitherto impersonal structure became assimilated into the regular SVO pattern. As a result, the subject relation expanded semantically to include experiencer roles for which separate case marking and a distinct syntactic pattern were previously required. And the direct object relation expands (cf. pears in (4.42d)) to include the semantic role of a hitherto intransitive subject» [Hawkins 1986: 68]¹⁰⁵.

«English used to have impersonal constructions such as these [*mich friert, mir ist warm, mir gefällt das Buch*] in its middle period, but it has now abandoned them in

¹⁰⁴ «Вообще идея неконтролируемости происходящих событий самим их субъектом – человеком – и наличия некоторой контролирующей их посторонней силы – настолько распространена в русском языке, что, как кажется, может претендовать на статус системообразующего смысла. Она находит отражение не только на семантическом, но и на синтаксическом уровнях языка – упомянем в этой связи хорошо известное слово *авось* и русские безличные конструкции» [Апресян 2006: <http://www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/Apresyan.htm>].

¹⁰⁵ Переход к порядку слов SVO, т.е. субъект-глагол-объект, был закончен в XII в. [Hawkins 1986: 68, ср. 50].

favour of personal constructions in which the experiencer is assigned subject status, thereby expanding the class of subjects historically. The class of direct objects has also expanded historically, beginning with the loss of accusative and dative morphology in late Old English and early Middle English» [Hawkins 1986: 57].

Таким образом, исчезновение безличных конструкций в английском связано не с развитием активности (или, как говорят социологи, *internal locus of control*¹⁰⁶), а с анализацией английского после порабощения его носителей.

Аналогичное объяснение большому числу безличных конструкций (типа *es gefällt mir*) в немецком по сравнению с русским можно найти и в отечественной литературе: речь идёт не о разнице в менталитетах, а о более ярко выраженном анализме немецкого [Зеленецкий, Монахов 1983: 104-105, 107]. Кроме того, во французском, например, после Второй мировой войны были зафиксированы как индивидуализация¹⁰⁷ (обычно ассоциируемая с активизмом), так и дальнейшее развитие безличных конструкций [Арутюнова 1999: 795]. Подробный разбор безличных конструкций в русском языке не входит в задачи этой работы, поэтому мы ограничимся одной цитатой из статьи В.Копрова «Личность и безличность в лингвокультурологии и в грамматике разноструктурных языков», где конструкции такого рода также объясняются синтетическим характером русского языка:

«Сталкиваясь с многообразием русских синтаксических конструкций, не имеющих прямых эквивалентов во многих других языках, ученые, главным образом иностранные, склонны искать причины этого явления не столько в системе самого языка, сколько в различных экстралингвистических факторах: специфических культурных традициях, своеобразии менталитета русского народа и т.п. В этой особенности грамматики русского языка видят и фатализм, и иррациональность, и алогичность, и страх перед непознанным, и даже агностицизм русского народа. При отсутствии общепринятых концептуальных подходов и методики рассмотрения соответствующих фактов главная опасность, подстерегающая исследователей синтаксиса в контексте этнической культуры и культурологи, – это опасность идеологизации и политизации. К сожалению, именно такие подходы мы и наблюдаем в последнее десятилетие.

Так, А.Вежбицкая, рассматривая русский язык как бы сквозь “амбразуру” синтаксически и морфологически скудного английского, видит в безличности некую “неконтролируемость и иррациональность” русского менталитета, “общую пациентивную ориентацию” русского синтаксиса, которая якобы яв-

¹⁰⁶ Ср. «Locus of control – the extent to which people perceive outcomes as internally controllable by their own efforts and actions or as externally controlled by chance or outside forces. (...) Those who see themselves as internally controlled are more likely to do well in school, successfully stop smoking, wear seat belts, practice birth control, deal with marital problems directly, make lots of money, and delay instant gratification to achieve long-term goals» [Myers 2002: 55].

¹⁰⁷ Индивидуализация доказана опросами в рамках проекта World Values Survey: [Inglehart, Bake 2002].

ляется следствием взгляда на мир как на совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому разумению. (...)

По мнению С.Г.Тер-Минасовой, одним из объяснений этого синтаксического явления русского языка может быть коллективизм менталитета его носителей, стремление не представлять себя в качестве активного действующего индивидуума, желание снять с себя ответственность за происходящее. В тех случаях, когда в русском языке употребляются безличные синтаксические модели, в английском языке имеют место личные формы: 'думается, что' – *I think*; 'есть охота' – *I am hungry*; 'холодает' – *It's getting cold*; 'мне холодно' – *I am cold*; 'мне не спится' – *I don't feel like sleeping*. Отсюда делается вывод о том, что в английском языке человек берет на себя и действие, и ответственность за него, а в русском языке и действия, и ответственность безличны, индивидуум растворен в коллективе, в природе, в стихии, в неизвестных, необозначенных силах.

Подобные умозаключения, несомненно, базируются на лингвокогнитивном анализе конкретных языковых фактов, но некоторые обобщения представляются нам применимыми не ко всем типам русских безличных высказываний. Иногда причины такой организации предложений следует искать в грамматических особенностях русского языка, вытекающих из его типологической характеристики как языка преимущественно флективного и синтетического» [Копров 2005: <http://koprov.boom.ru/files/19.doc>].

Критику западного подхода к толкованию русских безличных конструкций можно найти и в других работах отечественных авторов [Березович 1999]¹⁰⁸.

Информация о тенденциях в развитии безличных конструкций неоднозначна: можно найти как источники, где утверждается, что их число растёт [Арутюнова 1999: 794], так и источники, согласно которым их число уменьшается (после 1991 г.) [Eckert, Stermin 2004: 37-38].

В средствах массовой информации влиянию индивидуализма можно приписать следующие явления: распространение интервью из выпусков новостей в практически все виды программ, популяризация (осознанная или неосознанная) таких ценностей, как самовыражение, молодость, гедонизм и личная неповторимость (особенно это касается рекламы); лаконизм сообщений, тотальная коммерциализация, растущая агрессивность стиля рекламы, монотонность и безэмоциональность стиля сообщений, сопровождаемые слабым задействованием мимики и жестов; ослабление внимания к грамматической правильности (каждый говорит так, как хочет), диверсификация информационных потоков согласно нуждам конкретных целевых групп – очевидно, аналог диверсификации стилей и направлений

---

¹⁰⁸ «Показательными для языковой картины мира являются неявные смыслы, их обнаружение, как правило, требует детального семантического анализа. Иногда делаются поверхностные или неточные суждения об особенностях русской языковой картины мира, вроде следующих: "Русским свойственна ленивая беспечность, что находит отражение в одном из самых характерных русских слов – слове *авось*"; "Тот факт, что для русского синтаксиса характерны безличные предложения, свидетельствует о том, что для русских свойственно представление о некоей фатальной непостижимой силе, которой нет названия". (...) Такие суждения дают упрощенное или прямо неверное представление о специфике концептуализации мира, задаваемой русским языком» [Шмелёв 2002].

в послевоенной немецкой литературе («literarisches Stimmengewirr») [von Polenz 1999: 513, 518-520, 509-510, 102-103, 482]. Распространение интервью в СМИ Ж.Липовецки объясняет желанием нарциссов-индивидуалистов привлечь к себе внимание («sich ausdrücken mit dem alleinigen Ziel, sich auszudrücken und von einem Mikropublikum registriert zu werden»¹⁰⁹). Связь вербальной и невербальной безэмоциональности с индивидуализмом требует ещё дальнейшего подтверждения.

Многие источники подчёркивают сокращение средней длины предложений в XX в. [von Polenz 1978: 155; Schmidt 2000: 181; Lobatsch 2001: 189; Braun 1998: 69, 104-108]¹¹⁰. Отдельные авторы утверждают, что процесс этот начался ещё в XVIII в. [Debus 1999: 39]), как и расширение сферы употребления сложносочинённых предложений [von Polenz 1999: 354, 505; ср. Straßner 1980: 331]. Поскольку английские предложения по статистике короче немецких, а сложносочинённые предложения встречаются в английском чаще сложноподчинённых [Kainz 1965: 208], данные тенденции в немецком языке можно расценивать как влияние англо-американской культуры (лаконизм). Одновременно средняя длина предложений сокращается как в самом английском, так и в других западных языках [Meier 1964: 183]. П.Браун видит в этом процессе следствие урбанизации со свойственным ей упрощением языковых норм, в т.ч. норм письменной речи [Braun 2001: 20]¹¹¹. В эту же категорию можно было бы отнести и распространившиеся в послевоенное время глаголы с нулевыми суффиксами (*testen, filmen, paddeln, schriftstellern*), но, с другой стороны, выражением общей тенденции к лаконизму данное явление считать нельзя, поскольку одновременно распространились и сложные слова, состоящие из трёх, четырёх и более основ (*Bogenlampen-Aufhängevorrichtung, Knaben-All-Terrain-Bike*) [von Polenz 1999: 367-368].

Склонность англичан к краткости выражений Ю.Рождественский объясняет их прагматизмом [Рождественский 1996]. Ф.Кайнц расценивал большое количество относительно коротких слов в английском по сравнению с немецким как проявление английской практичности, экономности и целеустремлённости [Langenmaier 1997: 325; ср. Deutschbein et al. 1928: 67]; иммунитет англичан против коммунистических идей («politischer Linksradikalismus») он объяснял их нелюбовью к длинными и абстрактным словам [Kainz 1965: 65]. О ещё большей краткости слов китайского языка,

¹⁰⁹ Так же объясняется и «Inflation von Biographien und Autobiographien» на всём Западе: [Lipovetsky 1995: 21, ср. 91]. Ср. связь между автобиографиями, дневниками, автопортретами и индивидуализмом: [Wierzbicka 2003: 117].

¹¹⁰ Ср. «In der geschriebenen Sprache dringt nach Eggers stärker der einfache Satz vor; die Satzgefüge treten zurück» [Drosdowski 1980: 626]. Сокращение предложений в научных текстах, замена сложноподчинённых предложений сложносочинёнными: [Fluck 2001: 178-179]. Общая тенденция к сокращению предложений: [Carstensen 1965: 83]. Упрощение синтаксиса, переход к сложносочинённым предложениям в СМИ: [Adler 2004: 23]. Тенденция к лаконизму как влияние английского: [Glahn 2002: 57]. Но: согласно В.Адмони, простые предложение стали длиннее по сравнению с XIX в.: [Зеленецкий, Монахов 1983: 231].

¹¹¹ Ср. частичное приближение синтаксиса к нормам разговорной речи: [Schmidt 2000: 182].

как и слабом применении аффиксации в аналитических языках вообще (что и является причиной краткости английских слов), он не упоминает. Кстати, пиджины и креольские языки, включая уже упоминавшийся выше папуасский Ток Писин, тоже не склонны применять аффиксацию, благодаря чему их слова зачастую очень коротки, но авторы, воспевающие практичность англосаксов, не спешат приписывать то же качество носителям «скотских языков» (как называли пиджины и креольские языки англо-американские колонизаторы).

Некоторые лингвисты видят связь между существованием категории артикля в определённом языке и повышенным интересом его носителей к характеристикам объектов, т.е. с прагматизмом и материализмом [Тер-Минасова 2000: 213; Майер, Топешко 2003; Карасик 2002, 2004: 174-175]. При этом не обращается внимание на тот факт, что артикли свойственны как практически всем креольским языкам [Leiss 2000: 232], так и аналитическим языкам вообще [Зеленецкий 2004: 26]. Кроме того, например, в русском существует целый ряд языковых средств для выражения категории определённости (порядок слов, интонация, частица *-то*), которые компенсируют отсутствие артиклей [Зеленецкий, Монахов 1983: 121-122]¹¹². Опять же, факты эти этнолингвистами никак не комментируются. Если артикли действительно связаны с прагматизмом, то можно было бы ожидать, что их употребление только усилится в немецком в послевоенный период под влиянием англо-американской культуры. Однако это не так: количество артиклей в немецких текстах несколько сократилось, что особенно относится к газетным заголовкам [Glahn 2002: 57]¹¹³.

Поскольку частое употребление страдательного залога некоторые лингвисты связывают с пассивным отношением к жизни [Wustmann, Reiners, ср. Braun 1998: 141], можно было бы расширить эту гипотезу до уровня целых культур, сравнив развитость категории пассива в разных языках и частоту употребления соответствующих конструкций. Есть, однако, целый ряд факторов, которые не позволяют этого сделать. Например, в немецком пассив встречается реже, чем в английском [Langenmaur 1997: 327], а в русском реже, чем в немецком [Зеленецкий, Монахов 1983: 140], что никак не вяжется с данными культурологии о степени пассивного отношения носителей этих языков к жизни (авторы типа А.Вежбицкой, охотно приписывающие русским ярко выраженный пассивизм¹¹⁴, никак не

¹¹² Ср. Артикли компенсируются категорией аспекта; артикли более свойственны аналитическим языкам, а аспект синтетическим: так объясняется возникновение артиклей при переходе от синтетической латыни к аналитическим романским языкам; артикли в некоторых русских диалектах из-за ослабленной категории аспекта; другие способы компенсации артикля [Leiss 2000: 14; 221; 222-223; 5, 16].

¹¹³ Ср. в случаях типа *SDS-Ideologe Deutsche*: [Munske 1980: 665].

¹¹⁴ Напр., «Non-agentivity, a tendency to fatalism, resignation, submissiveness, a lack of emphasis on the individual as an autonomous agent, 'achiever,' and controller of events» у русских [Rivlina 2005: 481-482]. «Seen from a Western perspective, Russian grammar is quite unusually rich in constructions referring to things that happen to people against their will or irrespective of their will. Some of these constructions reflect, more specifically, a folk philosophy at the heart of which appear to lie a kind of 'fatalism' and a kind of resignation» [Wierzbicka 1992: 108].

комментируют этот факт). Несмотря на развитие индивидуализма, частота пассивных конструкций в немецком возросла в XX в. по сравнению с XIX в.¹¹⁵, а в современном английском пассив значительно более развит по сравнению с древнеанглийским [Görlach 2002: 88], что никто не связывает с развитием пассивного отношения к жизни.

Частота активных конструкций типа *the museum opens...*, *the book sells 10.000 copies*, где объект используется в качестве подлежащего, что позволяет избежать употребления страдательного залога, Дж.Хокинс объясняет общей расплывчатостью категорий объекта и субъекта из-за слабо развитой морфологии (следствие аналитизма, а именно отмирания падежных окончаний) [Hawkins 1986: 67]. А.Зеленецкий обращает внимание на тот факт, что относительно жёсткий порядок слов в немецком и английском по сравнению с русским (опять же, следствие аналитизма) способствует более частому использованию страдательного залога как средства актуализации глагола-предиката [Зеленецкий 2004: 214]. Кроме того, большое число возвратных глаголов в русском языке позволяет избежать частого употребления пассива.

Что касается распространившихся в последнее время в немецком конструкций с *bekommen*, *erhalten*, *kriegen* (*er bekommt es geschickt* вместо *es wird ihm geschickt*, *er erhält es ausgehändigt* вместо *es wird ihm ausgehändigt*, *er kriegt es gesagt* вместо *es wird ihm gesagt*) [Carstensen, Galinsky 1975: 24, 29]¹¹⁶, также позволяющих избежать пассива, то оно обусловлено уже упомянутой выше склонностью аналитических языков к использованию высокочастотных глаголов для построения устойчивых выражений (как с *to make*, *to do*, *to take*, *to turn*, *to give* и т.п.). Таким образом, различная типология сравниваемых языков в значительной мере предопределяет как количество, так и частоту пассивных конструкций, что не позволяет делать какие-либо выводы о культурологических особенностях носителей данных языков.

Рост числа номинализированных инфинитивов (*das Tiefbohren*) [von Polenz 1978: 151; ср. Straßner 1980: 331; Schmidt 2000: 182; Debus 1999: 36-37]¹¹⁷, сложных номинальных фраз вместо придаточных предложений (*ein auf die Lösung dieses Problems abgestimmtes Verfahren* вместо *ein Verfahren, das auf die Lösung dieses Problems abgestimmt ist*) [Stickel 2004: 16; von

¹¹⁵ Во всех функциональных стилях: [Зеленецкий, Монахов 1983: 147]. В газетном стиле: [von Polenz 1999: 505].

¹¹⁶ Ср. также о слиянии *Vorgangspassiv* и *Zustandspassiv*, возможно, под влиянием английского: *ist kritisiert (worden)*: [von Polenz 1999: 352]. *Bekommen*, *erhalten*, *kriegen*; также *gehören*: *er gehört befördert*: [Kufner 1996: 36].

¹¹⁷ «Nominalisierung der deutschen Standardsprache», в т.ч. в форме *entscheiden > zur Entscheidung bringen*; «Ausbau von Substantivgruppen mit mehrgliedrigen Attributen», «Nebensätze, Sätze, ja ganze Satzgefüge werden ... nominalisiert...» как выражение «gedanklichen Abstraktion» и усиление «starren Linearität»: [Drosdowski 1980: 621, 626]. Номинализация инфинитивов и общая склонность к номинальным конструкциям под влиянием английского: [Carstensen 1965: 83]. Номинализация в прессе: [Adler 2004: 23] как влияние английского: [Glahn 2002: 57].

Polenz 1999: 353]¹¹⁸), номинализаций с суффиксами *-heit, -keit, -ung* (*Verlorenheit, Zögerlichkeit, Durchwegung*), Nomina actionis типа *der Abzug, die Vergabe*, кратких отглагольных дериватов на *-e* (*Schreibe, Glotze, Latsche* ‘Teppich’) [Schmidt 2000: 182; von Polenz 1999: 367], конверсий типа *Moore Dich gesund, Ultras, Extras, amten* [Carstensen, Galinsky 1975: 19] и более активное использование номинального стиля вообще (*verzichten > Verzicht leisten, ausdrücken > zum Ausdruck bringen*) [Braun 2001: 18; ср. Stickel 2004: 16; von Polenz 1999: 351-352]¹¹⁹ объясняются по-разному: общим движением языков к абстракции [Braun 1998: 232], влиянием языка науки на разговорный язык [Lobatsch 2001: 188-189; Braun 1998: 120]¹²⁰ (т.к. именно в научном стиле номинализации встречаются особенно часто¹²¹, в т.ч. в русском¹²²), влиянием английского [Carstensen 1965: 63-64] (в пользу этого говорит тот факт, что русские, долгое время говорившие только на английском, начинают редуцировать глаголы в русском языке до уровня связок и переходят к номинальному стилю [Леонтович 2005: 223]) и даже возникновением в немецком категории аспекта (ср. нем. *er ist am Schreiben*, англ. *he is (on) writing*) [Leiss 2000: 213-214].

Номинальный стиль английского языка (включая относительно высокую частоту конверсий) Ф.Кайнц объясняет выражением склонности англичан к экономии, которая якобы немцам не свойственна (отсюда любовь немцев к длинным предложениям) [Langenmaug 1997: 325, 331], а М.Дойчбайн видит в нём выражение энергичности и мужественности англосаксов [Deutschbein et al. 1928: 67] (хотя причинно-следственная связь в данном случае не совсем ясна). Поскольку подобные этнокультурные объяснения едва ли можно считать удовлетворительными (кстати, насквозь номинализованному стилю советской газетной пропаганды энергичность и мужественность никто не приписывает, несмотря на применение тех же средств), можно предположить, что речь идёт об использовании номинального стиля в качестве средства для создания атмосферы научности, которая, несомненно, в определённых ситуациях придаёт дополнительный вес самой работе и авторитет её автору.

Как показали приведённые выше примеры, практически все послевоенные тенденции развития немецкого языка обусловлены влиянием английского. Кроме того, поистине лавинообразный поток англицизмов в значительной мере вытеснил немецкую лексику из многих сфер употребления (реклама, компьютерный лексикон, высокие технологии, мода), а сам английский всё чаще применяется в качестве языка науки (журналь-

¹¹⁸ Ср. всё меньше сложноподчинённых предложений из-за номинализаций: [Debus 1999: 36-37].

¹¹⁹ Как влияние английского: [Glahn 2002: 57-58].

¹²⁰ Кроме того, всё больше научной терминологии в прессе: [Adler 2004: 23]. Усиление номинального стиля во времена фашизма для создания псевдонаучной атмосферы: [Bork 1970: 47]. Псевдонаучность: [Paulwitz, Micko 2000: 15].

¹²¹ Номинализации на *-ung*, номинализованные инфинитивы, номинальные группы: [Fluck 2001: 178, 180].

¹²² Номинализация встречается в русских научных текстах даже чаще, чем в английских: [Комиссаров 1990: 132].

ные публикации, язык конференций) и официальных документов (в рамках общеевропейских организаций, где доминируют английский и французский). Общее число заимствований оценивается лингвистами по-разному: 3500-5000 (Б.Кетteman) [Kettemann 2004: 99, 104], 60.000 (Х.Финк, начало 1990-х гг.), 80.000 (Б.Карстенсен, начало 1990-х гг., без учёта заимствованной научной терминологии и различных профессиональных жаргонов) [Lubeley 1993: 244], 100.000 (Р.Любелей, языковой критик – поэтому не исключён некоторый алармизм в оценках) [Lubeley 1993: 51]¹²³.

Сам учёт неологизмов всегда сопряжён с определёнными методологическими трудностями, поэтому такая разница в результатах не должна удивлять. Например, каждый лингвист, занимающийся подсчётом англицизмов, сам принимает решение, будут ли учитываться «однодневки» (т.е. слова, входящие в моду на один-два месяца и затем навсегда исчезающие из употребления), названия продуктов (а в Германии это обычно англицизмы или смесь немецкого и английского языкового материала), индивидуализмы (т.е. авторские неологизмы, не получившие какого-либо распространения), жаргонизмы, научная терминология (научных терминов в немецком, по разным подсчётам, от одного до семи миллионов [Bär 2001: 35]), только прямые заимствования или также кальки, дериваты и неосемантизмы (т.е. заимствование нового значения для уже существующего немецкого слова), композиты (в немецком почти каждое существительное может стать основой для практически неограниченного количества сложных слов), устойчивые выражения с англицизмами и т.д.

Тем не менее, саму американизацию немецкого языка не отрицает никто. В связи с этим встаёт вопрос, может ли столь массивное заимствование чужой лексики (со свойственной ей оценочной компонентой и ассоциативными полями) оказать какое-либо влияние на мировосприятие, национальный характер и систему ценностей немецкого народа (например, по известной формуле Б.Уорфа «the linguistic system ... of each language is not merely a reproducing instrument for voicing ideas but rather is itself the shaper of ideas, the program and guide for the individual's mental activity, for his analysis of impressions, for his synthesis of his mental stock in trade» [цит. по: Dahl 2000a]).

К сожалению, все попытки однозначно доказать теорию Сепира-Уорфа (как и однозначно её опровергнуть) до сих пор не дали каких-либо убедительных результатов [Lim 2002: 71], а потому все рассуждения о роли языка в оформлении мыслей и мировоззрения индивида не покидают уровень околонучных спекуляций. Тем не менее, отдельные результаты опытов с полиглотами показывают, что определённая связь между выбором языка и манерой поведения/ речи действительно существует. В.Гудикунст описывает, например, тесты, в которых венесуэльцы при разговоре на родном языке придерживались меньшей дистанции, чем при разговоре на английском (Венесуэла является высококонтактной культурой, а Вели-

¹²³ На другой странице той же работы автор называет другую цифру – 10.000 англицизмов, включая профессиональные жаргоны: [Lubeley 1993: 235].

кобритания – низкоконтактной); японцы, напротив, при общении на английском соблюдали меньшую дистанцию, чем при общении на японском (т.к. коммуникативная дистанция англичан меньше) [Gudykunst 1998: 187]. С.Тер-Минасова упоминает в своей книге *Язык и межкультурная коммуникация*, что, согласно её 30-летним наблюдениям, русские преподаватели кафедр английского, французского, немецкого и других языков со временем перенимают типичные черты характера соответствующего народа. У Г.Хофстеде описаны тесты, в которых выбор языка (английский-китайский) студентами из КНДР влиял на их поведение (вывод автора: «Language is not a neutral vehicle. Our thinking is affected by the categories and words available in our language») [Hofstede 2002: 21-22].

Имеется также ряд (субъективных) мнений отдельных культурологов, социологов, лингвистов, которые можно упомянуть в этом контексте, хотя их доказуемость вызывает сомнения: А.Шутц утверждал, что билингв представляет собой «a cultural hybrid on the verge of two different patterns of group life, not knowing to which of them he belongs» [A.Schutz, цит. по: Lamy 1979: 24]. Согласно Р.Гарднеру и У.Ламберту, двуязычие «could be accompanied by deep-seated and vague feelings of no longer fully belonging to one's own social group nor to the new one he has come to know» [цит. по: Lamy 1979: 26]. Для Д.Мида билингвизм являлся «...the system of symbols of any universe of discourse cannot be internalised without taking on the attitudes of the generalized other to which this universe of discourse corresponds. It is consistent with this position that the acquisition of a second linguistic system be acknowledged to have an impact on the self. Mead argues that this is indeed the case» [Lamy 1979: 24]. Р.Пирис полагал, что «a bare colloquial smattering of a foreign language gives the speaker a sense of identification with the culture the language symbolizes» [R.Pieris, цит. по: Lamy 1979: 24]. С точки зрения У.Ламберта, «the whole process of becoming bilingual can be expected to involve major conflicts of values» [W.Lambert, цит. по: Lamy 1979: 23]. П.Кристоферсен полагал, что «nobody can know a language perfectly without associating himself to a large extent with the people who speak it» [P.Christophersen, цит. по: Lamy 1979: 24]. Ф.Кайнц описывал язык как «Ausdruck des geistigen Habitus der sie tragenden nationalen Gemeinschaft und der hier zur Geltung kommenden gestaltidentischen und gestaltverwandten Erregungen» [Kainz 1965: 66], а переход билингва на другой язык представлялся ему следующим образом: покидая «систему понятий» своего языка, билингв полностью растворяется в новом языке, в свойственных ему мыслительных и оценочных категориях, он «taucht völlig in ihr unter und ist – solange er sich in diesem anderen geistigen Raum bewegt – reflexionsfrei und, ohne das muttersprachliche Begriffssystem vergleichend heranzuziehen, davon überzeugt, dass die Welt Dinge faktisch so geordnet sind, wie es ihm durch die andere Sprache an die Hand gegeben wird» [Kainz 1965: 219, ср. 335]. Сегодня многие учёные считают подобные высказывания максималистскими [ср. Lamy 1979: 25-26; Langenmayr 1997: 400; Zimmer 1998: 215; Kainz 1965: 340-341; Hofstede 2002: 38], но, тем не менее, опровергнуть их пока так же невозможно, как и доказать.

Для Германии вопрос влияния билингвизма на национальный менталитет особенно актуален: достаточно упомянуть, что на английском говорят 93% немецких студентов (1998 г.) [Dahl 2000a], 74% немцев учили английский в школе [«Jeder sechste Schüler lernt Französisch» 2005], в возрастной группе 14-29 лет каждый второй опрошенный оценил свои знания английского как хорошие или очень хорошие (1996 г.) [Köcher 1997: 225]. Ещё в начале XX в. немецкий этнолингвист Г.Шмидт-Рор предостерегал, что переход детей на английский язык лишает их самой немецкой сущности, заключённой, как он думал, в немецком языке:

«Die Deutschen hören es gern, daß ihre Sprache wunderherrlich sei; sie wenden auch nichts dagegen ein, wenn ihnen gesagt wird, daß wir an unserer Sprache erst zu Deutschen werden. Aber, bitter sei es geklagt, die Folgerungen daraus werden allzu oft nicht gezogen. Wenn wir an unserer Sprache zu Deutschen werden, dann darf ein Deutscher, der will, daß seine Kinder Deutsche bleiben, diesen Kindern nicht eine andere Sprache zur Muttersprache werden lassen. Es ist eine Täuschung, wenn Deutsche in Amerika glauben, sie könnten mit ihren Kindern das Englische als Umgangssprache sprechen und doch gute Deutsche aus ihnen erziehen. Deutscher Geist ohne deutsche Sprache ist ebenso wenig denkbar wie deutsche Sprache ohne deutschen Geist» [Schmidt-Rohr 1917].

Объясняет он это, в первую очередь, оценочной функцией языка, когда ребёнок с рождения учит не только набор «этикеток» для одних и тех же понятий, отличающихся в разных языках лишь произношением и написанием, но и ассоциативные поля, определяющие отношение индивида к этим понятиям, что, в конечном счёте, формирует его мировоззрение и предопределяет жизненный путь:

«Die Sprache wird erlebt, sie ist die Ordnung, in die wir unsere Erlebnisse bringen nach der Anweisung, die wir von unserer Volksgemeinschaft erhalten. In der bestimmten Ordnung, die bestimmte Sprachen bringen – das Deutsche, Englische, Tschechische –, in den Begriffen dieser Sprachen liegen immer schon fertige Urteile, Verstandesurteile und Werturteile, die von denen gebildet sind, die vor uns waren. Die fertigen Urteile, Vorurteile, die Verallgemeinerungen in Begriffen von Dingen und Kräften, die einzeln auftreten und sehr ähnlich erscheinen können, die aber nie völlig gleich sind, diese Einordnungen der Verschiedenheiten zu Einheiten nach dem Gesichtspunkt der “gleichen” Merkmale, die Begriffe der Sprache wurden auf dem Felde des Erlebens unser Besitz, und so ist jeder Begriff, jedes Wort von den Erlebnissen her mit Empfindungen, mit Willensanteilen, mit Lust- und Unlustgefühlen behaftet. (...) Die Sprache vermittelt dem Menschenkinde Außenwelt und Innenwelt, es entfaltet und entwickelt sich unser Sehen, Denken, Fühlen, Wollen durch sie. Da die Sprachen verschieden sind, so vermitteln sie verschiedene Weltbilder, verschiedene Arten des Erlebens der Welt. An unserer **deutschen** Sprache werden wir zu **deutschen** Menschen» [Schmidt-Rohr 1917].

С другой стороны, тот же автор в том же источнике объясняет как раз склонностью немцев учить иностранные языки их открытость миру по сравнению с ограниченными собственной культурой и собственным языком англичанами и французами: «Durch seine Vielsprachigkeit und die Jahrhunderte alte Überlieferung der geistig führenden Schichten Deutschlands, durch fremde Sprachen fremde Kulturen verstehen zu lernen, ist der gebildete

Deutsche wohl weniger befangen in nationaler Beschränktheit als der Engländer und Franzose, mag er auch in anderen Dingen befangener sein» [Schmidt-Rohr 1917].

Как уже отмечалось выше, программа «перевоспитания» немцев включала в себя определение важнейших терминов, относящихся к политической жизни страны. В частности, значение понятия *демократия* для ФРГ было закреплено в 1946 г. генералом МакНерни (McNarney), предписавшим «правильной» демократии следующие характеристики: правительство должно признать, что политическая власть в стране принадлежит народу и он имеет право её контролировать; выборы должны быть организованы по соревновательной системе, причём участвовать должны не менее двух конкурирующих партий; сами партии должны быть демократическими, организованными на добровольном членстве, они должны признавать и гарантировать права и свободы индивидуума (напр., свободу слова и вероисповедания); закон должен защищать граждан от своеволия властей; власть имущие обязаны регулярно проводить выборы; контроль над средствами формирования общественного мнения (радио, пресса) не должен принадлежать правительству [von Schrenck-Notzing 1996: 104]. Единственной неожиданностью стал запрет на проведение референдумов [von Schrenck-Notzing 1996: 218], введённый, очевидно, для того, чтобы немецкий народ не подтвердил право очередного диктатора на власть, как это уже было с Гитлером. Таким образом, Германии была предписана так называемая плюралистическая демократия, которая противопоставляется основанной на коллективизме идентитарной демократии. Разница между ними заключается в следующем¹²⁴:

	Идентитарная Демократия	Плюралистическая Демократия
Теоретики	Ж.-Ж.Руссо, К.Шмитт, В.Ленин, К.Маркс	Г.Ласки, Д.Труман, Е.Фраэнкель, Р.Даль
Другие названия	Коллективистская, социальная, социалистическая Д.	Ранняя форма называлась Д. классического либерализма
Культурная основа	Основой К. Д. является единство народа, его единый выбор, совпадение его интересов с интересами правительства.	Система ценностей должна включать индивидуальную свободу, толерантность к меньшинствам и людям с другими интересами, соблюдение прав индивида.
Действие	Государство обязуется заботиться о гражданах (патернализм), а граждане обязуются защищать и поддерживать государство. Оппозиция невозможна. Социальное неравенство является опасным для общества.	Отдельные индивиды организуются в группы (напр., партии), чтобы в борьбе с другими группами защищать свои интересы. Государство является лишь судьёй в этой борьбе, патернализма нет или почти нет.

¹²⁴ Таблица по материалам: [Пугачёв, Соловьёв 2000].

В.Пугачёв и А.Соловьёв (авторы *Введения в политологию*, по которой составлена данная таблица) считают плюралистическую демократию компромиссом между идеями коллективизма и индивидуализма («В важнейшем вопросе демократии – понимании народа – она занимает как бы промежуточное положение между индивидуалистическими и коллективистскими теориями»), но в том же разделе отмечают, что идентитарная демократия задумывалась в качестве противовеса общественным формам, основанным на индивидуалистической идеологии:

«Первым наиболее ярко выразил и обосновал важнейшие принципы этого типа демократии Ж.Ж.Руссо (1712-1778). Он подверг критике либеральное разделение общества на “публичное” и “частное”. По его мнению, утверждаемые либеральными мыслителями индивидуализм и эгоизм разрушительны для гражданских добродетелей и самого общества. Идеал гражданина демократической республики Руссо – это не ушедший в частную жизнь индивидуалист, а активный член общества, являющийся источником жизни единого “общественного тела”.

Теория демократии Руссо исходит из принадлежности всей власти народу, образованному путем добровольного слияния изолированных, атомизированных индивидов в единое целое. Формирование народа означает полное отчуждение “каждого из членов ассоциации со всеми правами в пользу своей общины”. С этого момента личность утрачивает свои права. Они становятся ей не нужны, так как целое – государство – подобно любому другому живому организму заботится о своих членах, которые в свою очередь обязаны думать о благе государства» [Пугачёв, Соловьёв 2000: <http://www.i-u.ru/biblio/archive/pugachev%5Fpolitolog/polit13.aspx>].

Некоторые цитаты из работ современных культурологов на эту тему были уже приведены выше в обсуждении понятий *свобода* и *фракция*, а также в разделе о генезисе индивидуалистической системы ценностей. Напомним, что индивидуализм обычно ассоциируется с демократией и капитализмом, а коллективизм с коммунизмом и плановой системой.

Тому, что случается в странах, где вводятся индивидуалистические формы правления и экономики, несмотря на преобладание коллективистской системы ценностей, Г.Хофстеде посвятил целую главу под выразительным названием *The solution of pressing global problems does not presuppose worldwide democracy* [Hofstede 2002: 431-432], причём в качестве примера для описания катастрофических последствий таких культурных экспериментов он выбрал постсоветскую Россию. Вывод в конце главы гласит: «Free market capitalism suits countries that are already wealthy and is unlikely to turn poor countries into wealthy ones»¹²⁵. Американские специалисты по построению наций (nation-building) из Rand Corporation, напро-

¹²⁵ «...because of the individualist assumptions on which they are based, economic theories as developed in the West are unlikely to apply in societies in which not individual interests but group interests prevail» [Hofstede 2002: 432, cp. 250].

тив, исходят из того, что демократия в её американском понимании универсальна и потому применима в любой стране мира¹²⁶.

Коллективистскую сущность идентитарной демократии различить в советских словарных дефинициях нетрудно – достаточно отметить, что обычно в качестве одной из её отличительных черт упоминается патернализм: «Социалистическая Д. обеспечивает права граждан в законодательном порядке материальными гарантиями. Так, в социалистическом об-ве право на труд не только провозглашается, но законодательно закреплено и реально обеспечено благодаря ликвидации эксплуатации, уничтожению безработицы, отсутствию кризисов в развитии производства и т.д.» (Философский словарь) [Розенталь 1972: 106]; «...социалистическая Д. основана на ликвидации эксплуатации и победе социализма, на полном и фактическом народовластии...» (Словарь иностранных слов) [Петров и др. 1983: 153].

В некоторых случаях определённые выводы о важности концепта для данной культуры можно сделать на основе его лексической детализации, т.е. длины синонимического ряда. Например, необычно много синонимов в немецком языке имеет понятие «вкусный»: *lecker*, *schmackhaft*, *wohlschmeckend*, *mundig* (швейц.), *schmackbar* (швейц.), *süffig* (о напитках), *köstlich*, *appetitlich*, *deliziös*, *schnuddelig* (берлин.), *schmuckelig* (берлин.), *gustiös* (швейц.) – очевидно, это свидетельство ярко выраженного гедонизма в немецкой культуре. Одновременно на примере этого синонимического ряда можно проиллюстрировать проблему, связанную со сравнительными анализами лексической детализации в разных языках. Из-за сильной диалектальной раздробленности немецкого каждый синонимический ряд удлиняется на несколько регионализмов, что может оставить ложное впечатление важности концепта по сравнению с языками, где такая раздробленность не наблюдается (типа русского). Кроме того, необходимо принимать во внимание тот факт, что отклонение от нормы обычно тематизируется больше, чем сама норма. Например, понятие «больной» будет выражено ярче, чем «здоровый», «грязный» – ярче, чем «чистый», «мёртвый» – ярче, чем «живой». Сравним для примера соответствующие словарные статьи из *Duden, Sinn- und Sachverwandte Wörter* [PC-Bibliothek 3, Duden, Sinn- und Sachverwandte Wörter: s.v. krank, gesund, schmutzig, sauber, tot, lebendig] (приведены полностью):

Krank, unpässlich, indisponiert, fiebrig, todkrank, sterbenskrank, moribund, malade, marod (bayr., österr.), kränklich, kränkelnd, angekränkelt, morbid, leidend, siech, bettlägerig, arbeitsunfähig, nicht gesund; erschöpft, hilflos, kraftlos, krankhaft, unheilbar; krank werden, erkranken, eine Krankheit bekommen, sich anstecken / infizieren / etwas zuziehen / (ugs.) etwas holen, etwas schnappen / auf-schnappen / aufgabeln / fangen / ausbrüten (ugs.); krank sein, leiden, darniederliegen, dahinsiechen, bettlägerig sein, das Bett / Zimmer hüten [müssen], im / zu Bett

¹²⁶ Ср. «The spread of democracy in Latin America, Asia, and parts of Africa suggests that this form of government is not unique to Western culture or of advanced industrial economies. Democracy can, indeed, take root when neither is present» [Dobbins et al. 2003: 161].

liegen [müssen], ans Bett / Zimmer gefesselt sein, kränkeln, nicht mehr können, es zu tun haben mit, es haben mit / auf, auf der Nase liegen (ugs.), sich nicht mehr auf den Beinen halten können, im Krankenstand sein (österreich.), krankfeiern (landsch.), jemandem fehlt etwas, nicht auf der Höhe / auf dem Posten / auf Deck / auf dem Damm / in Ordnung sein, angeknackst sein (ugs.), serbeln (schweiz.), herumkriechen (ugs.), rumkriechen (ugs.), rumquieimen (nordd.), nicht kommen; krank aussehen, schlecht / elend / wie das Leiden Christi / wie eine wandelnde Leiche / wie eine Leiche auf Urlaub aussehen; schwer krank sein, auf den Tod liegen, für jemanden gibt es keine Rettung mehr, mit einem Fuß im Grab / am Rande des Grabes stehen, vom Tod gezeichnet sein, jemandes Tage sind gezählt, bei jemandem ist Matthäi am letzten; fiebern; unwohl; Abmagerung, Ansteckung, Kinderlähmung, Kranker, Krankheit, Unfallwagen, Verfassung.

Gesund, [gesund und] munter, kraftstrotzend, gesundheitsstrotzend, frisch, kerngesund, kregel (landsch.), pumperlgesund (ugs., österreich.), nicht krank; fit, heil; gesund machen, behandeln, therapieren, pflegen, heilen, wiederherstellen, [aus]kurieren, nicht verschleppen, besprechen, gesundbeten, Hand auflegen, in Ordnung / in die Reihe / über den Berg / wieder auf die Beine bringen (ugs.), jemanden wieder hinkriegen (salopp), aufhelfen, retten; behandeln, helfen, lindern; gesund werden, heilen, ausheilen, genesen, gesunden, sich bessern, auf dem Wege der Besserung sein, sich auf dem Wege der Besserung befinden, Besserung tritt ein, aufkommen, wieder auf die Beine / auf den Damm kommen (ugs.), sich [wieder] bekrabbeln (ugs.), sich aufrappeln (ugs.); erholen (sich); gesund sein, wohlauf / wohl / fit / (ugs.) mobil / in Form / (ugs.) auf dem Posten / wieder auf dem Damm / (südwestd.) busper sein, munter wie ein Fisch im Wasser / springlebendig sein, jemandem geht es gesundheitlich gut; gesund aussehen, aussehen wie das blühende Leben / wie Milch und Blut, vor Gesundheit strotzen; Arzt, Behandlung, Gesundheit, Verfassung.

Schmutzig, unsauber, unrein, verschmutzt, trübe, schmierig, fettig, ölig, fleckig, verfleckt, mit Flecken übersät / bedeckt, mit Dreck und Speck (emotional), schmutzstarrend, in unbeschreiblichem Zustand, speckig, schmuddelig, schnuddelig (landsch.), murklig (ugs., landsch.), angeschmutzt, angestaubt, nicht frisch, unansehnlich, dreckig (salopp), verdreht (salopp), versaut (derb), kotig, mistig (derb) · Ggs. sauber, stubenrein; schmutzig sein, voller Dreck und Speck sein (emotional); beschmutzen; Schmutz, Schmutzfink, Umweltverschmutzung, Unsauberkeit.

Sauber, rein, reinlich, fleckenlos, gesäubert, gereinigt, hygienisch, blitzsauber, pieksauber, blitzblank, proper, wie geleckt; hübsch, keimfrei, stubenrein; säubern, waschen · Ggs. schmutzig; beschmutzen.

Tot, gestorben, abgeschieden, leblos, entseelt, unbelebt, ohne Leben, mausetot (ugs.), maustot (ugs., österreich.) · Ggs. lebendig; tot sein, ausgelitten / (ugs.) ausgeschlauft haben, nicht mehr unter uns / unter den Lebenden weilen (geh.), nicht mehr sein (verhüll.), nicht mehr da sein, jemand hat der Natur seinen Tribut entrichtet, es ist aus mit jemandem (ugs.), hin sein (salopp), hinüber sein (salopp), ex sein (salopp, Med.), den letzten Schlaf schlafen, jemandem tut kein Zahn mehr weh (ugs.), sich die Radieschen von unten besehen (salopp); nicht tot sein, unter uns / noch unter den Lebenden weilen (geh.), [am Leben] sein, atmen, es gibt jemanden noch (salopp); sterben, töten; Exitus, Toter, Tötung.

Lebendig, lebend, belebt; in vivo · Ggs. tot.

Тот же принцип С.Тер-Минасова иллюстрирует на примере 'больной' / 'здоровый' в английском [Тер-Минасова 2000: 71].

У многих (если не всех) понятий в разных культурах различаются ассоциативные поля. Многие из них закреплены лексикографически. Например, принадлежность немцев к индивидуалистическим культурам видна по откровенной демонизации коллективизма в одном из самых крупных лексиконов ФРГ *Brockhaus* [PC-Bibliothek 3: Der Brockhaus in Text und Bild 2002: s.v. Kollektivismus, Individualismus]:

Kollektivismus

eine Gesellschaftslehre, die auf zwei Grundsätzen aufbaut: 1) Das gesellschaftliche Ganze habe seins-, sinn- und wertmäßig den Vorrang vor dem Individuum. 2) Das Denken und Handeln des Individuums sei ausschließlich vom Kollektiv (Gesellschaft, Gruppe, Staat, Partei) her zu bestimmen. Vertreten wird der Kollektivismus v.a. in einigen Strömungen des Kommunismus, aber auch in nationalistischen und faschistischen Bewegungen.

Individualismus

Auffassung, die die Interessen, Bedürfnisse und Rechte des einzelnen Menschen gegenüber seiner Gleichstellung mit anderen hervorhebt (Gegensätze: Kollektivismus, Universalismus). Der Individualismus als sozialphilosophische Lehre erklärt die Gesellschaft als bloße Summe der Beziehungen zwischen Einzelnen. Die Geschichte werde im Wesentlichen von Einzelpersonen getragen und vorangetrieben. In der Ethik (Individualethik) meint Individualismus, dass die freie Entfaltung der Einzelpersonlichkeit den Sinn des Gemeinschaftslebens ausmache und daher die Norm für dessen Gestaltung zu bilden habe.

Как и следовало ожидать, в советских словарях негативные коннотации явственно просматриваются в определении индивидуализма:

«КОЛЛЕКТИВИЗМ – принцип общественной жизни и деятельности людей, проявляющийся в сознательном подчинении личных интересов общественным, в товарищеском сотрудничестве и взаимопомощи» [Петров и др. 1983: 235].

«ИНДИВИДУАЛИЗМ – 1) противопоставление интересов отдельной личности (индивидуума) интересам общества, предпочтение личных интересов общественным; и. – один из основных принципов частнособственнической идеологии; 2) стремление к выражению своей индивидуальности, своей личности в противопоставлении себя коллективу» [Петров и др. 1983: 193].

Фашизм в СССР связывался не с коллективизмом (как в ФРГ), а с индивидуализмом (что в очередной раз иллюстрирует инструментализацию культурологии в целях политической пропаганды, причём обеими сторонами): «Законченное выражение И. получил в философии Штирнера, а в эпоху империализма – у Ницше, учение к-рого об ‘элите’ и ‘сверхчеловеке’ было воспринято фашизмом» (Философский словарь) [Розенталь 1972: 145-146].

Поскольку основой индивидуализма в его современной форме является либерализм (см. выше), сильно разнятся и его определения:

«Li|be|ra|lis|mus der; -: 1. im Individualismus wurzelnde, im 19. Jh. in politischer, wirtschaftlicher u. gesellschaftlicher Hinsicht entscheidend prägende Denkrichtung u. Lebensform, die Freiheit, Autonomie, Verantwortung u. freie Entfaltung der Persönlichkeit vertritt u. staatliche Eingriffe auf ein Minimum beschränkt sehen

will. 2. liberales Wesen, liberaler Zustand» [PC-Bibliothek 3: Duden – Fremdwörterbuch, s.v. Liberalismus].

«ЛИБЕРАЛИЗМ – 1) буржуазное политическое и идеологическое течение, отстаивающее свободу предпринимательства, буржуазно-парламентский строй и буржуазную демократию. Л. получил наибольшее развитие в капиталистических странах в 19 в.; в эпоху империализма л. переживает кризис; 2) *уст.* свободомыслие, вольнодумство; 3) излишняя терпимость, снисходительность, вредное попустительство» [Петров и др. 1983: 277].

После официального перехода России на индивидуалистическую идеологию сменились и соответствующие дефиниции. Например, один из новых словарей иностранных слов [Михайлова 2006: s.v. либерализм, индивидуализм] даёт следующие определения либерализму и индивидуализму:

ИНДИВИДУАЛИЗМ

1) противопоставление интересов отдельной личности (индивидуума) интересам общества, при котором личные интересы ставятся выше общественных; 2) понимание общественных явлений как результата деятельности отдельных личностей, а не народов, масс, классов.

ЛИБЕРАЛИЗМ

1) Свободное убеждение, стремление избавиться от традиций, обычаев, догм; 2) Политическое направление, противостоящее консерватизму и реакции.

Поскольку учение прагматизма особенно популярно среди англосаксов и при этом отражает индивидуалистическую систему ценностей, его определение содержит в советских словарях явно отрицательные, а в немецких – явно положительные коннотации:

«ПРАГМАТИЗМ – широко распространённое субъективно-идеалистическое течение в совр. буржуазной философии. В центре философии П. находится т. наз. “принцип прагматизма”, определяющий значение истины её практической полезностью (Пирс). В работах Джемса П. формулируется как метод разрешения философских споров путём сравнения “практических последствий”, вытекающих из той или иной теории, и как теория истины: истина есть то, “что лучше “работает” на нас, что лучше всего подходит к каждой части жизни и соединимо со всей совокупностью нашего опыта”. Субъективистское понимание “практики” истины приводит П. к определению понятия (идеи) как “инструмента” действия (Дьюи), а познания – как совокупности субъективных “истин” (“гуманизм” Ферд. Шиллера). Под практической полезностью, однако, П. понимает не подтверждение объективной истины критерием практики, а то, что удовлетворяет субъективные интересы индивида. Такое объяснение в конечном счёте отражает узкий практицизм амер. буржуа. (...) В социологии П. варьируется от культа “великих личностей” (Джемс) и апологии буржуазной демократии (Дьюи) до прямой защиты расизма и фашизма (Шиллер)» [Розенталь 1972: 324].

Pragmatismus

«Ende des 19. Jahrhunderts von C.S.Peirce, W.James und J.Dewey ausgebildete philosophische Lehre, die das Handeln als Voraussetzung oder Ziel des Erkennens betrachtet. Das Erkennen erhält hierdurch den Charakter eines Instruments der Lebenspraxis (**Instrumentalismus**); Begriffe und Hypothesen müssen induktiv er-

weisbar sein (Empirismus); Wert und Wahrheit einer Aussage sind durch ihren Nutzen beziehungsweise praktischen Erfolg bestimmt (W.James). Dies gilt auch für die Ethik, die von Lebenserfahrungen ausgeht und als "Instrument" dem Leben in der menschlichen Gemeinschaft dient. Als System war der Pragmatismus besonders im angloamerikanischen Raum wirksam; er beeinflusste den Behaviorismus (J.Dewey) und die analytische Philosophie» [PC-Bibliothek 3: Der Brockhaus in Text und Bild 2002: s.v. Pragmatismus].

В отрицательном отношении к фашизму немецкие авторы (*Brockhaus in Text und Bild*) солидарны с советскими, но при этом не желают признавать гитлеровский режим фашистским (следует особо подчеркнуть, что речь идёт об одной из самых крупных энциклопедий Германии):

Faschismus

«Zunächst Eigenbezeichnung einer politischen Bewegung, die unter Führung von B.Mussolini 1922/45 in Italien die beherrschende politische Macht war und ein diktatorisches Regierungssystem trug; später für alle extrem nationalistischen, nach dem Führerprinzip organisierten, antiliberalen und antimarxistischen Bewegungen, Ideologien oder Herrschaftssysteme, die seit dem Ersten Weltkrieg die parlamentarischen Demokratien abzulösen suchten. (...) Die Verallgemeinerung des Faschismusbegriffs von einer zeitlich und national begrenzten Eigenbezeichnung zur Gattungsbezeichnung einer bestimmten Herrschaftsart ist umstritten, besonders für den Nationalsozialismus in Deutschland. Im übrigen Europa gab es in den 1920er- und 1930er-Jahren folgende faschistische Bewegungen: Spanien: Falange, Großbritannien: British Union of Fascists, Frankreich: Croix-de-feu, Francismus, Parti Populaire Français, Niederlande: Nationaal-Socialistische Beweging, Belgien: Rexbewegung, Norwegen: Nasjonal Samling, Schweiz: Frontismus, Österreich: Heimwehren, Ungarn: Pfeilkreuzler, Rumänien: Eiserne Garde, Slowakei: Hlinka-Garde, Kroatien: Ustascha» [PC-Bibliothek 3: Der Brockhaus in Text und Bild 2002: s.v. Faschismus].

Если в советских лексикографических изданиях негативное отношение к мужскому и женскому гомосексуализму выражено отчётливо, то в немецких подобные коннотации отсутствуют – очевидно, вследствие полнокорректности по американскому образцу:

lesbische Liebe

«(Sapphismus, Tribadie): die Neigung von Frauen zu Frauen. Heute wird darunter auch lesbische Sexualität verstanden. Der Begriff lesbische Liebe beziehungsweise Sapphismus stellt die Verbindung zu den frühesten Berichten über die Liebe zwischen Frauen, dem Zentralthema der griechischen Dichterin Sappho her. Die jungen Mädchen, die Sappho um sich scharte, wurden in einer erotisch-pädagogischen Lebensgemeinschaft auf ihre zukünftige Erwachsenenrolle vorbereitet; neben der Unterrichtung in Kult und musischen Künsten gehörte dazu auch die sexuelle Initiation» [PC-Bibliothek 3: Der Brockhaus in Text und Bild 2002: s.v. lesbische Liebe].

Homosexualität

«Form von Sexualität, bei der sich das Begehren von Männern auf Männer, das von Frauen auf Frauen richtet. Homosexualität bildet den Gegenbegriff zu Heterosexualität und ist von Gelegenheits-Homosexualität und von Entwicklungs-Homosexualität zu unterscheiden. Umgangssprachlich wird mit Homosexualität aber nur die männliche Form gemeint. Frauen, die Frauen lieben, werden auch Lesben genannt; bei Menschen, die beiden Geschlechtern zugeneigt sind, spricht

man von Bisexualität. Im Unterschied zur traditionellen Auffassung von der Gegensätzlichkeit zwischen Homosexualität und Heterosexualität setzt sich in neuerer Zeit die Ansicht durch, dass alle Menschen mit einem offenen sexuellen Potenzial ausgestattet sind, das hetero- wie auch homosexuelle Orientierungen einschließt (Bisexualität). Homosexualität als eine in der menschlichen Natur bereitliegende Möglichkeit ist aber nicht gleichzusetzen mit dem Selbstbild und Verhalten des Homosexuellen, dessen Identität wesentlich durch die (oft negativen) Erfahrungen geprägt ist, die er mit seiner Umwelt und ihren Reaktionen auf seine sexuellen Präferenzen macht» [PC-Bibliothek 3: Der Brockhaus in Text und Bild 2002: s.v. Homosexualität].

«Лесбийская любовь – противоестественное половое влечение женщины к женщине» [Петров и др. 1983: 276].

«Гомосексуализм – половое извращение, состоящее в противоестественном половом влечении к особям своего же пола» [Петров и др. 1983: 138].

«Homosexuality – sexual desire or behavior directed toward a person or persons of one's own sex» [Random House Webster's Unabridged Electronic Dictionary 1996: s.v. homosexuality].

«Lesbianism – homosexual relations between women» [Random House Webster's Unabridged Electronic Dictionary 1996: s.v. lesbianism].

О некоторых особенностях национального менталитета может свидетельствовать не только присутствие определённых слов или особенно длинного синонимического ряда в лексиконе, но и отсутствие привычных для других народов понятий. Например, немцам (как и англичанам) незнакомо понятие *уживчивость*. Переводы, которые предлагают в данном случае словари – нем. *Verträglichkeit, Umgänglichkeit, Soziabilität*; англ. *good nature, sociability, affability* – далеки от русского варианта и указаны за отсутствием лучшей альтернативы. Хотя в обоих языках можно было бы построить фразы, чётко передающие значение этого русского слова, но, как сказал Ф.Кайнц, в этнолингвистике «kommt es nicht darauf an, was eine Sprache kann, wenn man sie anstrengt, sondern auf das, was sie bevorzugt und daher von selbst regelmäßig zu tun pflegt» [Kainz 1965: 267]¹²⁷. Можно предположить, что отсутствие данного понятия во многих западных языках свидетельствует о нежелании и неумении соответствующих культур искать мирных путей решения конфликтов с другими народами.

Действительно, если Россия расширялась, в основном, за счёт мирного поглощения новых земель и ассимиляции различных племён и наций (или мирного сосуществования с ними), то о способах расширения земель немцами и англичанами свидетельствует судьба миллионов славян и кельтов на территории нынешней ФРГ, индейцев в США, австралийских аборигенов и т.д. [ср. Захаров 2000: 97-98, 124]. Характерно, что на принадлежавшей России Аляске индейцы не только не были ограблены и/или уничтожены, но даже получили от русского правительства бесплатные школы и больницы, а также возможность учиться в столичных вузах (как уже упоминалось выше, патернализм является одной из главных характеристик

¹²⁷ Ср. C.Hockett: «Languages differ not so much as to what *can* be said in them, but rather as to what is *relatively easy* said in them» [Hofstede 2002: 21].

коллективистских культур), за что индейцы называли русских «настоящие белые» [Крючкин 2002; Румянцева 1995: 108-109].

Русскому концепту *уживчивость* противостоит немецкий концепт *жизненное пространство (Lebensraum)*, т.е. предназначенная народу Богом и судьбой территория, которая должна быть очищена от чуждых элементов («идеология чистоты», см. выше). Не удивительно, однако, что у западных учёных об уживчивости русских с другими народами сложилось совершенно другое мнение. Например, американский лингвист Ч.Берлиц утверждал, что русские подсознательно запрограммированы завоевать весь мир, т.к. у них слово *мир* означает «деревня, всё мироздание», т.е. русские желают распространить свою деревню на всё мироздание [Berlitz 1982: 291]. Очевидно, в данном случае мы имеем дело с одним из бесчисленных примеров использования лингвистики в идеологических целях. Кстати, книга с этим утверждением распространялась на территории ФРГ бесплатно.

Ещё одним примером такого рода является английское выражение *it's up to you*. Как полагает А.Вежбицкая, в других языках точных эквивалентов этому выражению нет:

«...*it's up to you* – again, an expression with no exact equivalents in other European languages. In most languages, the closest counterpart that could be proposed would have to take the form of rather long-winded locutions like 'if you want to do it, you can do it; if you don't want to do it, you don't have to do it.' Not only are such locutions long and cumbersome, but also they still lack a crucial semantic component of the English expression: roughly, that 'it's your choice' and 'no one can tell you otherwise'. The emergence in English of such an expression ... witnesses to the growing salience of the 'anti-compelling' scripts in modern Anglo culture» [Wierzbicka 2006: 53-54].

Как упоминалось выше, выражение *it's up to you* перешло после 1945 г. и в немецкий язык, что, очевидно, должно свидетельствовать о перенятии «'anti-compelling' scripts» в немецкую культуру (хотя, на наш взгляд, уникальность этого выражения А.Вежбицкой сильно преувеличена, ср. рус. *тебе решать, решай сам, думай сам, ну смотри, у тебя своя голова на плечах, дело твоё*).

О перенятии демократических идей из англоязычного мира свидетельствуют англицизмы: *Parlament, Komitee, Jury, Majorität, Minorität, civil society, Pressfreiheit, Koalition, Opposition, Freidenker, Ballot* 'geheime Abstimmung', *Canvassing* 'Wahlstimmenwerbung durch persönliche Hausbesuche prominenter Politiker', *Goodwillreise* 'Reise eines Politikers, einer einflussreichen Persönlichkeit oder Gruppe, um freundschaftliche Beziehungen zu einem anderen Land oder das eigene Ansehen wiederherzustellen oder zu stärken', *koalieren*.

Любовь к деньгам в Германии не принято выражать в той же мере, как в Англии, что видно по меньшей распространённости соответствующей лексики в устойчивых выражениях:

«Das unverhohlen zur Schau getragene Geldinteresse ist nicht nur ein Merkmal des englischen Kaufmannes, sondern ein allgemein englischer Zug, was an der überaus

großen Rolle, welche die Ausdrücke *money, penny, shilling* usw. im englischen Sprichwörter- und Wendungsschatz spielen, dargetan wird. Erweiterte Feldbeziehungen dieser Art kommen zur Geltung in Redensarten wie *for love or for money*, wobei “love” kein Geld, also nichts bedeutet. Das Verbum *to afford* wird ungleich häufiger gebraucht als etwa im Deutschen “sich leisten”. Das rege Interesse für Besitz und Geld ist urgermanisches Erbe, dessen sich der Engländer nicht im Mindesten schämt, während man in den deutschen Oberschichten derartiges eher zu verhüllen trachtet»¹²⁸.

Эмоциональность выражена в немецком языке значительно слабее, чем в русском. Как утверждает др. А.Субетто, процентное содержание слов, несущих в себе оценочную компоненту, составляет 40% в русском языке, 14% в немецком и около 9% в английском языке [Субетто 1999]. Диминутивные суффиксы употребляются чаще, чем в английском (особенно в южных диалектах) [Kainz 1965: 270], но несоизмеримо реже, чем в русском, причём частотность их падает [Fluck 2001: 174, 176; von Polenz 1999: 366]. Хотя о частоте употребления уменьшительных суффиксов в разговорной речи прошлых веков какие-либо утверждения делать трудно, следующий образец любовной лирики свидетельствуют о значительно более широком использовании языковых средств такого рода в XVII в.:

«Ach mein liebes Blümichen...
 Mein Hühnichen und mein Hennichen,...
 Mein allerhübschestes Liebichen,
 Eurs gleichen wächst kein Blümichen,
 Darzu kein edles Bäumichen
 Auf jener grünen Heid.
 Ach mein Rosenstengelchen,
 Ach mein Rautensträuchlichen,
 Allerhübschestes Engelchen,
 Allerhübschestes Keuchelchen,...
 Ach mein Lilgenstengelchen... etc.» [Rist 1996].

По количеству частиц немецкий язык значительно превосходит английский и практически достигает уровня русского [Вежицкая 1996: 76]. Открытость, эмоциональность и коммуникабельность выражены по сравнению с русскими в меньшей мере. Немцы задают меньше вопросов, но чаще прибегают к коротким, пустым беседам ритуального характера (Small talk); количество табуизированных тем больше, чем в русском, но меньше, чем в английском [Стернин 1996: 105; ср. von Schrenck-Notzing 1996: 120; Gulyanska 2005: 47]¹²⁹. В отличие от культур Восточной Европы, немцы не избегают конфликтов [Gulyanska 2005: 39], а потому могут позволить себе изъясняться точнее по сравнению с русскими (хотя всё же более расплывчато по сравнению с англичанами) [Карасик 2001; ср. Guly-

¹²⁸ Повышенный интерес англичан не только к деньгам, но ко всему материальному вообще, включая еду; в немецком этот интерес тоже присутствует, но не выставляется на показ в такой мере: [Kainz 1965: 247, ср. 281].

¹²⁹ Эмоциональность и коммуникабельность, табуизированные темы: смерть, болезни, доходы, фашизм, евреи, секс, негативное отношение к иностранцам: [Куликова 2004: 63-64].

anska 2005: 38]. Сплетни распространены относительно мало¹³⁰, длительного молчания обычно избегают¹³¹, как и в других индивидуалистических культурах.

Склонность к *understatement* распространена не во всех стилях речи: под влиянием американского английского в немецкий на протяжении XX века постепенно переходили некоторые черты суперлативизма, появившегося в США якобы под влиянием ирландцев [Kainz 1965: 123; Deutschbein et al. 1928: 52]¹³², а именно: усиленное использование прилагательных *kolossal*, *total*, *unglaublich*, *einzigartig* и т.п.; префиксы и префиксоиды *über-*, *hyper-*, *best-*, *super-*, *welt-*; превосходная степень сравнения прилагательных (*schönste*), существительные типа *Sensation*, *Aufsehen*, *Ereignis*, крупные газетные заголовки, неумеренность в использовании заглавных букв, языковые средства для создания ложного эффекта тотальности (*alle*, *jeder*, *noch nie*, *unzerstörbar*, *gleichgültig ob*, *weltweit*, *ein für allemal*, *nie dagewesen*), вторичные атрибуты (*historisch einmalig*), преувеличения в числах (*Millionen*, *tausendfach*) [Klemperer 1966: 240; von Polenz 1978: 168; Munske 1980: 665; Bork 1970: 42-43, 57]¹³³. Во времена фашизма подобные языковые средства активно использовались в политике, затем они были вытеснены в рекламу.

Статус собеседника для немцев менее важен, чем для русских; немцы уделяют больше внимания защите своей личной жизни от вмешательств извне (*privacy* = *private Sphäre*), избегают разговоров на несколько тем одновременно (монохронная система времени) в отличие от русских (полихронная система времени); интертекстуальность играет для немцев незначительную роль, потому они часто не замечают аллюзий, намёков и словесные игры (нем. *low-context culture* vs. рус. *high-context culture*) [Куликова 2004: 62-64, 68-69]¹³⁴. Общее коммуникативное поведение немцев значительно ближе к поведению англосаксов по сравнению с русскими [Стернин 1996: 105].

Вопрос языковой игры стоит рассмотреть подробнее. Возможно, именно принадлежностью ФРГ к низкоконтекстным культурам можно объяснить практически полное отсутствие языковых игр даже в молодёжном жаргоне, где они обычно встречаются наиболее часто (установлено на сравнительных исследованиях языков скандинавских и англоговорящих стран, испанского, итальянского и т.д. [Neuland 2001: 152; ср. Леонтович

¹³⁰ Ср. «active gossip» – универсальный признак коллективистских культур: [Triandis 1990: 58].

¹³¹ В индивидуалистических культурах принято избегать молчания: [Gudykunst 1998: 173; Hofstede 2002: 229].

¹³² *Overstatement*: [Langenmayr 1997: 334].

¹³³ Ср. *overstatement* американцев: [Langenmayr 1997: 334; Wierzbicka 2006: 29].

¹³⁴ Ср. о *low-context cultures* и *high-context cultures*: [Стеблецова 2004: 92]. *Monochronistic* vs. *polichronistic cultures* и их связи с коллективизмом/ индивидуализмом; *high-context cultures* vs. *low-context cultures*: [Andersen et al. 2002: 94, 99-100]. Немцы и американцы – представители монохронных культур: [Pethő, Heidrich 2005: 92; Dahl 2000].

2005: 197-198]¹³⁵). Речь идёт, в первую очередь, о контаминации/ реэтимологизации (*AIDS* > *aidsend* ‘ätzend’, *Laptop* > *Schlepptop*, *Juckbox* (*jucken* и *jukebox*) ‘Schlagbaß’, *Kauby* ‘kaugummikauender Junge’, *Lemons Quatsch* (из *lemon squash*) ‘Zitronenlimonade’, *Relax* ‘Religionsunterricht’, *Smokerette*, *Tee-Nager* ‘Jugendliche(r) zwischen 13 und 19 Jahren’, *Twistitis* ‘leidenschaftliche Lust am Twist-Tanzen’, *W.C. + etcetera* > *W-C-tera Null-Null* ‘und so weiter’; *Wayne interessiert es?*), интертекстуальности (*Canceln oder gecanceln werden, das ist jetzt hier die Frage*; *Geld spielt keine Rolex – Lacoste es, was es wolle!*), играх с формой слова (*pullover* > *Pullunter* ‘Schlüpfer’, *Sing-Sing* ‘Musikzimmer in der Schule’, *wish-wash* > *Wischiwaschi* ‘Geschwätz’, *to look* > *luckilucki machen* ‘vom Mitschüler absehen, abschreiben’, *Techno* > *Tekkno*, *tough* > *taff*, *loser* > *Looser*, *tip-top* > *tipsy* ‘lebenslustig’, *shamble* > *Tschemm* ‘Watschelgang’, *chivy* > *Ziff* ‘schwunglos, langweilig’, *cheap* > *cheapo*, *klar* > *klaro*, *Computer* > *Composter*, *Computer*; *Xerox* > *Xero*) и неосемантизмах, основанных на схожести форм (*Emil* в значении ‘E-mail’).

Все эти языковые средства не получили в Германии широкого распространения, что свидетельствует о невозможности опираться на общий контекст из-за недостаточного уровня социализации. Характерно, что в XIX в. подобные трансформации языкового материала (тогда ещё латыни) были распространены значительно шире (*Alma Mater* > *Alma Marter*, *eo ipso* ‘von selbst, selbstverständlich’ > *eo piso*, *eo sipo*; *infamiam* > *Jam* ‘studentischer Verruf’, *candidatus* > *Kax* ‘Hilfslehrer’, *locus necessitatis* > *Lokus* ‘Abort’, *pappenbleiben* > *paptus machen* ‘in der Schule nicht versetzt werden’) – возможно, это свидетельствует о росте индивидуализма в немецком обществе в XX в.

Как уже было упомянуто выше, немцы относятся к монохронным культурам, русские – к полихронным (дихотомия Е.Холла). Представители монохронных культур предпочитают концентрироваться на одном определённом задании, обычно не склонны к длительным отношениям, высоко ценят частную собственность и свою личную сферу (*privacy*), очень серьёзно относятся к планам, срокам и расписаниям, предпочитают низкоконтекстный тип коммуникации. Представители полихронных культур могут заниматься многими вещами одновременно (в т.ч. говорить сразу на несколько тем, выполнять несколько заданий), уделяют меньше внимания личной сфере, временным ограничениям и строгим планам, легко и часто меняют свои намерения, склонны к глубоким отношениям на всю жизнь, ценят человеческие отношения больше, чем представители монохронных культур; предпочитают высококонтекстный тип общения [Pethő, Heidrich 2005: 93]. Определение самого Холла: «monochronic time means paying attention to and doing only one thing at one time. Polychronic time means being involved with many things at once. Like oil and water, the two systems do not mix» [E.Hall, цит. по: Pethő, Heidrich 2005: 92].

¹³⁵ Молодёжный жаргон: гиперболка, искажения слов, сокращения, вулгаризмы, словесные игры, пародии, иностранные слова, неологизмы собственного авторства; интертекстуальность: [Volmert 2004: 142, 149].

***

В дальнейшем речь пойдёт о некоторых проблемах, связанных с кросс-культурным сравнением языков и отграничением лингвистических факторов от культурологических. Одна из главных проблем этнолингвистики заключается на нынешнем этапе исследований в том, что «cross-cultural psychology has been relatively silent about the role of language in culture» [Kashima, Kashima 2003: 128-129]. Особенно это касается Германии, где этнолингвистика вот уже несколько десятков лет является практически табуизированной наукой, поскольку ни культурологи, ни лингвисты не решаются затронуть темы, бывшие столь популярными при фашизме:

«Dieses Thema, das in Zusammenhang mit der Völkerpsychologie, die ja schon Wundt wesentlich beschäftigt hatte, bereits einmal breite Beachtung fand, ist in den letzten Jahrzehnten sehr vernachlässigt worden. Das hängt sicher damit zusammen, daß im Zuge der Aufarbeitung der nationalsozialistischen Vergangenheit und der in diesem Zusammenhang entstandenen Scheu, bei einer Nation bestimmte psychische Strukturen im Vergleich zu anderen Nationen zu vermuten und der Angst, daß daraus eine Wertung mit all den Konsequenzen, die dies schon einmal nach sich zog, werden könnte, niemand mehr von einem solchen Thema etwas wissen wollte» [Langenmayr 1997: 311-312].

Кроме того, десятилетиями универсалии индивидуалистических и коллективистских культур выводились из сравнительно небольших исследований, преимущественно на материале японской, корейской, английской и американской культур. Именно так появились столь сомнительные высказывания, как следующее: «Individualistic values positively predict the use of a dramatic communication style, the use of feelings to guide behavior, and openness and preciseness in communication. Collectivistic values, in contrast, positively predict the tendency to use indirect communication and being interpersonally sensitive» [Gudykunst, Lee 2002: 33]. Хотя данное высказывание действительно соответствует максимам речевого поведения японцев (understatement) по сравнению с англосаксами, но к арабам и славянам это не относится. Кроме того, азиаты (японцы, корейцы) более, чем англичане, склонны к непрямому стилю общения, что опять же, по мнению Т.С.Лим, не относится к славянам (русским, сербам, хорватам) [Lim 2002: 80, 82].

Как уже неоднократно отмечалось выше, многие авторы проявляют явную избирательность при интерпретации определённых языковых особенностей тех культур, которым они симпатизируют. Особенно хорошо это видно на примере английского, аналитические черты которого неизменно воспринимаются как проявление самых разных положительных (и только положительных) качеств национального менталитета, причём те же черты в других аналитических языках игнорируются. Подход этот даже нельзя назвать этноцентризмом, поскольку большинство авторов подобных работ не являются ни англичанами, ни американцами, многие из них – наши соотечественники. Некоторые из них не скрывают своей ангажированности – например, проф. В.Колесов цитирует двух авторов работ по

культурологии – М.Розанского и А.Гуревич, – которые открыто признают, что ставят своей целью борьбу против русского сталинизма и мессианизма [Колесов 1999: 14].

Избирательность видна и в том, насколько разнятся объяснения одних и тех же языковых явлений на материале разных культур в соответствии со сложившимися в отношении этих культур стереотипами. Если относительно свободный порядок слов в немецком отдельные авторы объясняют индивидуализмом (см. выше), то тот же свободный порядок слов в русском объясняется присущей русскому народу эмоциональностью, иррациональностью, непредсказуемостью и спонтанностью [Маслова 2001: 24; Тер-Минасова 2000: 158, 168; Максименко 2001: 175-176; Леонтович 2005: 185; Майер, Топешко 2003]. Если нелюбовь англичан к сложноподчинённым предложениям (по сравнению с немецким) М.Дойчбайн объясняет «*Abneigung des englischen Geistes gegen das methodisch Konstruierte, gegen das Systematische, gegen den logischen Aufbau durch Unter- und Überordnung*» [Deutschbein et al. 1928: 61] (т.е. теми же «свободолюбивыми» качествами, которые мешают англичанам чётко придерживаться языковых правил, см. выше), то ещё большая нелюбовь к сложноподчинённым предложениям в русском языке¹³⁶ этнолингвистами вообще не комментируется, т.к. свободолюбие западная культурология приписывает только индивидуалистам¹³⁷.

Следующая проблема заключается в методах, с помощью которых современные культурологи, социологи и этнолингвисты выводят универсалии дихотомий типа коллективизм/ индивидуализм, фемининность/ маскулинность и т.д. Даже в тех случаях, когда проводятся международные опросы с задействованием десятков тысяч человек, разница между их результатами иногда оказывается разительной. Так, степень коллективизма российской культуры в 1990-х гг. определялась по методу Г.Хофстеде неоднократно самыми разными авторами, каждый из которых приходил к новому результату: 39 [Viktorova 2005; Hofstede 2002: 502], 50 [Carole et al. 2003], 26 [Svennevig, Isaksson 2006], 41 [Svennevig, Isaksson 2006] – единственный общий знаменатель этих данных заключается в том, что никто не приписывает русским ярко выраженный индивидуализм.

Однако и этот общий знаменатель не распространяется на результаты других исследований: в частности, The Roper Reports Worldwide study (2006) установил в результате серии международных опросов, что русские якобы являются гипериндивидуалистичной нацией, перегнавшей в этом отношении даже жителей Западной Европы. Именно этим авторы объясняют более ярко выраженное стремление русских хорошо выглядеть, выражать свою неповторимую индивидуальность, самореализовываться, обладать высоким статусом и, соответственно, высоким доходом, искать ярких впечатлений (упомянутый выше экспрессивный индивидуализм) и

¹³⁶ Ср.: Сложносочинённые предложения для русского более типичны: [Степанов 1997]. В художественной литературе и вообще: [Мельник 2001].

¹³⁷ Напр., [Triandis 1990: 68, 1995: 47].

чувствовать уверенность в себе [Kofler 2006]. Таким образом, даже результаты статистических исследований, погрешность которых обычно не превышает 3%, приходят к противоположным результатам в самом основополагающем вопросе, на котором должна строиться вся дальнейшая аргументация этнолингвистов (т.к. именно дихотомия коллективизм/ индивидуализм традиционно считается самым главным измерением кросс-культурного анализа, хотя и не единственным [Triandis 1990: 42; ср. Kashima, Kashima 2003: 125; Gudykunst, Lee 2002: 25]).

Если же речь идёт об исследованиях, основанных не на эмпирических данных, а на интроспекции, чисто субъективных выводах самого автора, мнениях отдельных философов, политиков или писателей, то результаты данных работ можно расценивать лишь как околонуточные и в лучшем случае дополняющие общую картину. Так, например, в одной из самых больших работ по русскому коллективизму (А.Ивин, Философия истории) автор не приводит каких-либо результатов кросс-культурных исследований, основываясь при формулировке универсалий коллективизма исключительно на неких вырванных из контекста фактах об СССР, фашистской Германии и данных нескольких опросов по России. Именно так появились столь сомнительные утверждения, будто коллективизм и индивидуализм определяют абсолютно все аспекты социальной жизни общества [Ивин 2000: 45], будто открытость и эмоциональность отношений [Ивин 2000: 230], интернациональная солидарность [Ивин 2000: 238] и нетерпимость к секс-меньшинствам [Ивин 2000: 508] присущи всем коллективистским обществам.

Данные сравнительных культурологических исследований последних десятилетий, напротив, показывают, что, например, выводить максимы коллективизма из фашистской идеологии некорректно уже потому, что основан он не на коллективизме, а на ярко выраженной маскулинности¹³⁸, что открытость и эмоциональность ни в коей мере не присуща (коллективистским) японцам [Falger 2001: 48; Корнева 2002; Стефаненко 2004; Matsumoto et al. 1998: 148-149]; что – кроме коллективизма и индивидуализма – существуют и другие важные измерения кросс-культурного анализа (избегание неопределённости, дистанция от власти, маскулинность/фемининность, высококонтактные и низкоконтактные культуры, монохронные и полихронные культуры и т.д.). Известно и то, что среди африканцев (которым традиционно приписывается коллективизм [Kim et al. 1995: 1-2; Myers 2002: 46; Triandis 1990: 42]) в племенах, где получило распространение многожёнство, гомосексуальные связи среди женщин даже поощряются на время отсутствия мужа. Никак не припишешь многим коллективистским обществам и интернациональную солидарность: достаточно вспомнить, как Япония на протяжении многих веков сознательно самоизолировалась от внешнего мира.

---

¹³⁸ «So wird zum Beispiel Maskulinität und hohe Unsicherheitsvermeidung als kulturelle Basis für Faschismus gesehen: Sowohl Deutschland, Japan und Italien haben genau diese Kombination» [Dahl 2000: http://www.intercultural-network.de/einfuehrung/maskulin_feminin.shtml].

Довольно сомнительны и некоторые методы этнолингвистов. Например, зачастую длина синонимического ряда связывается с важностью определённого концепта для данной культуры: в частности, наличие в английском языке более ста слов, начинающихся с *self*-, свидетельствуют якобы о ярко выраженном индивидуализме [Киреева 1999: 5]¹³⁹. Ещё один типичный пример такого рода приводит А.Вежбицкая, чтобы проиллюстрировать важность для немцев концепта «порядок»:

«Даже в Годесбергской (Godesberger) программе западногерманских социал-демократов 1959 года слово “Ordnung” (‘порядок’) встречается чаще других слов: “новый и лучший порядок”, “государственный порядок”, “порядок, основанный на принципах свободы и демократии”, “социально-экономический порядок”, “порядок, созданный на основных ценностях демократического социализма”» [R.Dahrendorf, цит. по: Вежбицкая 2001: 184]¹⁴⁰.

С другой стороны, в немецкий язык после 1945 г. перешло множество англицизмов, которые можно было бы расценивать как проявление коллективизма, хотя Англия и США ещё индивидуалистичней ФРГ: *community, human relations, Charitybewusstsein, charming loser, chatten, clanning, come-together, get-together* ‘Zusammenkunft’, *darling, dear, family yard, family* ‘Gemeinschaft’, *relationship, Be-in* ‘Treffen, Versammlung’, *sich committen* ‘sich verpflichten’, *Commitment, Kontaktklub* ‘ein Service, das darin besteht, dass man Jugendlichen, insbesondere solchen, die schüchtern und gehemmt sind, Gelegenheit zur Aussprache und Kontakt mit anderen gibt’. Кроме того, выше уже упоминалось, что Германия является (согласно международным опросам Г.Хофстеде) одной из стран с достаточно ярко выраженной маскулинностью, опередив в этом отношении англоязычные страны. Тем не менее, в последние десятилетия из английского были заимствованы многочисленные слова, ассоциирующиеся именно с качествами, приписываемыми обычно маскулинным культурам (ориентированность на конкуренцию и агрессивность, положительное отношение к видам развлечений, тематизирующих насилие): *He-Man, Superman, Batman* (Г.Хофстеде связывает популярность сказочных «-менов» с маскулинностью культур¹⁴¹), *Coolness* ‘leidenschaftslose Zurückhaltung und Distanziertheit, überlegen kühle Nüchternheit im Handeln oder Einschätzung der Situation’, *Catch-as-catch-can* ‘Kampf oder Auseinandersetzung unter Anwendung aller verfügbaren, auch unerlaubten Mittel und Methoden, zur Erreichung eines Ziels’, *fighten, Fight* ‘Streit um eine Sache oder heftige Auseinandersetzung mit einer Person, besonders in der Politik’, *tough, Contest, crunchen* ‘bedrängen, zusammenschlagen’, *reinpowern* ‘Aggressionen abbauen’, *Vollpower, Wahnsinnspower, butch* ‘ausgeprägt männlich (im Aussehen usw.)’, *Bossing, powernapping, struggle*

¹³⁹ Ср.: Многочисленность слов с элементом *self*- – признак индивидуализма: [Deutschbein et al. 1928: 39-40].

¹⁴⁰ Большое количество немецких пословиц со словом *Ordnung*: [Вежбицкая 2001: 215].

¹⁴¹ Популярные герои в фемининных культурах скорее комичны, наивны, неуклюжи, напр. Размус Клумп в Дании и Мистер Бамбл в Голландии, – ср. Иван-дурак в России: [Hofstede 2002: 300].

for life, war games, Softie; no risk, no fun; Trashfilm, Splatter-movie 'blutdurstiger Gruselfilm'.

Аналогичный парадокс можно найти и в русском, куда из английского в последние годы перешло множество англицизмов, относящихся к алкоголизму и спиртным напиткам: *зомби* и *ваучер* 'алкоголик', *бутылбол*, *удринченный в бэксайд*, *га* 'один литр (о спиртных напитках)', *гербалайфнуть* 'пить алкоголь', *пойнтовка*, *сепаратка*, *пивинг*, *батл* 'бутылка с алкогольным напитком', *вайн-шоп*, *приколоться к дринку*, *дринкер*, *дринчу-га*, *дринчужник*, *дринчуган*, *дринькало*, *дриньк*, *дринк-команда*, *пейджер* 'алкоголик', *пейджеринг* 'пьянка', *бомбер* 'литр водки', *русский йогурт* 'стаканчик со 150 мл водки', *дринк-сэйшн*. Очевидно, заимствование целого ряда иностранных слов определённой тематики может свидетельствовать не только о важности какого-то концепта для иностранной культуры, но и о важности данного концепта для культуры-реципиента в комбинации со склонностью к использованию в неологизмах иностранных слов. Поскольку в русском и немецком наблюдается общая склонность к заимствованию и использованию в словотворчестве англицизмов, делать какие-то выводы о перенимаемых с англицизмами чертах национального характера англичан/американцев в определённых случаях может быть некорректно.

Если брать за основу для культурологических выводов частоту употребления определённых лексем в разных языках (когда этому не мешает типология), то возникает вопрос, почему в русском языке слова *свобода*, *демократия* и *демократический* использовались до развала Советского Союза чаще, чем в английском, причём слово *свобода* употребляется после 1991 г. не чаще, чем в СССР, а *демократия* и *демократичный* даже значительно реже. Поскольку процесс западнизации русской культуры не отрицает никто, можно было бы ожидать, что эти ценности, якобы не свойственные русскому народу, будут всё активней тематизироваться в общественном дискурсе. Трудно объяснить и участвовавшее после 1991 г. употребление слова *совесть*, если учитывать, что опросы последних лет показывают практически полное отсутствие интереса нового поколения к данному понятию: так, в 2003 г. две трети опрошенных в возрасте до 25 лет утверждали, что за место под солнцем нужно бороться, не обращая внимания на голос совести и моральные ценности, а не согласны с этим были в первую очередь опрошенные в возрастной категории 60+ [Ильичёв 2004] (очевидно, из-за того, что в коллективистских обществах «social control depends more on shame than on guilt and reflects moral considerations», а в индивидуалистических «social control depends more on guilt than on shame» [Triandis 1990: 59-60]). Сравним соответствующие лексемы по данным частотных словарей:

Лексема	1953 ¹⁴²	1969 [Steinfeldt 1969]	1971 ¹⁴³	1971 ¹⁴⁴	1977 ¹⁴⁵	2002 [Шаров 2002]	BNC ¹⁴⁶
свобода	900-950	1457	1100-1200	800-850	700-750	837	1496 (freedom) 3700 (liberty)
демо- кратия	2300-2400	–	–	550-600	1700-1800	2810	2087 (democracy)
демо- крати- ческий	–	1602	–	650-700	1400-1500	3455	1621 (democratic)
совесть	2100-2200	2309	–	1900-2000	1800-1900	1553	4361 (conscience)

Возвращаясь ещё раз к вопросу о совести, можно отметить следующее: если до 1970-х гг. и в Германии совесть фигурировала среди мало-значимых, но всё же присутствующих и поощряемых образованием и церковью качеств в спектре системы ценностей, то во время сексуально-наркотической революции само это понятие исчезло из обихода, из повседневной речи и сменилось новыми ценностями – личным счастьем и удовольствием без оглядки на окружающих и моральные аспекты. Социологи из Демоскопического Института Алленсбах комментируют этот процесс следующим образом:

«Seit Mitte der 60er Jahre läßt sich in Deutschland ein tiefgehender Wertewandel beobachten. Im Lauf der Zeit sind dabei vor allem die Orientierungspunkte “persönliches Glück” und “Lebensgenuß” in den Vordergrund getreten. Daß der Sinn des Lebens umstandslos im Lebensgenuß liegt, war vorher nie so direkt ausgesprochen worden. Die Mehrheit der Bevölkerung hatte sich den Weg hin zu einem sinnvollen und vielleicht auch glücklichen Leben bis dahin immer sehr viel umständlicher vorgestellt. Da war von Gewissen die Rede (...), Religion (...) und von Aufgabenerfüllung, Pflicht und gesellschaftlicher Verantwortung... Die sozialen und altruistischen Motive haben im Westen seit den frühen 70er Jahren deutlich an Attraktivität verloren oder sind – wie auch die eindeutig religiösen Orientierungen – noch weiter in den Hintergrund getreten» [«Spaß haben, das Leben genießen» 2001].

В. Колесов напрямую связывает обесценивание понятия *совесть* в русском с влиянием американской культуры:

«Усреднение ментальности до *бэзик-раин* прямым образом связано с нарушением национальной формы сознания путём разрушения системы русских

¹⁴² Примерный подсчёт: напр., 250-300 означает, что соответствующая лексема находится по частоте между 250 и 300. Только самые частые 2500 лексем: [Josselson 1953, цит. по: Морковкин 1985: 354-597].

¹⁴³ Только самые частые 2500 лексем: [Харакоз 1971, цит. по: Морковкин 1985: 354-597].

¹⁴⁴ Только самые частые 2500 лексем: [Полякова, Солганик 1971, цит. по: Морковкин 1985: 354-597].

¹⁴⁵ Только самые частые 2500 лексем: [Засорина 1977, цит. по: Морковкин 1985: 354-597].

¹⁴⁶ 6318 лексем: [Kilgarriff 1995].

слов. Семантическое пространство русского подсознания тем самым поддаётся коррозии. Происходит искривление русского ментального пространства, инициированное непродуманным использованием иностранных слов в значении русских. В результате получаем неопределённость в выражении традиционных русских символов, соотношение между правым и левым, между *правдой* и *истиной*, между *пользой* и *добром*, между *честью* и *совестью* и т.д. разрушается или преобразуется. Например, для русского сознания положительно отмечены *правый*, а не *левый*, *совесть*, а не *честь*, *правда*, а не *истина*, но давление со стороны инородных ментальностей теснит традиционные ценности славянского подсознательного, как оно выражено в русских словах» [Колесов 2001: http://www.auditorium.ru/aud/p/index.php?a=presdir&c=getForm&t=resDesc&id_res=5924].

К немцам, однако, данное высказывание едва ли относится, т.к. трудно предположить, что понятие *совесть* до начала американизации (т.е. во времена фашизма) играло в немецком языке и, соответственно, в немецком национальном сознании бóльшую роль, чем сейчас.

Наиболее надёжным методом этнолингвистики является, на наш взгляд, описание явлений, которые не находят объяснения в рамках чисто лингвистического анализа. Например, немецкий язык, будучи более синтетическим по сравнению с английским, мог бы отказаться от личных местоимений в качестве подлежащего, поскольку их форма обычно легко реконструируется по форме глагола (ср. нем. *du gehst*, англ. *you/ I/ we/ they go*). Более того, в отдельных случаях отказаться от личных местоимений можно было бы и в английском (*I am back again*), поскольку разночтения здесь невозможны. Тем не менее этого не происходит. С другой стороны, в языках коллективистских культур отказ от личных местоимений можно встретить даже тогда, когда формы глаголов не дают соответствующей информации о подлежащем (т.е. помогает лишь контекст), напр. в японском, китайском, бирманском, тай, корейском [Kashima, Kashima 2003: 126]¹⁴⁷ (всего было исследовано 39 языков; опускание личных местоимений коррелировало с коллективизмом, дистанцией от власти, консерватизмом и патернализмом [Gudykunst 1998: 177]¹⁴⁸). Характерно и то, что в Японии местоимения 'я' избегают в первую очередь женщины, а мужчины используют его лишь в узком кругу друзей и членов семьи (несколько реже с родителями); в школах сознательно отучают от его употребления [Wierzbicka 2003: 13], а само оно обладает негативными коннотациями [Gannon 2001: 21] (ср. рус. *Я – последняя буква в алфавите*, араб. 'Пусть будет проклято слово сатаны «я»' [Hofstede 2002: 233]).

Значительно недооцениваются, на наш взгляд, возможности социологии. Например, результаты международных опросов могут иногда пролить свет на некоторые аспекты понимания определённых концептов в разных

¹⁴⁷ Ср. большинство предложений в японском: [Kainz 1965: 323]. Японский: [Langenmaur 1997: 318].

¹⁴⁸ Исследование первоначально описано в Emiko Kashima, Yoshihisa Kashima, «Culture and language: The case of cultural dimensions and personal pronoun use», *Journal of Cross-Cultural Psychology*, т. 29, 1998, с. 461-486 [Lim 2002: 79; Hofstede 2002: 233].

культурах и обществах. В данном случае речь пойдёт о понятии *дружба*. Хотя можно было бы предположить, что в коллективистских обществах, построенных на кооперации, друзей заводить легче, серия опросов в 1970-х гг. показала, что во всём мире именно коллективисты (в Азии, Африке, Южной Америке) неизменно имеют меньше друзей, чем индивидуалисты (в Северной Америке, Европе, Австралии). Например, у среднего немца тогда было 5,8 близких друзей, а у среднего индийца – всего 1,7; 4% немцев и 52% индийцев вообще не имели друзей (абсолютный минимум среди коллективистов). Самыми «дружественными» в мире оказались американцы: в США на одного человека приходилось по 9,3 друзей [Angst 1998: 118-119]. Хотя СССР это социологическое исследование не охватывало, более поздние опросы (2006 г.) показали, что среднестатистический житель России имеет всего трёх друзей, т.е. примерно столько же, сколько и жители других коллективистских стран [Общественное мнение 2006].

Таким образом, мы имеем дело с неким культурологическим парадоксом, поскольку в странах, построенных на извечной конкуренции индивидов, встретиться с такой яркой выраженностью дружеских отношений, по меньшей мере, удивительно (хотя бы потому, что «[i]ndividualists have excellent skills in interacting superficially with many ingroup members but have fewer skills in interacting intimately with others than do collectivists» [Triandis 1990: 61]). Например, практически во всех культурологических работах, затрагивающих тему дружбы в США, можно найти высказывания типа следующего: «Our society, far from fostering private life at the expense of public life, has made deep and lasting friendships, love affairs, and marriages increasingly difficult to achieve» [C.Lasch 1980, цит. по: Hofstede 2002: 229].

Единственным возможным решением данной проблемы может быть сопоставительный анализ самого понятия *дружба* в коллективистских и индивидуалистических культурах. Такой анализ на примере США был проведён О.Прохвачевой. С её точки зрения, дружба, как её понимают американцы, не подразумевает близкой душевной связи индивидов и носит утилитарный характер (т.е. речь идёт, по сути дела, о взаимовыгодном обоюдном использовании на приемлемых для обеих сторон началах), хотя и в США подобные отношения строятся на более-менее ярко выраженной взаимной симпатии [Прохвачева 2000]. К.Касьянова показывает на примере многочисленных опросов, что американцы выбирают своих друзей по принципу личной выгоды, при этом избегая любой ответственности и глубоких отношений; недостаток душевной близости компенсируется избыточной демонстрацией наигранной приветливости и открытости («дежурная улыбка»). Друзья должны приносить доход, определённую пользу (продвижение по служебной лестнице, деловое партнёрство, секс), и если это не так, то отношения разрываются.

Русские, в отличие от американцев, выбирают себе друзей не сразу, дружеские отношения строятся годами, но затем могут продлиться всю жизнь. Русские не ищут в своих друзьях способа самовыразиться или конкретной выгоды в денежном или другом эквиваленте, они не маскируют своих эмоций наигранной приветливостью, они не используют друзей в качестве инструментов для достижения личных целей. Более того, дружба

подразумевает в России и определённые обязанности, терпимость к другим мнениям, самоотверженность, обоюдное согласование интересов и целей, умение и желание при необходимости побороть себя, способность отказаться от сиюминутной выгоды ради сохранения прочных отношений. Друзья являются для русских почти членами семьи, а зачастую могут стать даже более близкими, чем настоящие родственники [Касьянова 1994]. К таким же результатам приходят и западные исследователи:

«While for example it is often quoted that the Americans are very open, and have lots of friends, each one for specific purposes, the Russians are said to be far more selective and 'unapproachable', however once a friendship has been made it extends far deeper and is a friendship for every situation» [Dahl 2000a]¹⁴⁹.

Таким образом, понятие *дружба* в американской культуре соответствует, на наш взгляд, скорее русскому понятию *знакомство*.

Хотя подобные сравнительные исследования (по результатам опросов) русских и немцев не проводились, можно предположить, что и немцы, будучи ярко выраженной индивидуалистической культурой, подразумевают под *дружбой* скорее взаимную инструментализацию на обоюдно выгодной основе. Вот что, например, пишут авторы уже упомянутого выше исследования индивидуалистических культур, проведённого в начале 1990-х гг:

«In diesen [individualistischen] Kulturen sind zwischenmenschliche Beziehungen voluntaristischer, nutzenorientierter und unverbindlicher als in anderen Kulturen. Sie sind voluntaristischer, weil sie in der Regel auf einer bewussten und gewollten Entscheidung der beteiligten Individuen beruhen. (...) Eng verbunden mit diesem Voluntarismus ist die Nutzenorientierung zwischenmenschlicher Beziehungen. Die Beziehung muss dem einzelnen etwas bringen, ihn in irgendeiner Weise bereichern. Bezugspersonen werden entsprechend individueller Neigungen und Bedürfnisse ausgewählt. Ändern sich diese, wird die Beziehung aufgegeben und gegebenenfalls durch eine andere ersetzt» [Miegel, Wahl 1993: 58].

Т.е. речь идёт о той же взаимной инструментализации, что и в США. Тем не менее, есть основания полагать, что в ФРГ глубина и прочность дружеских отношений всё же несколько больше, поскольку общий уровень индивидуализации значительно отстаёт от американского. Действительно, в одной из сравнительных грамматик немецкого и английского упоминается, что слово *friendship* зачастую переводится на немецкий как *Bekanntschaft*, т.е. 'знакомство', а не 'дружба' [Kufner 1996: 76]. То же относится и к фр. *ami*: поскольку уровень индивидуализма во Франции выше, чем в Германии (71:67 пунктов согласно Г.Хофстеде), с дружбой там ассоциируются более поверхностные отношения, и потому фр. *ami* приравнивается к нем. *Bekannter*:

«Auch der französische *ami* kann alles sein, was der deutsche *Freund* sein soll. Aber erbraucht es nicht durchaus zu sein, um den Begriff zu erfüllen, den die Franzosen mit dem Ausdruck gewöhnlich verbinden. Er ist meistens nur ein Bekannter, der einem Wohl will. Oder er ist selbst weniger als das: ein Mann, dem wir Gele-

¹⁴⁹ Ср. русские и американцы: [Леонтович 2005: 115]. Русские и англичане: те же результаты: [Гунина 2005].

genheitsdienste erwiesen haben, oder der uns solche erwiesen hat, der gern mit uns plaudert und der nichts Schlechtes hinter uns herreden wird. Leute, die in Frankreich in solcher Beziehung zueinander stehen, nennen sich *amis*. Sie sprechen nicht allein gegenseitig unter diesem Namen voneinander, wenn der eine oder andere nicht dabei ist, sondern sie reden sich, da nach ihrem Gefühl so wenig Pathetisches in dem Namen liegt, auch gewohnheitsmäßig so an. Der Deutsche sagt kaum je zu seinem Freunde 'mein Freund'. Das Wort bedeutet ein zu inniges Verhältnis, um leichthin gebraucht zu werden. Nur in ernsten oder erregten Augenblicken werden wir geneigt sein, unsere zarten Beziehungen zu anderen durch diese Namensnennung einzugestehen, zu betätigen oder zum Hebel eines Appells zu machen» [Schmidt-Rohr 1917].

Ещё одним многообещающим методом этнолингвистики является сопоставление характеристик языков коллективистских и индивидуалистических культур. Рассмотрим этот метод на примере немецкого, английского и японского. В отличие от немцев, японцы стараются избегать любых конфликтов, что ведёт к тому, что говорят они относительно немного, зачастую используют намёки, недосказанность, расплывчатость выражений, многозначность, а общий стиль коммуникации направлен на избежание острых тем, любых открытых споров и противостояний. Поэтому у японцев считается вполне допустимой даже ложь, если она способствует поддержанию хороших отношений с собеседником и, главное, сохранению лица обеих сторон (обычно ложь эта носит скорее ритуальный характер и легко распознаётся как таковая). Этой же цели служат постоянные извинения и как бы случайное коверкание слов, в результате которого смысл высказывания теряется, что позволяет уйти от опасной темы. У Д.Таннен можно найти описание специфического для японской культуры концепта *enryo*, упоминаемого в том же контексте: «...es ist typisch für einen japanischen Sprecher, Sätze unvollendet zu lassen, weil es als aufdringlich gilt, einen Gedanken zu äußern, bevor man weiß, wie er aufgenommen wird. Im Zusammenhang mit diesem Konzept steht *enryo*, die erforderliche Selbstbeherrschung, damit man keine Absichten äußert, die von der offensichtlichen Mehrheitsmeinung abweichen» [Tannen 1995: 99; ср. Туманова 2003].

Как уже упоминалось выше, немцы не избегают конфликтов, и потому стиль их коммуникации относительно прямой, т.е. лишён намёков, аллюзий, недосказанности и т.п. (что свойственно и другим индивидуалистическим культурам). В культурологической литературе по отношению к обществам типа немецкого используется термин *low-context cultures* (обычно совпадают с индивидуалистическими, низкий уровень социализации), а по отношению к обществам типа японского и русского термин *high-context cultures* (обычно коллективистские, высокий уровень социализации) [Gannon 2001: 19]:

«Low context communication is observable in the United States, Germany and Scandinavia. These cultures transmit information in explicit code to make up for a lack of shared meanings. Meanings are determined by 'what' is said, rather than 'how' it is said. Like talking with a computer, if information is not explicit and detailed, meaning is distorted. This mode is used in cultures where backgrounds, meanings and experiences are diverse; they also occur in cultures where individu-

alism is promoted over collectivism. In a low context culture, people primarily rely on spoken words and written communication for gathering information and clues to behavior. These cultures stress clarity, and favor a straight and to-the-point communication style. The strong tendency is to avoid any ambiguity and uncertainty. Linear, logical and rational ways of communication are strongly preferred. Emotions and feelings are downplayed, where objectivity is stressed. (...) High context cultures live in Japan and in most Arab, Southern and Eastern European countries» [Pethő, Heidrich 2005: 91; ср. Gudykunst 1998: 55-56]¹⁵⁰.

Согласно Е.Холлу, дихотомия *high-context cultures vs. low-context cultures* совпадает по своим признакам с (более знакомой лингвистам) дихотомией *restricted code vs. elaborated code* [Lim 2002: 75], ср. *elaborated code*: «It is context-free; it requires no shared assumptions and takes very little for granted. The speaker's intention, therefore, is explicit and verbally elaborate. Speech depends little on extraverbal channels» vs. *restricted code*: «It is context-bound; it requires many shared experiences and takes a great deal for granted. The speaker's intention is implicit and unelaborated, and speech shows high dependency on extraverbal channels» [Lim 2002: 74]¹⁵¹. Поведение, свойственное высококонтекстным культурам, можно встретить и в низкоконтекстных, например в общении старых друзей или в кругу семьи, т.е. там, где установились близкие отношения или же, если говорить о том же явлении на уровне целых народов, более высокий уровень социализации [Andersen et al. 2002: 99]. Поскольку немцы, как и другие индивидуалистические нации, ищут от окружающих в первую очередь личной выгоды и не заинтересованы в установлении близких отношений (а зачастую и не способны к ним), то используемые ими языковые средства не опираются на общий для собеседников контекст за отсутствием такового. Тем не менее, однозначно приравнивать низкоконтекстные культуры к индивидуалистическим не представляется возможным уже потому, что к высококонтекстным культурам относятся и южноевропейские, т.е. индивидуалистические (возможно, потому что индивидуализм выражен там не в столь яркой форме, как у англосаксов).

Русским тоже зачастую приписывают нелюбовь к конфликтам [Колесов 2001: <http://www.auditorium.ru/books/55204/full55204.pdf>; ср. Gudykunst 1998: 178] и расплывчатый стиль коммуникации по сравнению с англичанами [Стефаненк 2004; Треблер 2004: 147]¹⁵² (т.е. индивидуалистами), хотя более высокая социокультурная оценка «правды-матки» не позволяет русским прибегать к столь широкому инвентарю языковых средств для ухода от конфликтных тем, как это принято в Японии. Возможно, именно

¹⁵⁰ Связь с коллективизмом/ индивидуализмом: [Hofstede 2002: 30].

¹⁵¹ Ср. также о непрямом стиле речи, активном применении невербальной коммуникации и интертекстуальности в ограниченном коде: [Gudykunst 1998: 98-99].

¹⁵² Более 60 неопределённых местоимений типа *некто, кое-где* в русском: [Арутюнова 1999: 794, 814-815]. Большая чёткость высказываний в английском из-за артиклей, большего числа времён и т.д.: [Карасик 2001]. Расплывчатость высказываний в русском из-за синтетического строя языка: [Максименко 2001: 175]. Восточноевропейские страны как высококонтекстные культуры, США как низкоконтекстная культура: [Pethő, Heidrich 2005: 91]. Склонность коллективистских культур к расплывчатости выражений: [Gudykunst 1998: 180; Красных 2002: 225-226].

поэтому концепт, подобный *enryo*, в России неизвестен, как и намеренное коверкание слов. Расплывчатость высказываний в русском В. Колесов описывает следующим образом:

«Неопределённость высказывания с большим количеством неопределённых местоимений и различных синтаксических конструкций (например, безличных предложений) в свою очередь повышает степень уклончивости и размытости русской мысли, которая как бы скользит по яркости образа и пугливо сторонится определённости понятия. Сказать до конца ясно – прямо – значит открыться до времени и тем самым обнаружить себя. Изобилие наречных и местоименных форм помогает до времени спрятаться за словом... Это черта своеобразной скромности и смирения, неуверенности в том, что твоя мысль, явленная в слове, может быть кому-то интересна. Очень опасное свойство, не раз затруднявшее русским сформулировать свои надежды и упования» [Колесов 2001: <http://www.auditorium.ru/books/55204/full55202.pdf>].

Следует особо подчеркнуть, что выражение одних и тех же культурем не может стопроцентно совпадать во всех коллективистских культурах и стопроцентно отличаться от выражения культурем индивидуализма. Соотношение типа культуры (фемининность/ маскулинность, коллективизм/ индивидуализм) с его конкретным выражением в разных странах и обществах можно зачастую сопоставить с тем, как соотносятся друг с другом индоевропейский язык и его потомки (санскрит, английский, русский, латынь и т.д.): везде отдельные сходства слов и грамматических форм видны невооружённым глазом, но в большинстве случаев для их обнаружения необходима кропотливая работа специалистов. Так же обстоит дело и в культурологии: поиск универсалий определённого типа культуры не может ограничиваться исследованием их внешних выражений, которые многократно менялись на протяжении столетий, в т.ч. под воздействием других культур. Целью исследователей в данном случае является поиск общей мотивации, общих культурем, благодаря которым носители даже генетически чуждых друг другу языков используют одни и те же коммуникативные стратегии.

В данном случае общей культуремой для японцев и русских является поддержание гармоничных отношений с окружающими. Той же цели служат и чрезвычайно частые минимальные ответы (кивки головой, 'да') японцев во время речи собеседника: если американцы используют подобные языковые средства максимум каждые 5-10 секунд, то японцы – каждые 2-3 секунды [Бухаров 1997: 82]. Данные по немцам и русским отсутствуют, но известно, что активное использование минимальных ответов вообще более свойственно коллективистским культурам [Gudykunst 1998: 183]. Той же мотивацией обусловлено и закреплённое на лингвистическом уровне «самоуничижение» (например, замена местоимения 'я' на редуцирующие статус выражения, а местоимения 'Вы', соответственно, на повышающие статус собеседника выражения), свойственное азиатским культурам [Wierzbicka 2003: 12]. Уже традиционно склонность к «самоуничижению» приписывается и русским [Бацевич 2002; Стеблецова 2004: 92;

Игнатьева 2000: 27; Березович 1999]¹⁵³, причём авторы из индивидуалистических культур предпочитают не замечать ритуального характера подобных оборотов, нисколько не умаляющих достоинства говорящего и даже создающих ему репутацию особо вежливого собеседника.

Что касается того комплекса языковых средств, которые в западной литературе называют *overstatement* (т.е. чрезмерное использование усиливающих высказывание частиц, редупликаций, восклицательных знаков, преувеличенное выражение эмоций путём резких перепадов интонаций и т.п. [Карасик 2002, 2004: 217]¹⁵⁴), то ни японцам, ни англичанам они не свойственны. С другой стороны, активно их употребляют русские [Герминасова 2000: 155; Маслова 2001: 11], американцы [Langenmaur 1997: 334], арабы и немцы [Wierzbicka 2006: 26-30], т.е. народы любого культурного типа. Это позволяет нам сделать вывод, что *overstatement/ understatement* никак не связаны с коллективизмом/ индивидуализмом.

Ещё одной любопытной особенностью японского языка является сравнительно редкое использование личных имён [Lim 2002: 79]. Квантитативные исследования русских и украинских текстов показали, что та же характеристика свойственна и этим языкам по сравнению с английским [Швачко и др. 1977: 45] – очевидно, тем самым меньше акцентируется внимание на личности и больше – на роли коллектива. Можно предположить, что в немецкой устной и письменной речи личные имена встречаются чаще, чем в русской и японской, и примерно так же часто, как в английской (если частота имён действительно напрямую зависит от степени развитости индивидуализма, то в английской чаще, чем в немецкой).

Кроме того, меньший акцент на личных именах предполагает больший акцент на именах собирательных. Действительно, если сравнить русский и немецкий в этом отношении, то даже на примере (мало интегрированных) иностранных слов видно, что русский язык имеет больше средств для выражения общности, ср. рус. *панковъё, панкатура, панкота, панки*, нем. *Punks*, англ. *punks*. Хотя обширных исследований данного вопроса, насколько нам известно, не проводилось, в культурологической литературе можно встретить предположение, что имена собирательные более выражены в языках коллективистских культур [Deutschbein et al. 1928: 43-45]. М.Дойчбайн отмечает, что в немецком имён собирательных действительно больше, чем в английском (очевидно, из-за меньшей выраженности индивидуализма в ФРГ) [Deutschbein et al. 1928: 59]¹⁵⁵. Известно также, что в русском больше *pluralia tantum*, чем в английском [Зеленецкий 2004:

¹⁵³ Самоуничижение, самокритика русских и самохвалство американцев: [Леонтович 2005: 165, 188-189]. «Humiliativtendenzen» в коллективизме: [Kainz 1965: 324]. Опрос: русские, американцы, финны: [Турунен, Харченкова 2000].

¹⁵⁴ Ср. «This is largely what ‘understatement’ as an Anglo speech practice is all about: expressing oneself in such a way that one’s words say less than what one wants to say with these word words. What is seen as important is that people should not overstate – that is, should not exaggerate – rather than they should not understate what they really want to communicate» [Wierzbicka 2006: 28].

¹⁵⁵ В склонности англичан к обычному множественному числу автор видит их нелюбовь ко всему абстрактному, в т.ч. к именам собирательным: [Kainz 1965: 278].

124], собирательные числительные в английском и немецком вообще не встречаются (*двое, трое*), суффиксы для построения собирательных имён в немецком хоть и существуют, но используются нечасто (*Deutschtum, Christenheit, Arbeiterschaft*) – очевидно, носители языка не испытывают в них потребности. В русском (в отличие от английского и немецкого) приемлемы формулировки *мы с другом* в значении *я с другом* и *мы люди скромные* вместо *я человек скромный* («мы-наш-стиль»).

Кроме того, не исключено, что представители индивидуалистических и коллективистских культур вкладывают разный смысл в собирательные существительные:

«Sieht man sich englische Bezeichnungen wie family, crew, government usw. an, so wird deutlich, dass es sich dabei gar nicht um Kollektive handelt, d.h. um Zusammensetzungen von Individuen zu einem Ganzen, sondern um Gruppenbezeichnungen; innerhalb der Gruppe steht dem Einzelnen größere Bewegungsfreiheit als innerhalb eines geschlossenen Organismus oder Systems. Formal hat man es bei diesen englischen Kollektiven mit Gruppensingularen zu tun, die ein Gegenstück zu dem Gruppenplural sind. Bei den englischen Kollektivbegriffen handelt es sich nicht um einheitliche Einheiten, sondern um mannigfaltige. Das Individuum bewahrt innerhalb des Ganzen seine Selbständigkeit und Verantwortung. Dem englischen Wesen ist das Prinzip einer Gemeinschaft konform, die auf freiwilliger Zusammenarbeit beruht und eben dadurch dem Individuellen Rechnung trägt. Innerhalb der Gemeinschaft behält sich der Engländer seine persönliche Freiheit vor. Mit dieser Idee einer Gemeinschaft auf Grundlage freiwilliger Zusammenarbeit hat das englische Volk altes germanisches Erbgut, alte germanische Anschauungen und Wertungen bewahrt» [Kainz 1965: 326].

А.Вежбицкая приписывает японскому следующие характеристики: большое количество частиц, способствующих выражению согласия с говорящим (т.е. равноценных рус. *не так ли?, не правда ли?*), уважительное отношение к собеседнику, уход от конфликтных тем, понижение себя в статусе [Вежбицкая 2001: 126-142, 148-151], чрезвычайно редкое использование прямых приказов и просьб. Она цитирует также Т.Лебру, которая противопоставляла Запад и Японию по следующим параметрам: «individuality, autonomy, equality, rationality, aggression, and self-assertion» vs. «collectivism, interdependence, superordination-subordination, empathy, sentimentality, introspection, and self-denial» [Wierzbicka 2003: 86, 30-31, 72; ср. Lim 2002: 78, 79].

На наш взгляд, все названные Леброй характеристики японцев можно было бы отнести и к русским по сравнению с немцами. Что касается приказов, то они раньше были свойственны и немецкой культуре, но затем под влиянием американизма сменились более мягкими формами (см. выше). Возможно, в данном случае речь идёт об очередном признаке «демократизации», т.е. уменьшении так называемой дистанции от власти (power distance – «the extent to which the less powerful members of institutions and organizations within a country expect and accept that power is distributed un-

equally [G.Hofstede, цит. по: Pethő, Heidrich 2005: 88]»¹⁵⁶). Низкий уровень дистанции от власти способствует применению других средств побуждения к действию:

«The cultural emphasis on personal autonomy, characteristic of modern Anglo societies and reflected in many ways in modern English, is no doubt closely related to the expansion of causative constructions in modern English, as is also the marked emphasis on the need for voluntary cooperation among equals. In a large-scale society, where service encounters have come to occupy a vital role in everyday life and where people are acutely aware of their right to, and need for, personal autonomy, the nuances of causation assume an extraordinary importance» [Wierzbicka 2006: 172-173].

«In democratic societies like Britain or America, other patterns have come to the fore, patterns based on assumption and values of equality, individual autonomy, voluntary cooperation, mutual concessions, and so on. In this cultural climate, the scope for orders and commands is limited, and at the same time there is less room for patronage, begging, imploring, pleading, and appealing to mercy» [Wierzbicka 2006: 135].

Среди таких средств можно назвать конструкции типа *X made Y do smth.*, *X had Y do smth.*, *X had smth. done*, *X got Y to do smth.*, *X talked/ tricked Y into doing smth.* Ни в русском, ни в немецком обилия выражений такого рода, по мнению А.Вежбицкой, не встретишь. Частота приказов связана с высокой дистанцией от власти, что доказано на материале русского¹⁵⁷ и китайского [Wierzbicka 2003: 15]¹⁵⁸ по сравнению с английским.

Таким образом, культурема коллективизма была в данном случае «заглушена» культуремой *power distance*. Возможно, этим же объясняется и сравнительно небольшое количество разделительных вопросов (типа *не так ли?*) в русском по сравнению с английским [Богуславская 2006]. Влиянию параметра *power distance* можно приписать и большую склонность англичан к директивным высказываниям в виде вопросов по сравнению с немцами [Вежбицкая 2001: 168-169]; распространённость в немецком «авторитарного» инфинитива (*Telefonleitungen nicht blockieren!*, *Radio einschalten!*, *Keine heiße Asche einfüllen!*) [Вежбицкая 2001: 192-193], огромное количество разнообразных запретов, зачастую в довольно грубой форме (по сравнению с английским) в ФРГ (*Anlehnen von Fahrrädern nicht*

¹⁵⁶ В русской литературе *power distance* переводят как «дистанция власти», «отношение к авторитету (авторитаризм)», «зона власти», «степень иерархического дистанцирования или дифференциации людей».

¹⁵⁷ Больше приказов и требований в русском в силу коллективизма: [Леонтович 2005: 180]. Больше приказов, более грубые формы по сравнению с английским из-за коллективизма: [Еремеев 2002]. «On average imperative is used in Russian 19 times more often in comparison with English...» [Larina 2005]. Больше императивных форм в славянских языках, в т.ч. в русском, чем в английском; больше *whimperatives*, т.е. *would you*, *could you*, *can you* и т.п. в английском; культурологическое объяснение: «non-imposition based on individual rights» у англосаксов: [Wierzbicka 2003: 30, 77]. Автор связывает смягчённые формы требований и избегание приказов в английском с индивидуализмом: [Deutschbein et al. 1928: 47-48].

¹⁵⁸ Большая дистанция от власти у китайцев: [«China» 2003].

gestattet!, Unterstellen von Gegenständen aller Art nicht gestattet!, Reklameeinfwurf verboten!, Achtung! Privatgrundstück. Zutritt durch nichtberechtigte Personen ist nicht gestattet); распространённость «властных» формулировок (ср. нем. университет: *Hiermit setze ich den Termin, bis zu dem fehlende Leistungsnachweise während des Zwischenprüfungsverfahrens nachgereicht werden können. Professor Dr. X*; англ. университет: *The deadline for submitting students' records is...*) [Вежицкая 2001: 202], более частое употребление повелительного наклонения по сравнению с английским [Вежицкая 2001: 213].

Зачастую приписывается коллективистским культурам и консерватизм, в т.ч. на языковом уровне¹⁵⁹. Действительно, если сравнить японскую систему иероглифов с письмом западных народов, то окажется, что представители самого консервативного из них – англичане, – не реформировавшие свою орфографию столетиями, не поймут текстов на древнеанглийском, в то время как японцы в состоянии читать тексты, написанные тысячи лет назад (правда, в 1946 г. им был навязан новый стиль письма (кана), не обладающий теми же «консервирующими» значение свойствами) [Мечковская 2000: 135-136].

Выше уже упоминалась склонность коллективистов к соблюдению установленных в обществе норм, в т.ч. языковых, что ведёт, очевидно, и к языковому «консерватизму», поскольку каждый отдельный индивидуум не стремится исказить их, чтобы не быть как все. Японцы в данном случае не являются исключением [Langenmaug 1997: 318]. Г.Хофстеде обнаружил также связь между соблюдением правил и культурологическим параметром power-distance: в странах с большой дистанцией от власти «...students did not stress wanting the right to do whatever one wanted to do, not being free to make one's own decisions, not being able to do things in one's own way... The value of Conformity (doing what is socially correct, following regulations closely, doing what is accepted and proper, being a conformist) was positively correlated with PDI [power-distance index]» [Hofstede 2002: 93] (характерно, что сам Хофстеде, будучи представителем индивидуалистической культуры, приравнял соблюдение правил к конформизму, т.е. дал ему негативную оценку).

Очевидно, коллективистские языки не склонны к употреблению политкорректных терминов и прочим проявлениям толерантности к маргинальным группам типа гомосексуалистов, что связано с «the greater rejection of out-groups in diverse collectivist cultures than in diverse individualist cultures», согласно Г.Триандису [Triandis 1995: 50; ср. Ивин 2000: 508, 61]¹⁶⁰. Можно привести и другие объяснения данному феномену (напри-

¹⁵⁹ В коллективистских обществах «Innovativität und Veränderungen sind nicht institutionell vorgesehen»: [Wienges 2003: 13]. Коллективисты консервативны и с подозрением относятся ко всему новому: [Fink et al. 2000: 56; Ивин 2000: 79]. Больше традиционализма в Восточной Европе, чем в Западной: [Gulyanska 1998: 39]. Русский язык консервативнее английского: [Еремеев 2002]. Стремление к инновациям в английском – следствие индивидуализма: [Wildhagen 1929: 314].

¹⁶⁰ Отсутствие толерантности к меньшинствам в коллективистских обществах: [Пугачёв, Соловьёв 2000]. Толерантность как одна из главных индивидуалистических ценностей согласно World Values Survey: [Inglehart, Bake 2002]. Политкорректные выражения как продукт западного культа личности, делающего акцент на правах каждого индивида: [Тер-Минасова 2000: 227].

мер, политкорректность в качестве маски на войне всех против всех в индивидуалистических обществах [Lipovetsky 1995: 96], толерантность как продукт американского конформизма и безразличия к окружающим [Леонтович 2005: 190]), но комментарии к работам культурных критиков не входят в задачи этой работы. В Японии соответствующие списки неологизмов (эвфемизмов для таких понятий, как «глухой», «душевнобольной», «немой», «глупый») были распространены по телестудиям и информационным агентствам американцами [Zimmer 1998: 137]. В России само слово «толерантность» вызывает, согласно опросам, отрицательные эмоции у воспитанного в духе коллективизма старшего поколения и положительные или нейтральные эмоции – у молодёжи и воспитавшей её либеральной интеллигенции [Стернин 2005: 327].

Как и в России, в Японии достаточно мало внимания обращают на соблюдение личной сферы: в японских домах двери зачастую сделаны из бумаги, сказанное в одной комнате слышно во всех других, их обитатели постоянно находятся на виду друг у друга [Kainz 1965: 280]¹⁶¹. Можно было бы предположить, что японцы, подобно русским, не избегают и частых физических контактов во время общения. Однако это не так. Влияние конфуцианства обусловило в азиатских культурах достаточно низкий уровень физического контакта во время вербальной коммуникации, что позволяет отнести их к низкоконтактным культурам (*low-contact cultures*), в то время как славяне относятся к высококонтактным культурам (*high-contact cultures*) [Andersen et al. 2002: 91-92]. К низкоконтактным культурам относятся и англосаксонские¹⁶². В данном пункте, однако, мнения культурологов не однозначны. Например, Л.Корнева называет японцев (как и арабов, итальянцев, французов, испанцев, греков) высококонтактными; североамериканцев, новозеландцев и австралийцев низкоконтактными, а немцев, англичан, австрийцев и швейцарцев – смешанной группой [Корнева 2002; Красных 2002: 219-220]¹⁶³. По сравнению с русскими немцы держат большую дистанцию во время общения [Стернин 2001].

Японский язык уделяет большое внимание статусу собеседника, выражающемуся соответствующими грамматическими формами [Lim 2002: 78]. В этом же контексте можно вспомнить и русские отчества (плюс различие местоимений *ты/ Вы*, отсутствующее в английском). Согласно Г.Триандису, именно индивидуалисты более склонны к эгалитаризму¹⁶⁴ (вспомним упомянутое выше исчезновение уважительных форм обраще-

¹⁶¹ Ср. «Extreme emphasis on owning space is based on individualism. Property ownership distances people, limits sensory stimulation, and regulates access to privacy» [Andersen et al. 2002: 92, ср. 93].

¹⁶² Ср. «In Anglo-Saxon culture non-sexual body contact is heavily restricted, as compared, for example, with Slavic and Mediterranean cultures: people seldom touch one another, hug one another, kiss one another, or seldom even shake hands. They also physically keep at a considerable distance from one another, as compared, for example, with Slavs» [Wierzbicka 2003: 47].

¹⁶³ Ср. *low-context cultures* соблюдают большую дистанцию по сравнению с *high-context cultures*: [Dahl 2000].

¹⁶⁴ «Individualists tend to value equality in social relationships»; «...an important attribute of collectivism is the emphasis on hierarchy» [Triandis 1990: 57, 61].

ния в немецком под влиянием английского), причём американцы считают этот эгалитаризм выражением демократии [Полищук 1999: 31]. Некоторые отечественные авторы тоже неоднократно превозносили англосаксов за лингвистический демократизм, воплотившийся в местоимении *you*, не различающем 'ты' и 'Вы' [Тер-Минасова 2000: 153; ср. Колесов 2001: <http://www.auditorium.ru/books/55194/full55194.pdf>].

Культурологи обычно объясняют эгалитаризм ещё одним измерением кросс-культурного анализа, а именно *power distance*: «English culture is individualistic with low Power distance, while Russian is collectivist with a higher Power distance. In other words the scale of social distance (horizontal relations) is longer in English culture, as the scale of power distance, which reflects the vertical hierarchical relations, on the contrary, is longer in the Russian system than in the English one» [Larina 2005]¹⁶⁵. Разница между большой и малой дистанциями от власти заключается в следующем:

«The first group of countries, such as Australia, Canada, the USA, Great Britain, New Zealand, Israel, Sweden, Switzerland and West Germany, are cultures with low power distance. (...) Religion stresses equality, and power sharing ideologies dominate. Decision-making in the workplace is decentralized; employees seek involvement and have a desire for a participative management style. Consultation and resourceful, democratic managers are valued while limits on privilege and status symbols are emphasized. There is less dependence on a superior, more interdependence. Subordinates will readily approach and contradict their bosses.

Countries like Indonesia, Malaysia, Philippines, Mexico, most Arab countries and India are cultures with high power distance. In these cultures, it is typical that inequalities are expected and desired, parents and children relate in terms of unilateral obedience and respect, teachers 'transfer personal wisdom' and religions stress stratification and hierarchy. In the workplace, subordinates expect to be directed through a hierarchy. The ideal boss is a benevolent autocrat and privileges and status symbols are expected and popular. Subordinates often prefer an autocratic style and employees are reluctant to express disagreement and may fear the boss's autocratic/ paternalistic decision-making style» [Pethő, Heidrich 2005: 88].

Большая дистанция от власти в терминологии Г.Хофстеде соответствует «вертикальному коллективизму» Г.Триандиса¹⁶⁶: «Under the second type, vertical collectivism, values are widely shared by in-group members, but there is an unequal distribution of power and authority. Typically this form of collectivism emphasizes the «headman» style of leadership, both for organizational and political leaders. The headman or national political leader has much greater authority, power, and prestige than others, but he is also responsible for ensuring that the cultural values are upheld and that members of the group are provided for» [Gannon 2001: 98-99].

В ФРГ дистанция от власти составляет, согласно расчётам Г.Хофстеде, 66 пунктов (для сравнения: США – 40, Англия – 35, Канада – 39, Ита-

¹⁶⁵ Ср. «One individual-level factor that mediates the influence of cultural power distance on communication is egalitarianism. Egalitarianism involves viewing others as equals. High egalitarianism predominates in low power distance cultures» [Gudykunst, Lee 2002: 38].

¹⁶⁶ Большая дистанция от власти в России: [Hofstede 2002: 218, 433].

лия – 50, Панама – 95, Филиппины – 94, арабские страны – 80, Израиль – 13, Франция – 68, Австрия – 11, Ирландия – 28, Япония – 54) [Wienges 2003: 144]; для России называются совершенно разные цифры: 35 [Victorova 2005], 95 [Carole et al. 2003: 27], 76 [Svennevig, Isaksson 2006], 93 [Hofstede 2002: 502], 40 [Svennevig, Isaksson 2006] – что, возможно, обусловлено тем, что соответствующие опросы проводились в 1990-х гг., т.е. уже во время радикальной американизации («демократизации»). С осторожностью следует относиться к результатам и по другим странам, поскольку наверняка становление языка проходило много веков назад в культуре с совершенно другими параметрами, и его характеристики не отражают в достаточной мере социокультурные трансформации последних лет. Поэтому для чистоты эксперимента наиболее подходят для сравнения языки стран, не претерпевших значительного влияния других культур, т.е. достаточно изолированных или сумевших сохранить свою самобытность. Особенно характерен в этом отношении пример Филиппин: очень высокая дистанция от власти коррелирует с 8 степенями грамматического выражения статуса в языке филиппинцев тагалог [Triandis 1990: 56]¹⁶⁷.

Ни Германия, ни Россия, ни Япония не могут считаться в этом отношении чистыми от влияний. Хуже того, серия международных опросов в рамках проекта *World Values Survey* показала, что «...there is a general trend in value change that seems to be at least two-fold, from scarcity or survival values to self-expression values, and from traditional values to rational-secular values» [Díez-Nicolás 2002; ср. Möhnwald, Ölschleger 1996: 124] (всего опросы проводились в 81 стране, где проживает 80% населения Земли, участие принимали 113.000 человек), т.е., по сути, речь идёт о глобальной американизации и распространении ценностей индивидуализма. Поэтому возможностей для выведения максим коллективистских и индивидуалистических культур, в т.ч. на языковом уровне, с каждым годом становится всё меньше из-за перехода практически всего человечества на западные ценности американского образца.

Тот факт, что якобы в конце 1980-х гг. 70% населения Земли были коллективистами (по утверждению Г.Триандиса) [Triandis 1990: 48], в этом отношении несколько не обнадеживает, т.к. опыт последних лет продемонстрировал, что индивидуализация целых народов обычно занимает считанные годы (например, в бывшей ГДР этот процесс длился, согласно результатам опросов, всего 5-6 лет¹⁶⁸).

Кроме того, под влиянием западных культур гибнут и сами языки. Например, после превращения англичанами Австралии в самую большую

¹⁶⁷ Ср. семь уровней вежливости в корейском языке, Корея тоже является коллективистской культурой: [Мечковская 2000: 60-61].

¹⁶⁸ «Die Einstellung der ostdeutschen Bevölkerung zur Familie, zur Arbeit, zur Kindererziehung [am Anfang der 1990er] ähnelte auffallend den Antworten der westdeutschen Bevölkerung aus den 50er Jahren. Eine Generationsklüft war nicht erkennbar. (...) Mitte der 90er Jahre hatte die ostdeutsche Bevölkerung den Wertewandel weitgehend nachgeholt» [«Der Wert der Freiheit. Ergebnisse einer Grundlagenstudie zum Freiheitsverständnis der Deutschen. Oktober/November 2003» 2003].

тюрьму в мире и геноцида местного населения полностью исчезли 375 языков [Радчук 2002]; во время колонизации Америки было уничтожено 175 языков (примерно столько же осталось, но в 1990-х гг. только 20 из них передавались детям, а ещё 155 вымирали) [Crawford 1998]. Всего же к концу XXI в. ожидается исчезновение 5500 из 6000 существующих языков. Характерна реакция англосаксов на критику лингвистов и культурологов: например, в статье «Пусть языки покоятся в мире» (*San Francisco Chronicle*, 2000) автор заканчивает дискуссию данного вопроса фразой: «So what if half the world's languages are on the verge of extinction? Let them rest in peace» [Malik 2000], а на интернет-странице Британского Совета (организации, распространяющей английский язык во всём мире) критики его деятельности называются (вернее, обзываются) марксистами [Taylor 2006].

Ещё одним важным измерением кросс-культурного анализа является маскулинность. Можно было бы предположить, что стиль речи в маскулинных странах должен примерно соответствовать особенностям мужского гендерлекта по сравнению с женским гендерлектом (стилем речи в фемининных странах), но на примере Японии всё выглядит в точности наоборот. Хотя Япония считается самой маскулинной страной из всех изученных – 95 пунктов по шкале Г.Хофстеде (для сравнения: ФРГ – 66, США – 62, Англия – 66, Италия – 70, Индия – 58, Австрия – 79, Норвегия – 8, Франция – 43, Израиль – 47) [Wienges 2003: 144], – японцы часто признаются, что по сравнению с американцами они расценивают свой стиль речи как слишком женственный [Земская и др. 1993: 102]. Более того, в то время как на (преимущественно маскулинном) Западе женщин веками в прямом смысле не считали людьми, а католическая церковь даже отказывала им в существовании души¹⁶⁹, в Японии такой андроцентрики не наблюдалось, и, соответственно, японки могут быть «an ideal woman and an ideal human being at once, without paradox», а на Западе даже сегодня «one cannot be a good woman ... and a good human being ... at once» [Lakoff 1979: 76]¹⁷⁰. Реальная власть в японской семье тоже находится обычно у женщин [Kim 1995: 38]. С другой стороны, в фемининной русской культуре лишь 32% опрошенных подростков считают матерей главой семьи, а в такой же

¹⁶⁹ Об отношении к женщинам на Западе: «Students of style in general, and linguistic behavior more specifically, have tended to talk in terms of women's behavior, women's style – as opposed to a more general notion, people's style. Women have always been classified as the other, the not-quite-human, whether by medieval theologians who claimed women had no souls, or by more modern psychologists... who would claim that a 'healthy woman' and a 'healthy man' are characterologically very different things: a 'healthy man' is identified with a 'healthy human being' or 'healthy person', while a 'healthy woman' is not. (...) We have several prejudices to overcome here: that women's special manifestations are further from the norm; and that anything nonnormal and hence nonmasculine is worse, weaker, or degenerate» [Lakoff 1979: 67-68].

¹⁷⁰ Ср. о России: «При этом концепт “женское” вовсе не считается “худшим” или “менее важным”, скорее наоборот: ассоциации, входящие в его коннотативное поле, в большинстве своём – положительные, в отличие от многих западноевропейских культур, что также можно считать проявлением фемининности русской культуры и русского менталитета» [Бурукина 2000: 87].

фемининной украинской ту же точку зрения разделяют 62% (1990-е гг.) [Додонов 1998]. Это показывает, что сама культурологическая основа дихотомии маскулинность/ фемининность требует пересмотра, и какие-либо выводы о её языковом выражении делать преждевременно.

Как упоминалось выше, Германия также относится к маскулинным культурам, причём даже в более выраженной форме, чем США. Например, авторы программы «перевоспитания» немцев после 1945 г. исходили из того, что мужественность является одним из главных принципов немецкого воспитания [von Schrenck-Notzing 1996: 141]. Проведённый В.Зусманом контекстный анализ слова *deutsch* на материале электронной библиотеки немецкой литературы *Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka / Ausgewählt von Mathias Bertram. 2., verbesserte Ausgabe. Directmedia, Berlin 1998. Digitale Bibliothek, Band 1* (XVIII-XX вв.) показал, что наиболее часто это слово ассоциировалось с *genau, gründlich, ernst, brav, treu, offen, ordnungsgemäß, sich aus sich selbst herausbildend, einfach, rein, anspruchslos, groß, schlicht, streng, rein, gelehrt, tief, sentimental, Despotie, grob, gehorsam, die Sprache des Befehlens*, т.е., в большинстве своём, с достаточно «мужественными» характеристиками [Зусман 1997: 187-188].

Тот факт, что как раз японцы, будучи представителями самой маскулинной культуры в мире, расценивают свой коммуникационный стиль как слишком «женственный» по сравнению с американским, может свидетельствовать и о том, что речь в данном случае идёт о выражении другого измерения кросс-культурного анализа, а именно *power distance*. В связи с этим можно вспомнить некоторые исследования, доказавшие, что особенности женского гендерлекта во многом совпадают с особенностями речи людей с низким статусом (*powerless language*) [ср. Земская и др. 1993: 92; Myers 2002: 183-184]. Например, наблюдение за разговорами в одном полицейском участке в Коннектикуте (F.Crosby, L.Nyquist, 1977 г.) показало, что задержанные говорят значительно «женственней» полицейских [Postl 1991: 58]. В.О'Барр и Б.Аткинс прослушали 150 часов записей судебных разбирательств в Северной Каролине и пришли к выводу, что их участники с низким статусом (в первую очередь, обвиняемые) использовали независимо от пола следующие типичные приёмы женского гендерлекта: очень вежливые формулировки и конструкции (*would you please..., I'd really appreciate it if...*), разделительные вопросы (*..., don't you?*), различные языковые средства, смягчающие высказывание (*sort of, kind of, I guess*), частое эмоциональное использование *so* и *very*, гиперкорректную грамматику и произношение, восходящую интонацию в конце повествовательных предложений, «пустые» прилагательные (*divine, charming, sweet, adorable*), эмоциональную интонацию и т.д. [Coates 1986: 112-114]. Действительно, дистанция от власти в Японии больше, чем в США (54 против 40 пунктов согласно Г.Хофстеде), что, возможно, порождает и более «женственный» стиль коммуникации.

Примерно те же языковые средства используют и русские по сравнению с англичанами/ американцами, что опять же совпадает с различиями в дистанции от власти. Американский английский отличается несколько большей «фемининностью» по сравнению с британским (эмоциональ-

ность, клише, преувеличения, меньшая роль регионализмов [Леонтович 2005: 182, 184-185, 275-276]¹⁷¹; употребление вопросительных интонаций в повествовательных предложениях [Потапов 2000], *overstatement* [Langenmaug 1997: 334; Wierzbicka 2006: 29]), что и в этом случае совпадает с несколько большей дистанцией от власти у американцев (35 против 40 пунктов). Выше уже упоминалась и большая фемининность американского английского по сравнению с немецким языком; дистанция от власти та же, что и в случае с британцами (35 пунктов у немцев и 40 у американцев).

Опросы российских студентов, проведённые проф. И.Стерниным, показали, что немецкий язык воспринимается ими как достаточно «мужественный»: самыми частыми характеристиками были «резкий», «грубый», «немелодичный», «лающий», «командный» [Стернин 2002]. Хотя для России называются самые разные цифры по шкале *power distance* (см. выше), обычно речь идёт о значительно большей дистанции от власти, чем в Германии. Таким образом, пока все рассмотренные примеры подтвердили гипотезу о связи *powerless language* с *power distance*, однако общий их объём слишком мал, чтобы делать какие-то выводы.

Напоследок нельзя не отметить тот факт, что в последние годы коллективистская сущность современного японского общества всё чаще ставится под сомнение: очевидно, под влиянием англо-американской культуры Япония переняла и свойственную Западу систему ценностей, что в первую очередь сказалось на прагматике:

«Russians and Koreans had more collectivist scores with family and close friends than did the Japanese. Even Americans had more collectivistic scores with family than did the Japanese. While there were no differences for colleagues, the Japanese, in turn, had higher scores with strangers than did Koreans, Americans, and Russians. Higher scores with strangers are indicative of more individualistic tendencies, as self-out group relationships in individualistic cultures are less distancing than in collectivistic cultures. Thus, this result is consistent with the results for family and close friends. (...) The results for all emotions for family and friends were essentially the same as those reported above: Russians had higher scores than Japanese and Koreans who, in turn, had higher scores than Americans. Russians continued to have higher scores than all three other countries for all emotions with colleagues; there were, however, considerably fewer differences between the remaining three countries. For strangers, Americans tended to have higher scores than Russians on anger, contempt, and disgust, and lower scores than all three countries on happiness. (...) ...females exerted more control than males on anger, contempt, and disgust, while males exerted more control than females on fear and surprise... (...) That the Japanese were the least collectivistic, especially compared to Americans, flies in the face of stereotypes of the Japanese culture. This finding is not, however, inconsistent with changes that have occurred in Japanese culture over the past 20 years, and commented on by writers both inside and outside of Japan» [Matsumoto et al. 1998: 154-155, 161].

Число индивидуалистов в японском обществе превысило число коллективистов ещё в 1960-х гг. и достигло в 1990-х 70% населения [Möhnwald, Ölschleger 1996: 125]. На сегодня японцы индивидуалистичней боль-

¹⁷¹ Ср. эмоциональность, преувеличения; диалекты: [Kainz 1965: 123, 126].

шинства других азиатских народов, но не достигли уровня индивидуализма англосаксонских стран [Gannon 2001: 134; ср. Hofstede 2002: 237]. Г.Хофстеде полагает, что Япония балансирует на грани между коллективизмом и индивидуализмом [Hofstede 2002: 228]. Тот факт, что японский язык и сейчас обладает многими характеристиками других языков коллективистских культур, в т.ч. русского, показывает, что признаки запечатлённого в нём типа культуры не меняются так быстро на противоположные из-за перехода от коллективизма к индивидуализму. То же, вероятно, относится и к русскому языку, но не к немецкому, который был и остаётся языком культуры с преобладанием индивидуалистических ценностей.

Таким образом, сопоставительный анализ языков различных культур

а) позволяет очертить круг вопросов, требующих дальнейшего исследования: напр., встречаются ли в немецких текстах личные имена чаще, чем в японских и русских, по аналогии с английским; действительно ли японцы при общении соблюдают ещё большую дистанцию, чем представители индивидуалистических культур; действительно ли особенности языков фемининных культур совпадают с особенностями женского гендерлекта; можно ли вообще всерьёз говорить о существовании дихотомии фемининность/ маскулинность; как долго сохраняет язык индивидуализированной культуры черты коллективизма,

б) найти общие языковые характеристики определённого типа культуры (коллективизм: непрямой стиль высказывания, избегание конфликтов, сильная привязанность к контексту, соблюдение языковых норм, консерватизм, отсутствие политкорректных выражений, подчёркивающие статус и уважение к собеседнику обращения),

с) отграничить признаки коллективизма от признаков других культурологических измерений (приказы и разделительные вопросы как проявление большой дистанции от власти, а не коллективизма),

д) отграничить признаки коллективизма от языковых характеристик, которые, возможно, вообще не объясняются в рамках этнолингвистики и культурологии (*overstatement/ understatement*).

***

Таким образом, большинство характеристик английского языка, которые интерпретируются этнолингвистами как выражение различных черт национального характера англичан и американцев, на самом деле относятся к стандартным признакам аналитизма, т.е. вполне объяснимы чисто лингвистическими факторами. Тот факт, что за последние десятилетия эти характеристики начали переходить и в немецкий (увеличение частоты глаголов *tun, machen, haben*; появление многочисленных звукоподражаний и т.д.), свидетельствует об ускорении аналитизации немецкого языка под влиянием английского.

В отдельных случаях немецкий язык отразил в себе процесс индивидуализации, характерный для всего западного общества: усиление диалектов, отказ от пословиц, расшатывание языковых норм, увеличение синонимических рядов, относящихся к основным ценностям индивидуализма в его современном виде (гедонизм, культ успеха и потребительства, инстру-

ментализация окружающих и т.д.), монологизация (т.е. всё большая концентрация в речи на самом себе и самовыражении), «коммерческая вежливость», политкорректность, диверсификация идиолектов и стилей, «демократизация» и «либерализация» речи (т.е. распространение обценной лексики, просторечных выражений в СМИ, реабилитация молодёжного сленга и различного рода жаргонов), переход к дескриптивной лингвистике, распространение оригинальных (иностраных) имён и т.д.

Процессы, наблюдаемые после 1991 г. в русском языке, практически стопроцентно соответствуют тенденциям развития немецкого языка в ФРГ после 1945 г., что свидетельствует о распространении идеологии индивидуализма и сильном влиянии английского. Природа индивидуализации в России и Германии значительно отличается: если в Германии её причиной стало благосостояние, подкрепленное соответствующей культурной политикой, то в постсоветской России никакого фундамента для укрепления индивидуализма не было, и поддерживается он, очевидно, исключительно искусственными методами, схожими с методами «перевоспитания» в послевоенной ФРГ.

В значительной мере этнолингвистические исследования затрудняются неразработанностью их культурологической основы, включая столь фундаментальные вопросы, как типология культур. Если в отношении ФРГ соответствующие опросы проводятся уже несколько десятилетий (а именно опросы можно считать наиболее надёжной эмпирической базой для последующей культурологической классификации стран и обществ) и особых разночтений в их результатах не наблюдается, то Россия остаётся с точки зрения культурологии практически не исследованной, и, что наиболее удивительно, даже проведение опросов по стандартизированному и в мельчайших деталях описанному методу Г.Хофстеде приводит зачастую к противоположным результатам (как в описанном выше случае с *power distance*). Не исключено, что объясняется это процессами трансформации системы ценностей в 1990-е гг. Сравнения с СССР, к сожалению, в данном случае невозможны, т.к. «...value theory was regarded with utmost skepticism in Soviet sociology and moral philosophy. (...) It failed to understand the social nature (read: class nature) of values and was alien to Marxism-Leninism» [Tyldum, Kolstø 2004: 30]. Соответственно, социологических исследований проводилось немного. Вспомогательным средством могут выступать в данном случае кросс-культурные исследования с задействованием этнолингвистики, как это было показано выше на примере японского. Именно так можно найти недостающие звенья в культурологической теории (т.е. узнать, что вообще следует искать, чтобы подтвердить, что данная культура является коллективистской), разграничить различные плоскости этнолингвистического анализа (коллективизм/ индивидуализм и фемининность/ маскулинность и т.п.) и отделить факторы культурологические (обусловленные действием присущих данному культурному типу максимум коммуникации) от чисто лингвистических.

Приложение 1.

Коллективизм и индивидуализм в сравнении	
Коллективизм	Индивидуализм
Согласно Н.Triandis [Triandis 1995: 47-48]	
Allocentrics (коллективисты)	Idiocentrics (индивидуалисты)
<i>Cut the pie of experience by focusing on: Groups as the basic unit of social perception</i>	<i>Individuals as the basic unit of social perception</i>
<i>Attributions:</i> Others' behaviors explained as reflecting norms Success attributed to help from others Failure attributed to lack of effort	Other's behaviors explained by reference to personality traits, attitudes Success attributed to own ability Failure attributed to external factors (e.g. task difficult, bad luck)
<i>Self</i> – defined in terms of in-groups, relationships Know more about others than about self Self is more similar to friends than friends to self Have few self-linked memories Achievement for the group's sake, cooperation, endurance, order, self-control Experience little cognitive dissonance	Self – defined as an independent entity Know more about self than about others Self is less similar to friends than friends to self Have many self-linked memories Achievement for self-glory, competition, exhibition, power Experience much cognitive dissonance
<i>Goals:</i> In-group goals have primacy or overlap personal goals	Personal goals have primacy over in-group goals
<i>Emotion:</i> Other-focused (empathy), short duration Like those who are modest	Self-focused (anger), long duration Like those who are self-assured
<i>Cognitions:</i> What makes me the same as my group Needs of in-group Cognitions are context-dependent	What makes me different, distinguished My needs, rights, capacity (obligations, contracts) Cognitions are context-independent
<i>Attitudes:</i> Favor beliefs that reflect interdependence	Favor beliefs that reflect independence, emotional detachment from in-groups
<i>Norms:</i> Favor embeddedness in in-groups	Favor independence from in-groups
<i>Values:</i> Security, obedience, duty, in-group harmony, hierarchy, personalized relationships	Pleasure, achievement, competition, freedom, autonomy, fair exchange
<i>Major calamity:</i> ostracism	Dependence on others
<i>In-groups:</i> Few, but relationship to them is close, with much concern for their integrity In-group perceived as more homogenous than out-groups Harmony required. In-group influences many behaviors, and influence is deep Defined by similarity in ascribed attributes (e.g., kinship, caste, race, village, tribe)	Many, relationships are casual, little emotional involvement; less willingness to self-sacrifice for the in-group In-group perceived as more heterogeneous than out-groups Debate, confrontation are acceptable Defined by similarity in achieved attributes (e.g., beliefs, occupation)
<i>Accepted structure:</i> Hierarchical, vertical relations more important than horizontal	Egalitarian, horizontal relations more important than vertical

<p><i>Social behavior:</i> Very different when the other person belongs to an in-group versus an out-group Difficult to get to be friendly, but relationships are intimate after they are established Cooperation with in-group members; communal exchanges</p> <p>Mutual face saving Regulated by in-group norms</p> <p>Interdependent (e.g., communal bathing) Select mates who will maximize family integrity</p>	<p>Only somewhat different when the other person is an in-group versus an out-group member Easy entry and exit from groups, but relationships are mostly nonintimate</p> <p>People appear very sociable but relationships are superficial and depend on social exchanges and contracts Personal face saving Regulated by attitudes, cost-benefit computations, and generalized public norms Independent (e.g., privacy) Select mates who are physically attractive and have «exciting» personalities</p>
Согласно G.Hofstede [Цит. по: Schwartz 1995: 87]	
Femininity: «a preference for relationships, modesty, caring for the weak, and the quality of life»	Masculinity: «a preference for achievement, heroism, assertiveness, and material success»
Collectivism: «a preference for a tightly knit social framework in which individuals can expect their relatives, clan or other in-groups to look after them, in exchange for unquestioning loyalty»	Individualism: «a preference for a loosely knit social framework in society in which individuals are supposed to take care of themselves and their immediate families only»
Согласно Sh.Schwartz [Schwartz 1995: 95, 102-105]	
<i>Conservatism:</i> «...the person is viewed as a part of the social fabric whose significance derives from his or her participation in and identification with the group in carrying on its shared way of life. This view finds expression in values favouring propriety and harmony in interpersonal and person-to-group relations (e.g., moderate, social order, security, reciprocation of favors)»	<i>Autonomy:</i> «This view is expressed in values favoring autonomy of individual thought, feeling, and action (e.g., curiosity, creativity, varied life). (...) Because this is a bipolar dimension, values whose pursuit is likely to disturb propriety and harmony (e.g., excitement, adventure, enjoying life) will be opposed to conservatism values and express autonomy»
<i>Harmony:</i> world of beauty, protecting environment, unity with nature	<i>Mastery:</i> successful, ambitious, capable, independent, daring, choosing own goals
Согласно D.Yau-Fai Ho и C.-Y.Chiu [Yau-Fai Ho, Chiu 1995: 139-141]	
<p><i>Values:</i></p> <p>1. Value of the Individual/ Group The supremacy of the group or collective; the principle that the value or survival of the collective takes precedence over that of the individual.</p> <p>2. Human development Collective development and actualization.</p> <p>3. Individuality/ Uniformity Uniformity, conformity to an ideal, and model emulation.</p> <p>4. Identity Collective identity, defined by group membership.</p>	<p>The intrinsic worth of the individual; the ultimate moral principle of the supreme and intrinsic value of the individual human being.</p> <p>Self-realization or self-actualization; each person develops to his or her fullest potential; individual self-development and self-cultivation.</p> <p>Individuation, individuality, and uniqueness of the individual.</p> <p>Individual identity, defined by personal attributes; self-identity defined by self-concept.</p>

<p><i>Autonomy/ Conformity:</i> 5. Self-Direction/ Conformity Conformity to societal or group norms, compliance, and harmony.</p> <p>6. Right to privacy One's business is also the business of the group; friends should be concerned with each other's personal matters. The notion that the collective is able and entitled to know, even regulate, what individuals do and think in private: or that what individuals do and think in private may be subject to public scrutiny.</p> <p>7. Personal privacy Personal matters may be made public. Public sympathy solicited; public invited to «uphold justice».</p> <p>8. Affiliation Prefers the company of others.</p>	<p>Self-assertion or autonomy; individual makes independent judgements and decisions; nonconformity, assertion, and conflict.</p> <p>People should mind their own business; privacy should be respected. The notion of a private existence within a public world, within which the individual is free from interference to do and think whatever he or she chooses.</p> <p>Keep personal matters private.</p> <p>Prefers to be alone; values solitude.</p>
<p><i>Responsibility:</i> 9. Ethical-legal responsibility Collective responsibility: Others with whom the individual is associated are also held responsible. Perhaps the entire group is held responsible for the actions of its individual members.</p> <p>10. Consequences of one's own actions The whole group; others with whom the actor is associated are affected.</p>	<p>Individual responsibility: The individual alone is held morally and/ or legally responsible for what he or she does.</p> <p>The individual actor alone is affected.</p>
<p><i>Achievement:</i> 11. Individual/ group efforts Do things together. Collective efforts are superior.</p> <p>12. Competition/ Cooperation «Unity is strength» Cooperation is the best way to achieve goals. Achievement through conformity.</p>	<p>Do things by oneself; single-handed efforts. Emphasis on individual initiative; achievement through independence.</p> <p>Attainment of excellence and/ or achieving goals through competition.</p>
<p><i>Self-reliance/ interdependence:</i> 13. Self-reliance/ interdependence Interdependence and mutual help. Each individual's well-being depends upon the well-being of the group; the group assumes responsibility for the well-being of each of its members.</p> <p>14. Individual/ Group interests Fulfilment of obligations. Collective goals take precedence. Actions are guided by consideration of group interests.</p> <p>15. Security To be found in the group's solidarity and integrity.</p>	<p>Self-reliance; individual responsibility for well-being.</p> <p>Fulfilment of individual needs and interests. Actions are guided by self-interest. (Does not necessarily imply selfishness or disregard for or violation of the interest of others.)</p> <p>To be sought in the individual's strength.</p>

16. Economic individualism/ collectivism Public or communal ownership; sharing of wealth; egalitarianism.	Private ownership of property; individuals' wealth not shared. Reward depends on individual performance.
17. Political individualism/ collectivism Political system meant primarily to preserve the collective, be it the state or the political party. Individual rights secondary to collective prerogatives.	Private system meant to satisfy individual needs. Political control over individual circumscribed. Individual rights protected by law.
18. Religious individualism/ collectivism Participation in group worship. Personal salvation linked to the salvation of others. Membership in a religious institution is essential.	Religious beliefs and salvation are highly personal; the individual needs no intermediaries. Emphasis is on the individual's personal relationship with the divine.

ЛИТЕРАТУРА

- Adler 1977 – *Adler M.* Pidgins, Creoles and Lingua Francas. A Sociolinguistic Study. Hamburg, 1977.
- Adler 2004 – *Adler M.* Form und Häufigkeit der Verwendung von Anglizismen in deutschen und schwedischen Massenmedien, 2. Aufl. Diss. Jena, 2004.
- Andersen et al. 2002 – *Andersen P. et al.* Nonverbal communication across cultures // W.Gudykunst, B.Mody (eds.). Handbook of International and Intercultural Communication, 2nd ed. Thousand Oaks, 2002.
- Angst 1998 – *Angst P.* (ed.). Interview mit der Menschheit. Basel, 1998.
- Bär 2001 – *Bär J.* Deutsch im Jahr 2000 // G.Kniffka, E.Spänkuch (Hrsg.). Neueste Tendenzen der deutschen Gegenwartssprache: Überblick. Hagen, 2001.
- Bartholmes 1964 – *Bartholmes H.* 'Volk' als Bestimmungswort in Zusammensetzungen im Sprachgebrauch der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands // H.Moser (Hrsg.). Das Aueler Protokoll. Deutsche Sprache im Spannungsfeld zwischen West und Ost, Bd. 1. Düsseldorf, 1964.
- Baschera 2004 – *Baschera M.* Wie viel Englisch erträgt die mehrsprachige Schweiz // S.Moraldo, M.Soffritti (Hrsg.). Deutsch aktuell. Einführung in die Tendenzen der deutschen Gegenwartssprache. Roma, 2004.
- Bellah 1985 – *Bellah R.* Habits of the Heart. Individualism and Commitment in American Life. Berkley, 1985.
- Bergsdorf 1978 – *Bergsdorf W.* Politik und Sprache. München, 1978.
- Bergsdorf 1979 – *Bergsdorf W.* Die Sprache der Diktatur und ihre Wörter // W.Bergsdorf (Hrsg.). Wörter als Waffen. Sprache als Mittel der Politik. Stuttgart, 1979.
- Berlitz 1982 – *Berlitz C.* Die wunderbare Welt der Sprachen. München, 1982.
- Blakkisrud 2004 – *Blakkisrud H.* Russian regionalism redefined? Nation-building, values, and federal discourse // P.Kolstø, H.Blakkisrud (eds.). Nation-building and Common Values in Russia. Lanham, 2004.
- Bond 1995 – *Bond M.* Into the heart of collectivism: a personal and scientific journey // U.Kim et al. (eds.). Individualism and Collectivism. Theory, Method, and Applications. Thousand Oaks, 1995.
- Bork 1970 – *Bork S.* Missbrauch der Sprache. Bern, 1970.

- Braun 1998 – *Braun P.* Tendenzen in der deutschen Gegenwartssprache: Sprachvarietäten, 4. Aufl. Stuttgart, 1998.
- Braun 2001 – *Braun P.* Tendenzen in der deutschen Gegenwartssprache. Sprachvarietäten // G.Kniffka, E.Spänkuch (Hrsg.). Neueste Tendenzen der deutschen Gegenwartssprache: Überblick. Hagen, 2001.
- Brockhaus 1997 – Brockhaus. Die Enzyklopädie: in 24 Bänden, 20. Aufl. Mannheim, Leipzig, 1997.
- Brown 1996 – *Brown P.* Authentic individualism. Lanham, 1996.
- Carole 2003 – *Carole M.* Economic growth, innovation, cultural diversity. What are we all talking about? A critical survey of the state-of-the-art. Fondazione Eni Enrico Mattei, <http://www.feem.it/NR/rdonlyres/C5ACFACA-2117-4700-8C94-3ABFA6F9A3D1/690/1203.pdf>
- Carstensen 1965 – *Carstensen B.* Englische Einflüsse auf die deutsche Sprache nach 1945. Heidelberg, 1965.
- Carstensen, Galinsky 1975 – *Carstensen B. Galinsky H.* Amerikanismen der deutschen Gegenwartssprache, 3. Aufl. Heidelberg, 1975.
- «China» 2003 – China. Интернет-страница проф. Геерта Хофстеде, 2003, http://www.geert-hofstede.com/hofstede_china.shtml
- Coates 1986 – *Coates J.* Women, Men and Language. A Sociolinguistic Account of Sex Differences in Language. London, 1986.
- Cobber 2004 – *Cobber G.* Überlegungen zur Kasus-Markierung im heutigen Deutsch // S.Moraldo, M.Soffritti (Hrsg.). Deutsch aktuell. Einführung in die Tendenzen der deutschen Gegenwartssprache. Roma, 2004.
- Crawford 1998 – *Crawford J.* Anatomy of the English-only movement // D.Kibbee (ed.). Language Legislation and Linguistic Rights. Amsterdam, 1998.
- Dahl 2000a – *Dahl S.* Communications and culture transformation. Cultural diversity, globalization and cultural convergence. A project presented at the European University, 11.11.2000, Barcelona, <http://www.stephweb.com/capstone/capstone.pdf>
- Dahl 2000b – *Dahl S.* Intercultural Skills for Business. London, 2000.
- Das große GLB-Lexikon 1966 – Das große GLB-Lexikon. München, 1966.
- Debus 1999 – *Debus F.* Entwicklungen der deutschen Sprache in der Gegenwart – und in der Zukunft? Stuttgart, 1999.
- «Der Wert der Freiheit. Ergebnisse einer Grundlagenstudie zum Freiheitsverständnis der Deutschen. Oktober/November 2003» 2003 – Der Wert der Freiheit. Ergebnisse einer Grundlagenstudie zum Freiheitsverständnis der Deutschen. Oktober/ November 2003. Institut für Demoskopie Allensbach, http://www.ifd-allensbach.de/pdf/akt_0406.pdf
- Deutschbein et al. 1928 – *Deutschbein M. et al.* Handbuch der Englandkunde. Frankfurt am Main, 1928.
- Diez-Nicolás 2002 – *Diez-Nicolás J.* Two contradictory hypotheses on globalization: societal convergence or civilization differentiation and clash. Интернет-страница проекта World Values Survey. Michigan: Institute for Social Research, University of Michigan, 09.12.2002, http://www.worldvaluessurvey.com/Upload/5_Juan.pdf

- Dion, Dion 1996 – *Dion K., Dion K.* Cultural perspectives on romantic love // *Personal Relationships*, 3 (1996).
- Dittrich 1917 – *Dittrich O.* Individualismus, Universalismus, Personalismus. Berlin, 1917.
- Dobbins et al. 2003 – *Dobbins J. et al.* America's role in nation-building: from Germany to Iraq. Интернет-страница Rand Corporation, 2003, http://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR1753/MR1753.ch9.pdf
- Drosdowski 1980 – *Drosdowski G.* Tendenzen der deutschen Gegenwartssprache // H.P.Althaus et al. (Hrsg.). *Lexikon der Germanistischen Linguistik*, Bd. 3, 2. Aufl. Tübingen, 1980.
- Dumont 1991 – *Dumont L.* Individualismus. Zur Ideologie der Moderne. Frankfurt, 1991.
- Eckert, Sternin 2004 – *Eckert H., Sternin I.* Die russische Sprache im Umbruch. Lexikalische und funktionale Veränderungen im Russischen an der Schwelle des 21. Jahrhunderts. *Studien zu Slavistik*, Bd. 11. Hamburg, 2004.
- Ehmann 2001 – *Ehmann H.* Jugendsprache und Dialekt: Regionalismen im Sprachgebrauch von Jugendlichen // G.Kniffka, E.Spänkuch (Hrsg.). *Neueste Tendenzen der deutschen Gegenwartssprache: Überblick*. Hagen, 2001.
- Eichhoff-Cyrus 2004 – *Eichhoff-Cyrus K.* Feminismus – eine gesellschaftspolitische Bewegung verändert die deutsche Sprache // S.Moraldo, M.Soffritti (Hrsg.). *Deutsch aktuell. Einführung in die Tendenzen der deutschen Gegenwartssprache*. Rom, 2004.
- Ermarth 2005 – *Ermarth M.* Counter-Americanism and critical currents in West German reconstruction // A.Stephan (eds.). *Americanization and Anti-Americanism: The German Encounter with American Culture after 1945*. New York, 2005.
- Falger 2001 – *Falger A.* Macht und Machtlosigkeit – Frauensprache in der Männerwelt. Stuttgart, 2001.
- Fink et al. 2000 – *Fink H. et al.* Angloamerikanisches in der russischen Gesellschaft sowie Wirtschafts- und Allgemeinsprache. Frankfurt am Main, 2000.
- Fink, Fijas, Schons 1997 – *Fink H., Fijas L., Schons D.* Anglizismen in der Sprache der Neuen Bundesländer. *Freiberger Beiträge zum Einfluss der angloamerikanischen Sprache und Kultur auf Europa*, Bd. 4. Frankfurt am Main, 1997.
- Fluck 2001 – *Fluck H.-R.* Fachsprachen: Zu Funktion, Verwendung und Beschreibung eines wichtigen Kommunikationsmittels in unserer Gesellschaft // G.Kniffka, E.Spänkuch (Hrsg.). *Neueste Tendenzen der deutschen Gegenwartssprache: Überblick*. Hagen, 2001.
- Gannon 2001 – *Gannon M.* Working across Cultures: Applications and Exercises. Thousand Oaks, 2001.
- Gensicke 1996 – *Gensicke T.* Ostdeutschland im Wandel zwischen 1989 und 1995 // E.Janssen et al. (Hrsg.). *Gesellschaften im Umbruch? Aspekte des Wertewandels in Deutschland, Japan und Osteuropa*. Monographien aus dem Deutschen Institut für Japanstudien der Philipp-Franz-von-Siebold-Stiftung, Bd. 15. München, 1996.
- Glahn 2002 – *Glahn R.* Der Einfluss des Englischen auf gesprochene deutsche Gegenwartssprache, 2. Aufl. Frankfurt am Main, 2002.

- Glück, Sauer 2001 – *Glück H., Sauer W.* Gegenwartsdeutsch // G.Kniffka, E.Spänkuch (Hrsg.). Neueste Tendenzen der deutschen Gegenwartssprache: Überblick. Hagen, 2001.
- Görlach 2002 – *Görlach M.* Einführung in die englische Sprachgeschichte, 5. Aufl. Heidelberg, 2002.
- Götze 2000 – *Götze L.* Anglizismen im heutigen Deutsch – droht der deutschen Sprache der Ausverkauf? // G.Erlberg et al. (Hrsg.). Deutsch 2000: Fremdwörter – NS-Sprache – Deutschunterricht. Aachen, 2000.
- Griesbach 2005 – *Griesbach A.* Den Deutschen eine andere Seele einimpfen // Junge Freiheit, 33 (2005), <http://www.jf-archiv.de/archiv05/200533081235.htm>
- Gudykunst 1998 – *Gudykunst W.* Bridging Differences, Effective Intergroup Communication. Thousand Oaks, 1998.
- Gudykunst, Lee 2002 – *Gudykunst W., Lee C.* Cross-cultural communication theories // W.Gudykunst, B.Mody (eds.). Handbook of International and Intercultural Communication. Thousand Oaks, 2002.
- Gulyanska 2005 – *Gulyanska M.* Ost-West-Unterschiede in wirtschaftsrelevanten Teilgebieten der Persönlichkeit. Bochum, 2005.
- Hawkins 1986 – *Hawkins J.* A Comparative Typology of English and German: Unifying the Contrasts. London, 1986.
- Hellinger 1985 – *Hellinger M.* Englisch-orientierte Pidgin- und Kreolsprachen: Entstehung, Geschichte und sprachlicher Wandel. Darmstadt, 1985.
- Hellmann 2001 – *Hellmann M.* Divergenz und Konvergenz. Sprachlich-kommunikative Folgen der staatlichen Trennung und Vereinigung Deutschlands: Ein Überblick // G.Kniffka, E.Spänkuch (Hrsg.). Neueste Tendenzen der deutschen Gegenwartssprache: Überblick. Hagen, 2001.
- Herrmann-Winter 2001 – *Herrmann-Winter R.* Dialektverfall oder Mundartenrenaissance in den so genannten Neuen Bundesländern // G.Kniffka, E.Spänkuch (Hrsg.). Neueste Tendenzen der deutschen Gegenwartssprache: Überblick. Hagen, 2001.
- Hofstede 2002 – *Hofstede G.* Culture's Consequences, 2. Aufl. Thousand Oaks, 2002.
- Horkheimer 1973 – *Horkheimer M.* Weltwoche. 25.07.1973.
- Inglehart, Baker 2002 – *Inglehart R., Baker W.* Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values. Интернет-страница World Values Survey. Michigan: Institute for Social Research, University of Michigan, 17.04.2002, http://www.worldvaluessurvey.org/Upload/5_19-51_IN.PDF
- Jablonski 1990 – *Jablonski M.* Regularität und Variabilität in der Rezeption englischer Internationalismen im modernen Deutsch, Französisch und Polnisch. Diss. Tübingen, 1990.
- Janich 2001 – *Janich N.* We kehr for you – Werbeslogans und Schlagzeilen als Beitrag zur Sprachkultivierung // G.Kniffka, E.Spänkuch (Hrsg.). Neueste Tendenzen der deutschen Gegenwartssprache: Überblick. Hagen, 2001.
- «Jeder sechste Schüler lernt Französisch» 2005 – Jeder sechste Schüler lernt Französisch. Интернет-страница Госстата (Statistisches Bundesamt) ФРГ, 21.01.2005, <http://www.destatis.de/presse/deutsch/pm2005/p0320071.htm>

- Kagitçibasi 1995 – *Kagitçibasi Ç.* A critical appraisal of individualism and collectivism // U.Kim et al. (eds.). *Individualism and Collectivism. Theory, Method, and Applications.* Thousand Oaks, 1995.
- Kainz 1965 – *Kainz F.* *Psychologie der Sprache.* Stuttgart, 1965.
- Kashima, Kashima 2003 – *Kashima Y., Kashima E.* Individualism, GNP, climate, and pronoun drop. Is individualism determined by affluence and climate, or does language use play a role? // *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 34 (2003).
- Kempgen 1995 – *Kempgen S.* *Russische Sprachstatistik. Systematischer Überblick und Bibliographie.* München, 1995.
- Kettemann 2004 – *Kettemann B.* *Anglizismen allgemein und konkret: Zahlen und Fakten* // S.Moraldo, M.Soffritti (Hrsg.). *Deutsch aktuell. Einführung in die Tendenzen der deutschen Gegenwartssprache.* Roma, 2004.
- Kilgarriff 1995 – *Kilgarriff A.* BNC database and word frequency lists, http://www.kilgarriff.co.uk/BNC_lists/lemma.num
- Kim 1995 – *Kim U.* Individualism and collectivism. Conceptual clarification and elaboration // U.Kim et al. (eds.). *Individualism and Collectivism. Theory, Method, and Applications.* Thousand Oaks, 1995.
- Kim et al. 1995 – *Kim U. et al.* Introduction // U.Kim et al. (eds.). *Individualism and Collectivism. Theory, Method, and Applications.* Thousand Oaks, 1995.
- Klages 1996 – *Klages H.* *Der Wertewandel in der Bundesrepublik Deutschland* // Edzard Janssen et al. (Hrsg.). *Gesellschaften im Umbruch? Aspekte des Wertewandels in Deutschland, Japan und Osteuropa.* Monographien aus dem Deutschen Institut für Japanstudien der Philipp-Franz-von-Siebold-Stiftung, Bd. 15. München, 1996.
- Klemperer 1966 – *Klemperer V.* *Die unbewältigte Sprache*, 3. Aufl. Darmstadt, 1966.
- Köchner 1997 – *Köchner R.* (Hrsg.). *Allensbacher Jahrbuch der Demoskopie 1993-1997.* München, 1997.
- Kofler, Chiarelli 2006 – *Kofler A., Chiarelli N.* Looking westwards. Интернет-страница FESSEL-GfK Austria, 09.03.2006, http://www.gfk.ua/etc/files/pdf/Sozfo_CEE_RRW_090306.pdf
- Kolstø 2000 – *Kolstø P.* *Political Construction Sites: Nation Building in Russia and the Post-Soviet States.* Boulder, 2000.
- Krämer 2000 – *Krämer W.* *Der 51. Bundesstaat: Die deutsche Sprache als Opfer deutscher Selbstverleugnung* // G.Erlberg et al. (Hrsg.). *Deutsch 2000: Fremdwörter – NS-Sprache – Deutschunterricht.* Aachen, 2000.
- Kufner 1969 – *Kufner H.* *The Grammatical Structures of English and German: A Contrastive Sketch.* Chicago, 1969.
- Lakoff 1979 – *Lakoff R.* Stylistic strategies within a grammar of style // J.Orasanu (ed.). *Language, Sex and Gender.* New York, 1979.
- Lamy 1979 – *Lamy P.* Language and ethnolinguistic identity: the bilingualism question // *International Journal of the Sociology of Language*, 20 (1979).
- Langenmayr 1997 – *Langenmayr A.* *Sprachpsychologie.* Göttingen, 1997.

- Larina 2005 – *Larina T.* Cultural values and negative politeness in English and Russian // *Respectus Philologicus*, 8 (2005), http://filologija.vukhf.lt/8-13/3_2%20Larina%20Red%20J.doc
- Lehnert 1991 – *Lehnert M.* Der angloamerikanische Einfluss auf die Sprache der beiden deutschen Staaten // *Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Berlin*, 2 (1991).
- Leiss 2000 – *Leiss E.* Artikel und Aspekt: die grammatischen Muster der Definitheit. Berlin, 2000.
- Lim 2002 – *Lim T.-S.* Language and verbal communication across cultures // W.Gudykunst, B.Mody (eds.). *Handbook of International and Intercultural Communication*, 2nd ed. Thousand Oaks, 2002.
- Lipovetsky 1995 – *Lipovetsky G.* Narziss oder die Leere: sechs Kapitel über die unaufhörliche Gegenwart. Hamburg, 1995.
- Lobatsch 2001 – *Lobatsch E.* Die mathematische Terminologie und ihre Popularisierung in der Allgemeinsprache // G.Kniffka, E.Spänkuch (Hrsg.). *Neueste Tendenzen der deutschen Gegenwartssprache: Überblick*. Hagen, 2001.
- Lubeley 1993 – *Lubeley R.* Sprechen Sie Engleutsch? Isernhagen, 1993.
- Lutz 2002 – *Lutz A.* Sprachmischung in der deutschen und englischen Wortbildung // Mechthild Habermann, Peter Müller, Horst Haider Munske (Hrsg.). *Historische Wortbildung des Deutschen*. Tübingen, 2002.
- Mácha 1964 – *Mácha K.* Individuum und Gesellschaft. Zur Geschichte des Individualismus. Berlin, 1964.
- Maeder 1964 – *Maeder H.* Sprache und Totalitarismus // H.Moser (Hrsg.). *Das Aueler Protokoll. Deutsche Sprache im Spannungsfeld zwischen West und Ost*, Bd. 1. Düsseldorf, 1964.
- Malik 2000 – *Malik K.* Let languages rest in peace // *San Francisco Chronicle*, 11.12.2000, <http://www.sjsu.edu/depts/linguistics/news/rip.htm>
- Matsumoto et al. 1998 – *Matsumoto D. et al.* The contribution of individualism vs. collectivism to cross-national differences in display rules // *Asian Journal of Social Psychology*, 1 (1998).
- Mattheier 2001 – *Mattheier K.* Dialektverfall und/ oder Dialektrenaissance? // G.Kniffka, E.Spänkuch (Hrsg.). *Neueste Tendenzen der deutschen Gegenwartssprache: Überblick*. Hagen, 2001.
- McArthur 1998 – *McArthur T.* *Concise Oxford Companion to the English Language*. Oxford, 1998.
- McDowell 2002 – *McDowell S.* Theory and research in international communication. A historical and institutional account // W.Gudykunst, B.Mody (eds.). *Handbook of International and Intercultural Communication*, 2nd ed. Thousand Oaks, 2002.
- Meier 1964 – *Meier H.* *Deutsche Sprachstatistik*. Hildesheim, 1964.
- Meyers großer Universallexikon: in 15 Bänden 1989 – *Meyers großer Universallexikon: in 15 Bänden*. Mannheim, 1989.
- Miegel, Wahl 1993 – *Miegel M., Wahl S.* *Das Ende des Individualismus. Die Kultur des Westens zerstört sich selbst*. München, 1993.
- Möhnwald, Ölschleger 1996 – *Möhnwald U., Ölschleger H.D.* *Werte- und Einstellungswandel in der japanischen Gesellschaft im Spiegel der Demosko-*

- pie // E.Janssen et al. (Hrsg.). Gesellschaften im Umbruch? Aspekte des Wertewandels in Deutschland, Japan und Osteuropa. Monographien aus dem Deutschen Institut für Japanstudien der Philipp-Franz-von-Siebold-Stiftung, Bd. 15. München, 1996.
- Moiseev 2004 – *Moiseev S.* The lonely heart of the world: nation-building and common values in Novosibirsk Oblast // P.Kolstø, H.Blakkisrud (eds.). Nation-Building and Common Values in Russia. Lanham, 2004.
- Mokienko 1999 – *Mokienko V.* The Russian language 'on the brink'. The linguistic situation in present-day Russia // J.Dunn (ed.). Language and Society in Post-Communist Europe. Basingstoke, 1999.
- Moser 1964 – *Moser H.* Allgemeine Ergebnisse der Diskussion // H.Moser (Hrsg.). Das Aueler Protokoll. Deutsche Sprache im Spannungsfeld zwischen West und Ost, Bd. 1. Düsseldorf, 1964.
- Moser 1967 – *Moser H.* Sprache – Freiheit oder Lenkung? Mannheim, 1967.
- Multimedia Lexikon 2001 – Multimedia Lexikon. CD. München, 2001.
- Müller-Thurau 1985 – *Müller-Thurau C.P.* Lexikon der Jugendsprache. Wien, 1985.
- Munske 1980 – *Munske H.* Germanische Sprachen und deutsche Gesamtsprache // H.P.Althaus et al. (Hrsg.). Lexikon der Germanistischen Linguistik, Bd. 4, 2. Aufl. Tübingen, 1980.
- Munske 2000 – *Munske H.* Deutsch als Mischsprache // G.Erlberg et al. (Hrsg.). Deutsch 2000: Fremdwörter – NS-Sprache – Deutschunterricht. Aachen, 2000.
- Myers 2002 – *Myers D.* Social psychology, 7th ed. Boston, 2002.
- Neuland 2001 – *Neuland E.* Jugendsprache in der Diskussion: Meinungen, Ergebnisse, Folgerungen // G.Kniffka, E.Spänkuch (Hrsg.). Neueste Tendenzen der deutschen Gegenwartssprache: Überblick. Hagen, 2001.
- Nolzen 2000 – *Nolzen A.* Das Kriegsende 1945 in Deutschland. Workshop des Militärgeschichtlichen Forschungsamtes (MGFA), Potsdam. In Zusammenarbeit mit dem Wehrgeschichtlichen Ausbildungszentrum der Marineschule Mürwik, 17.-19.11.2000, Institut für Geschichtswissenschaften der Humboldt-Universität, <http://hsozkult.geschichte.hu-berlin.de/BEITRAG/TAGBER/noar0101.htm>
- Nunberg 1992 – *Nunberg G.* The official English movement: Reimagining America // J.Crowford (ed.). Language Loyalties. Chicago, 1992.
- O'Driscoll 2001 – *O'Driscoll J.* Britain. The country and its people: an introduction for learners of English, 8th ed. Oxford, 2001.
- Paulwitz, Micko 2000 – *Paulwitz T., Micko S.* (Hrsg.) Engleutsch? Nein, danke! Wie sag ich's auf deutsch? Ein Volks-Wörterbuch, 2. Aufl. Erlangen, 2000.
- PC-Bibliothek 3 2001 – PC-Bibliothek 3. CD. Mannheim, 2001:
 Der Brockhaus in Text und Bild, 2002.
 Duden, Fremdwörterbuch, 6. Aufl. Mannheim, 1997.
 Duden, Rechtschreibung, 22. Aufl. Mannheim, 2000.
 Duden, Sinn- und Sachverwandte Wörter, 2. Aufl. Mannheim, 1997.
- Pelser 1964 – *Pelser T.* Der 17. Juli in der Sicht von Westdeutschen und sowjetzonalen politischen Rednern // H.Moser (Hrsg.). Das Aueler Protokoll.

- Deutsche Sprache im Spannungsfeld zwischen West und Ost, Bd. 1. Düsseldorf, 1964.
- Pethő, Heidrich 2005 – *Pethő E., Heidrich B.* Differences of language from a cross-cultural perspective // *European Integration Studies*, 4 (2005).
- Postl 1991 – *Postl G.* Feministische Entwürfe zu Sprache und Geschlecht. Wien, 1991.
- Prokopishina 2002 – *Prokopishina N.* Comparing cultural systems: Comparative analysis of Russian and American national mentalities. Wien: George Washington University, материалы симпозиума Management and Organizational Change, 2.-5.03.2002, <http://www.gwu.edu/~rpsol/conf2002/Prokopishina.doc>
- Pulcini 2005 – *Pulcini E.* Das Individuum ohne Leidenschaften. Berlin, 2005.
- Pyo 1997 – *Pyo S.Y.* Die Einflüsse des Angloamerikanischen auf das heutige Russische unter besonderer Berücksichtigung der semantischen und morphologischen Untersuchung der neuen Anglizismen in der russischen Sprache (nach Materialien russischer Zeitungen und Zeitschriften aus den Jahren 1945-1985). Diss. Marburg/ Lahn, 1997.
- Rancour-Laferriere 1995 – *Rancour-Laferriere D.* The Slave Soul of Russia. Moral Masochism and the Cult of Suffering. New York, 1995.
- Random House Webster's Unabridged Electronic Dictionary 1996 – Random House Webster's Unabridged Electronic Dictionary. Version 2, CD. Random House, Inc., 1996.
- Reykowski 1995 – *Reykowski J.* Collectivism and individualism as dimensions of social change // U.Kim et al. (eds.). Individualism and Collectivism. Theory, Method, and Applications. Thousand Oaks, 1995.
- Rist 1996 – *Rist B.* Deutsche Diminutivsuffixe. Freiburg: Universität Freiburg, 1996.
- Rivlina 2005 – *Rivlini A.* 'Threats and challenges': English-Russian interaction today // *World Englishes*, 24 (2005).
- ROMIR Monitoring 2003, 2006 – Институт исследования общественного мнения ROMIR Monitoring, опрос, 09-14.07.2003: <http://www.romir.ru/socpolit/socio/2003/07/privatization.htm>; 18.01.2006: http://rmh.ru/news/res_results/222.html
- Römer 1964 – *Römer R.* Der Parteibegriff der SED im Spiegel ihrer Sprache // H.Moser (Hrsg.). Das Aueler Protokoll. Deutsche Sprache im Spannungsfeld zwischen West und Ost, Bd. 1. Düsseldorf, 1964.
- Salès 1955 – *Salès E.* Wandlung oder Umsturz. Individualität – Gemeinschaft – Kollektivismus. Innsbruck, 1955.
- Sanford 1998 – *Sanford G.* Amerikanismen in der deutschen Sprache der Gegenwart // *Internet-Zeitschrift für Kulturwissenschaften*, 3 (1998).
- Schabanowa 1996 – *Schabanowa O.* Wertedynamik in Russland // E.Janssen et al. (Hrsg.). Gesellschaften im Umbruch? Aspekte des Wertewandels in Deutschland, Japan und Osteuropa, Bd. 15. München, 1996.
- Schäfers, Zapf 2001 – *Schäfers B., Zapf W.* (Hrsg.). Handbuch zur Gesellschaft Deutschlands, 2. Aufl. Opladen, 2001.

- Schierbaum 1964 – *Schierbaum H.* Das Wort als politisches Instrument // H.Moser (Hrsg.). Das Aueler Protokoll. Deutsche Sprache im Spannungsfeld zwischen West und Ost, Bd. 1. Düsseldorf, 1964.
- Schlosser 2004 – *Schlosser H.D.* Die deutsche Sprache in Ost- und Westdeutschland // S.Moraldo, M.Soffritti (Hrsg.). Deutsch aktuell. Einführung in die Tendenzen der deutschen Gegenwartssprache. Roma, 2004.
- Schmidt 2000 – *Schmidt W.* Geschichte der deutschen Sprache, 8. Aufl. Stuttgart, 2000.
- Schmidt-Rohr 1917 – *Schmidt-Rohr G.* Unsere Muttersprache als Waffe und Werkzeug des deutschen Gedankens, 1917. Интернет-страница проф. Герда Симона (университет Тюбинген, ФРГ), <http://homepages.uni-tuebingen.de/gerd.simon/schmidt-rohr.pdf>
- Scholten 2000 – *Scholten D.* Sprachverbreitungspolitik des nationalsozialistischen Deutschlands. Frankfurt am Main, 2000.
- Schwartz 1995 – *Schwartz S.* Beyond individualism/ collectivism: new cultural dimensions of values // U.Kim et al. (eds.). Individualism and collectivism. Theory, method, and applications. Thousand Oaks, 1995.
- «Spaß haben, das Leben genießen» 2001 – Spaß haben, das Leben genießen // Allensbacher Bericht, 5 (2001), http://www.ifd-allensbach.de/pdf/prd_0105.pdf
- Statistisches Bundesamt 2005 – Statistisches Bundesamt (Hrsg.). Statistisches Jahrbuch 2005 für die Bundesrepublik Deutschland. Wiesbaden, 2005.
- Stavyts'ka 2005 – *Stavyts'ka L.* Argo, Jargon, Slang. The Social Differentiation of the Ukrainian Language. Kyjiv, 2005.
- Steinfeldt 1969 – *Steinfeldt E.* Häufigkeitwörterbuch der russischen Sprache. 2500 meistgebrauchte Wörter der modernen russischen Schriftsprache. Moskau, 1969.
- Stephan 2005 – *Stephan A.* Introduction // A.Stephan (ed.). Americanization and Anti-Americanism: the German Encounter with American Culture after 1945. New York, 2005.
- Stickel 2004 – *Stickel G.* Das heutige Deutsch: Tendenzen und Wertungen // S.Moraldo, M.Soffritti (Hrsg.). Deutsch aktuell. Einführung in die Tendenzen der deutschen Gegenwartssprache. Roma, 2004.
- Stojanov 1996 – *Stojanov C.* Rückkehr nach Europa – geht der Weg über Japan? // E.Janssen et al. (Hrsg.). Gesellschaften im Umbruch? Aspekte des Wertewandels in Deutschland, Japan und Osteuropa. Monographien aus dem Deutschen Institut für Japanstudien der Philipp-Franz-von-Siebold-Stiftung, Bd. 15. München, 1996.
- Straßner 1980 – *Straßner E.* Sprache in Massenmedien // H.P.Althaus et al. (Hrsg.). Lexikon der Germanistischen Linguistik, Bd. 2, 2. Aufl. Tübingen, 1980.
- Svennevig, Isaksson 2006 – *Svennevig J., Isaksson M.* How culture matters in international business: Strategies of intercultural communication in a joint venture between the Nordic and the Post-Soviet countries. Интернет-страница Norwegian Business School, 2006, <http://home.bi.no/a0210593/BBH-artikkel.pdf>
- Tannen 1994 – *Tannen D.* Gender and Discourse. Toronto, 1994.

- Tannen 1995 – *Tannen D.* Job-Talk. Hamburg, 1995.
- Taylor 2000 – *Taylor H.* Huge differences between values of young adults and older adults // The Harris Poll, 04.10.2000, http://www.harrisinteractive.com/harris_poll/printerfriend/index.asp?PID=120
- Taylor 2006 – *Taylor P.* Cultural imperialism? Интернет-страница British Council, 2006, <http://www.britishcouncil.org/history-why-cultural-imperialism.htm>
- Todd 1995 – *Todd L.* Pidgins and creoles, 2nd ed. London, 1995.
- «Transatlantic Trends. Meinungsumfrage 24.09.2004» 2004 – Transatlantic Trends. Meinungsumfrage 24.09.2004. Интернет-страница Konrad Adenauer Stiftung, 2004, http://www.kas.de/upload/dokumente/trans_portal/Meinungsumfrage9_2004.pdf
- Triandis 1990 – *Triandis H.* Cross-cultural studies of individualism and collectivism // J.Berman (ed.). Nebraska Symposium on Motivation, 1989. Cross-Cultural Perspectives. Lincoln, 1990.
- Triandis 1995 – *Triandis H.* Theoretical and methodological approaches to the study of collectivism and individualism // U.Kim et al. (eds.). Individualism and Collectivism. Theory, Method, and Applications. Thousand Oaks, 1995.
- Tyldum, Kolstø 2004 – *Tyldum G., Kolstø P.* Value consensus and social cohesion in Russia // P.Kolstø, H.Blakkisrud (eds.). Nation-Building and Common Values in Russia. Lanham, 2004.
- Universal Lexikon 2000 – Universal Lexikon. München, 2000.
- Vennemann 2002 – *Vennemann T.* On the rise of 'Celtic' syntax in Middle English // P.Lucas, A.Lucas (eds.). Middle English from Tongue to Text. Selected Papers from the Third International Conference on Middle English: Language and Text, held at Dublin, Ireland, 1-4 July, 1999. Frankfurt am Main, 2002.
- Viktorova 2005 – *Viktorova O.* National character in cross-cultural business communication, материалы конференции «Innovations and Reproductions in Cultures and Societies (IRICS)». Wien: Institut zur Erforschung und Förderung regionaler und transnationaler Kulturprozesse, 2005, http://www.inst.at/irics/speakers_t-z/viktorova.htm
- Volmert 2004 – *Volmert J.* Jugendsprachen – Szenesprachen // S.Moraldo, M.Soffritti (Hrsg.). Deutsch aktuell. Einführung in die Tendenzen der deutschen Gegenwartssprache. Roma, 2004.
- von Polenz 1978 – *von Polenz P.* Geschichte der deutschen Sprache, 9. Aufl. Berlin, 1978.
- von Polenz 1999 – *von Polenz P.* Deutsche Sprachgeschichte vom Spätmittelalter bis zur Gegenwart. Berlin, 1999.
- von Schrenck-Notzing 1996 – *von Schrenck-Notzing C.* Charakterwäsche: die Politik der amerikanischen Umerziehung in Deutschland, 2. Aufl. Frankfurt am Main, 1996.
- Walter 2003 – *Walter H.* Нужен ли изучающим русский язык (как иностранный) русский жаргон? // H.Walter (ред.). Русское слово в мировой культуре. X конгресс МАПРЯЛ (Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г.). Greifswald, 2003.

- Webster's Third New International Dictionary of the English Language. Unabridged 1981 – Webster's Third New International Dictionary of the English Language. Unabridged. Chicago, 1981.
- Weippert 1964 – *Weippert G.* Jenseits von Individualismus und Kollektivismus. Düsseldorf, 1964.
- Wienges 2003 – *Wienges S.* Westlicher Individualismus versus asiatische Werte. Berlin, 2003.
- Wierzbicka 1992 – *Wierzbicka A.* Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. New York, 1992.
- Wierzbicka 2003 – *Wierzbicka A.* Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction, 2nd ed. Berlin, 2003.
- Wierzbicka 2006 – *Wierzbicka A.* English: Meaning and Culture. Oxford, 2006.
- Wildhagen 1929 – *Wildhagen K.* Die englische Sprache, ein Spiegelbild englischen Wesens // M.Förster (Hrsg.). Britannica. Leipzig, 1929.
- Yamaguchi 1995 – *Yamaguchi S.* Collectivism among the Japanese: a perspective from the self // U.Kim et al. (eds). Individualism and Collectivism. Theory, Method, and Applications. Thousand Oaks, 1995.
- Yau-Fai Ho, Chiu 1995 – *Yau-Fai Ho D., Chiu C.Y.* Component ideas of individualism, collectivism, and social organisation: an application in the study of Chinese culture // U.Kim et al. (eds.). Individualism and collectivism. Theory, method, and applications. Thousand Oaks, 1995.
- Zifonun 2001 – *Zifonun G.* Grammatische Integration jugendsprachlicher Anglizismen // G.Kniffka, E.Spänkuch (Hrsg.). Neueste Tendenzen der deutschen Gegenwartssprache: Überblick. Hagen, 2001.
- Zimmer 1998 – *Zimmer D.* Deutsch und anders – die Sprache im Modernisierungsfieber. Reinbek bei Hamburg, 1998.
- Zürn 2005 – *Zürn A.* Anglizismen im Deutschen. Diss. Karlsruhe, 2005.
- Zybatow 1995 – *Zybatow L.* Russisch im Wandel: die russische Sprache seit der Perestrojka. Wiesbaden, 1995.
- «Андрей Столяров: На русский характер повлияли долгая зима и холодное лето» 2005 – Андрей Столяров: На русский характер повлияли долгая зима и холодное лето // Информационное агентство Росбалт, 20.05.2005, <http://www.rosbalt.ru/2005/05/20/209427.html>
- Аполлова 1977 – *Аполлова М.* Specific English (грамматические трудности перевода). М., 1977.
- Апресян 2006 – *Апресян В.* Семантика и прагматика судьбы // Н.Лауфер, А.Нирьяни, В.Селега (eds.). Computational Linguistics and Intellectual Technologies. International Conference «Dialogue 2006». Proceedings (Bekasovo, 31 May – 4 June, 2006). М., 2006.
- Аракин 2005 – *Аракин В.* Сравнительная типология английского и русского языков: учебное пособие, 3 изд. М., 2005.
- Арутюнова 1999 – *Арутюнова Н.* Язык и мир человека, 2 изд. М., 1999.
- Бабаева 1997 – *Бабаева Е.* Культурно-языковые характеристики отношения к собственности (на материале немецкого и русского языков). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1997.

- Бацевич 2002 – *Бацевич Ф.* Этнокультурные аспекты коммуникативного кодекса, или о русских максимах общения // *Культура народов Причерноморья*, т. 37. Симферополь, 2002.
- Бельченко 2002 – *Бельченко Н.* Свобода слова с ошибками // *Зеркало недели*, 46 (2002).
- Березович 1999 – *Березович Е.* Русская национальная личность в зеркале языка // *Н.Купина (ред.). Русский язык в контексте культуры.* Екатеринбург, 1999.
- Богданович 2000 – *Богданович Г.* Сниженная лексика как объект лингвокультурологического осмысления // *Культура народов Причерноморья*, т. 35. Симферополь, 2000.
- Богуславская 2006 – *Богуславская О.* Разделительные вопросы в деловой английской речи (к проблеме интерференции) // *Антропологический подход к исследованию социума: лингвистические, социолингвистические, культурологические аспекты.* Научно-практическая телеконференция. Декабрь 2001, <http://www.isuct.ru/konf/antropos/section/4/boguslavskaya.htm>
- Бурукина 2000 – *Бурукина О.* Фемининность русского языка и культуры // *В.Красных. Язык, сознание, коммуникация*, т. 14. М., 2000.
- Бухаров 1997 – *Бухаров В.* Концепт в лингвистическом аспекте // *В.Зусман, А.Фролов (ред.). Межкультурная коммуникация.* Новгород, 1997.
- Бызов 2002 – *Бызов Л.* Социокультурная трансформация российского общества и формирование неоконсервативной идентичности // *Мир России*, 1 (2002).
- «В Японии впервые в истории смертность превысила рождаемость» 2005 – В Японии впервые в истории смертность превысила рождаемость // *РИА Новости, информационное агентство*, 26.12.2005, <http://health.rin.ru/uni/text/pages/6573.html>
- Валгина 2001 – *Валгина Н.* Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие. М., 2001.
- Валгина 2003 – *Валгина Н.* Активные процессы в современном русском языке // *Университетская книга*, 2 (2003).
- Васильев 2004 – *Васильев А.* Культурные ценности и культура речи // *М.Ремнева et al. (eds.). Russian language: its historical destiny and present state. The Second International Congress of Russian Language Researchers. Moscow, Moscow State University, Faculty of Philology, March 18-21, 2004. Proceedings and Materials.* М., 2004.
- Вежбицкая 1996 – *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Вежбицкая 2001 – *Вежбицкая А.* Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М., 2001.
- Воронцова 2000 – *Воронцова В.* Активные процессы в области ударения // *Е.Земская (ред.). Русский язык конца XX столетия (1985-1995)*, 2 изд. М., 2000.
- Воротников 2002 – *Воротников Ю.* Идёт ли русский язык к анализу? // *Культура народов Причерноморья*, т. 22. Симферополь, 2002.
- ВЦИОМ 2005 – *ВЦИОМ.* Опрос, 17.06.2005, <http://www.wciom.ru/?pt=45&article=1376>

- Гловинская 2000 – *Гловинская М.* Активные процессы в грамматике // Е.Земская (ред.). Русский язык конца XX столетия (1985-1995), 2 изд. М., 2000.
- Гудзенко 2003 – *Гудзенко А.* Русский менталитет. М., 2003.
- Гунина 2005 – *Гунина Л.* Культурные доминанты в английской концептосфере // Электронный вестник Центра по переподготовке и повышению квалификации по филологии и лингвострановедению, 1 (2005).
- Додонов 1998 – *Додонов Р.* Этническая ментальность: опыт социально-философского исследования. Запорожье, 1998.
- Дубов 1997 – *Дубов И.* (ред.). Ментальность россиян. М., 1997.
- Еремеев 2002 – *Еремеев Я.* Национально-культурные и языковые особенности британских и российских директивных высказываний, <http://antinomy.narod.ru/sbog.htm>
- Жданова 2003 – *Жданова В.* 'Русскость' в свете лингвистического эксперимента // В.Красных (ред.). Язык, сознание, коммуникация, т. 23. М., 2003.
- Железняк 2005 – *Железняк А.* Язык как индикатор этнического менталитета // Топос, 12.10.2005, http://www.topos.ru/articles/0510/11_01.shtml
- Жилина 2001 – *Жилина О.* Лингвистическая норма в аспекте компьютерных технологий // Материалы международного конгресса «Русский язык: исторические судьбы и современность». МГУ, 13-16.07.2001, http://www.philol.msu.ru/~rlc2001/abstract/files/stilist_sys.doc
- Заиченко 1997 – *Заиченко О.* Образ России и формирование национального самосознания в Германии // Ю.Борисов (ред.). Россия и внешний мир: диалог культур. М., 1997.
- Захаров 2000 – *Захаров Н.* Специфика социальной системы России. Ижевск, 2000.
- Зеленецкий 2004 – *Зеленецкий А.* Сравнительная типология основных европейских языков. М., 2004.
- Зеленецкий, Монахов 1983 – *Зеленецкий А., Монахов П.* Сравнительная типология немецкого и русского языков. М., 1983.
- Земская 2000a – *Земская Е.* Активные процессы современного словопроизводства // Е.Земская (ред.). Русский язык конца XX столетия (1985-1995), 2 изд. М., 2000.
- Земская 2000b – *Земская Е.* Введение // Е.Земская (ред.). Русский язык конца XX столетия (1985-1995), 2 изд. М., 2000.
- Земская и др. 1993 – *Земская Е. и др.* Особенности мужской и женской речи // Е.Земская (ред.). Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.
- Зусман 1997 – *Зусман В.* Немецкое // В.Зусман, А.Фролов (ред.). Межкультурная коммуникация. Новгород, 1997.
- Ивин 2000 – *Ивин А.* Философия истории. М., 2000.
- Игнатьева 2000 – *Игнатьева Л.* Compliment как риторический жанр. Рига, 2000.
- Ильичёв 2004 – *Ильичёв Г.* Главный тормоз – в мозгу // Профиль, 42 (2004), <http://www.profile.ru/items/?item=10152>

- Карасик 2001 – *Карасик В.* О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград, 2001.
- Карасик 2002, 2004 – *Карасик В.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс, 1 изд. Волгоград, 2002; 2 изд. М., 2004.
- Касьянова 1994 – *Касьянова К.* О русском национальном характере. М., 1994.
- Катеринич 2003 – *Катеринич В.* Похвала русскому языку, Дальневосточная Академия Наук, дек. 2003, http://www.buro-dv.ru/public/drugie/dr_6.htm
- Кертман 2000 – *Кертман Г.* Катастрофизм в контексте российской политической культуры // Полис, 4 (2000).
- Киреева 1999 – *Киреева Е.* К вопросу об источниках наполнения трёх уровней структуры языковой (американской) личности // В.Красных, А.Изотов (ред.). Язык, сознание, коммуникация, т. 7. М., 1999.
- Козлова 2001 – *Козлова Л.* Концепт личного пространства и способы его языковой представленности (на материале английского языка в сопоставлении с русским) // Вестник БСПУ, 2001, <http://bspu.ab.ru/Journal/vestbspu/2001/gumanit/PDF/Козлова.pdf>
- Колесов 1999 – *Колесов В.* Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции // В.Колесов и др. (ред.). Язык и этнический менталитет. Петрозаводск, 1999.
- Колесов 2001 – *Колесов В.* Язык и ментальность. СПб., 2001.
- Колесов 2004 – *Колесов В.* Язык и ментальность // Top-Manager, 06.12.2004, <http://www.top-manager.ru/?a=1&id=404>
- Комиссаров 1990 – *Комиссаров В.* Теория перевода. М., 1990.
- Копров 2002 – *Копров В.* Национально-культурная специфика языков в синтаксическом концепте 'посессивность' // Т.Фесенко (ed.). Reality, Language and Mind: An International Book of Researcher Reports, vol. 2. Тамбов, 2002.
- Копров 2005 – *Копров В.* Личность и безличность в лингвокультурологии и в грамматике разноструктурных языков // Вопросы когнитивной лингвистики, 1 (2005).
- Корнева 2002 – *Корнева Л.* Невербальні засоби в міжкультурній комунікації // Культура народів Причорномор'я, т. 49. Симферополь, 2002.
- Коссов 2000 – *Коссов В.* Эгоцентризм как губитель России // Мир России, 2 (2000), <http://www.socio.ru/wr/00-2/Kossov.htm>
- Красных 2002 – *Красных В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002.
- Крючкин 2002 – *Крючкин В.* Великие женщины Русской Америки // Русский дом, 11 (2002), <http://www.rusdom.ru/2002/200211i/20021135.html>
- Куликова 2004 – *Куликова Л.* Тип культуры и национальный коммуникативный стиль // Вестник Воронежского государственного университета. Филология, журналистика, 2 (2004).
- Левада 2000 – *Левада Ю.* От мнений к пониманию. М., 2000.
- Леонтович 2005 – *Леонтович О.* Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. М., 2005.

- Леонтьев 1978 – *Леонтьев А.* Социальные, лингвистические и психологические факторы языковой ситуации в Папуа Новой Гвинее // О языках, фольклоре и литературе Океании. М., 1978.
- Лесин 1995 – *Лесин В.* (ред.). За строкой учебника истории. Ростов-на-Дону, 1995.
- Майер, Топешко 2003 – *Майер Б., Топешко И.* Особенности картины мира в контексте языковых репрезентаций // Философия образования, 8 (2003).
- Максименко 2001 – *Максименко О.* Влияние языка на осуществление утопии // З.Резанова (ред.). Картина мира: язык, философия, наука. Доклады участников Всероссийской школы молодых учёных (1-3 ноября 2001 года). Томск, 2001.
- Макшанцева 1997 – *Макшанцева Н.* Русское; Соборность; Воля; Удаль; Беспредельность; Тоска; Вера // В.Зусман, А.Фролов (ред.). Межкультурная коммуникация. Новгород, 1997.
- Маслова 2001 – *Маслова В.* Лингвокультурология. М., 2001.
- Мельник 2001 – *Мельник П.* К вопросу о грамматических трансформациях при переводе. Дипломная работа. М., 2001.
- Мечковская 2000 – *Мечковская Н.* Социальная лингвистика, 2 изд. М., 2000.
- «Мировосприятие российской молодёжи более позитивно, чем европейской» 2005 – Мировосприятие российской молодёжи более позитивно, чем европейской // информационное агентство РИА Новости, 30.06.2005, http://daily.rian.ru/article.html?art_id=46873
- Михайлова 2006 – *Михайлова А.* (ред.). Словарь иностранных слов, CD-версия. «Бизнесофт», 2006.
- Морковкин 1985 – *Морковкин В.* (ред.). Лексические минимумы современного русского языка. М., 1985.
- Мусорин 2004 – *Мусорин А.* Основы науки о языке, 2 изд. Новосибирск, 2004.
- Никипорец-Тагикава 2004 – *Никипорец-Тагикава Г.* Языковая норма в постсоветской социокультурной ситуации // В.Красных, А.Изотов (ред.). Язык, сознание, коммуникация, т. 26. М., 2004.
- Общественное мнение 2006 – Институт исследования общественного мнения Общественное мнение, опрос, 16.03.2006, <http://bd.fom.ru/report/cat/humdrum/leisure/tb061112>
- Павлов 2000 – *Павлов Г.* Коррозия родного языка // Литературная газета – Юг России, 13 (2000).
- Перловский 2003 – *Перловский Л.* Сознание, язык и математика // Звезда, 2 (2003).
- Перцов 2004 – *Перцов Н.* Возвратные страдательные формы русского глагола в связи с проблемой существования в русской морфологии // Вопросы языкознания, 4 (2004).
- Петров и др. 1983 – *Петров Ф. и др.* (ред.). Словарь иностранных слов, 10 изд. М., 1983.
- Подольян 2000 – *Подольян І.* Національна специфіка семантики фітонімів в українській, англійській та німецькій мовах (контрастивний етно-

- психолінгвістичний аналіз). Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Київ, 2000.
- Полиниченко 2004 – *Полиниченко Д.* Концепт ‘язык’ в английской паремологии // В.Красных, А.Изотов (ред.). Язык, сознание, коммуникация, т. 26. М., 2004.
- Полищук 1999 – *Полищук В.* О некоторых трудностях и условиях успешности американо-иноязычной межличностной коммуникации // В.Красных, А.Изотов (ред.). Язык, сознание, коммуникация, т. 17. М., 1999.
- Потапов 2000 – *Потапов В.* Попытки пересмотра гендерного признака в английском языке // А.Кирилина (ред.). Гендер как интрига познания. М., 2000.
- Прохвачева 2000 – *Прохвачева О.* Лингвокультурный концепт ‘приватность’ (на материале американского варианта английского языка). Волгоград, 2000.
- Пугачёв, Соловьёв 2000 – *Пугачёв В., Соловьёв А.* Введение в политологию, 3 изд. М., 2000.
- Радчук 2000 – *Радчук В.* Мова в Україні: стан, функції, перспективи // Українська мова та література, 6 (2000).
- Радчук 2002 – *Радчук В.* Українська мова в колі інших на зорі третього тисячоліття: перспектива розвитку // В.Радчук (ред.). Мовні конфлікти і гармонізація суспільства. Матеріали наукової конференції 28-29 травня 2001 року. Київ, 2002, http://www.novamova.iatp.org.ua/htm/radchuk/tum/lang_conf_29.htm
- Рацибурская 2004 – *Рацибурская Л.* Специфика словотворчества в современных СМИ // К.Галиуллин (ред.). Русская сопоставительная филология: состояние и перспективы. Казань, 2004.
- Розенталь 1972 – *Розенталь М.* (ред.). Философский словарь, 3 изд. М., 1972.
- Рождественский 1996 – *Рождественский Ю.* Хорош ли русский язык? // Литературная газета, 04.09.1996, <http://www.materik.ru/index.php?section=anal-tics&build=101&bulsectionid=9324>
- Рощина 2004 – *Рощина Ю.* Лексика, связанная с современными информационными технологиями, и процесс анализации русской грамматики // В.Красных, А.Изотов (ред.). Язык, сознание, коммуникация, т. 28. М., 2004.
- Рубцова 2003 – *Рубцова Е.* Русский характер // Интернет-страница института исследования общественного мнения ROMIR Monitoring, 2003, http://rmh.ru/docs/Russian_ch.doc
- Румянцева 1995 – *Румянцева М.* Русские православные заимствования в английском языке США // В.Колесов и др. (ред.). Язык и этнический менталитет. Петрозаводск, 1995.
- «Русский сленг пора изучать как иностранный язык» 2003 – Русский сленг пора изучать как иностранный язык // Правда, 07.08.2003, http://news.pravda.ru/science/2003/07/08/52077_.html
- Рыбаков 2005 – *Рыбаков М.* Сопоставительно-типологическое языкознание. М., 2005.

- Семёнов 2003 – *Семёнов В.* Цивилизационное и культурное своеобразие России // *Обозреватель*, 9 (2003), http://www.nasledie.ru/oboz/09_03/9_03.htm
- Силич 2002 – *Силич Л.* Социальные функции массовой культуры // *Культура народов Причерноморья*, т. 15. Симферополь, 2002.
- Скляревская 2001 – *Скляревская Г.* Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // *Исследования по славянским языкам*, т. 6. Сеул, 2001.
- Стеблецова 2004 – *Стеблецова А.* К исследованию национальных деловых коммуникативных культур // *Вестник Воронежского государственного университета. Филология, журналистика*, 2 (2004).
- Степанов 1997 – *Степанов В.* Редакционная подготовка изданий переводной литературы: конспекты лекций. М., 1997.
- Стернин 1996 – *Стернин И.* Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // *Н.Уфимцева (ред.). Этнокультурная специфика языкового сознания*. М., 1996.
- Стернин 2000 – *Стернин И.* Социальные факторы и развитие современного русского языка // *В.Кашкин и др. (ред.). Теоретическая и прикладная лингвистика*, т. 2. Воронеж, 2000.
- Стернин 2001 – *Стернин И.* Контрастивное исследование физического контакта и дистанции в русском коммуникативном поведении // *И.Лысакова (ред.). Русское и финское коммуникативное поведение*. СПб., 2001.
- Стернин 2002 – *Стернин И.* Немецкий язык в русском коммуникативном сознании // *В.Кашкин и др. (ред.). Теоретическая и прикладная лингвистика*, т. 3. Воронеж, 2002.
- Стернин 2005 – *Стернин И.* Толерантность и коммуникация // *Н.Купина, М.Хомяков (ред.). Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности*. М., 2005.
- Стефаненко 2004 – *Стефаненко Т.* Этнопсихология, 3 изд. СПб., 2004.
- Субетто 1999 – *Субетто А.* Россия и человечество на перевале истории в преддверии третьего тысячелетия. СПб., 1999.
- Тер-Минасова 2000 – *Тер-Минасова С.* Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
- Треблер 2004 – *Треблер С.* К характеристике русского национального языкового сознания // *М.Ремнева (ред.). Russian language: its historical destiny and present state. The Second International Congress of Russian Language Researchers. Moscow State University, Faculty of Philology. Moscow, 2004.*
- Троицкая, Шумилов 1999 – *Троицкая Е., Шумилов А.* Великий и могучий во дни тревог и сомнений // *Санкт-Петербургский университет*, 26 (1999).
- Туманова 2003 – *Туманова О.* Теоретические и прикладные аспекты языкового образования в логике кросс-культурного подхода // *Intercultur@l-net*, 2 (2003), http://www.vfnglu.wladimir.ru/Rus/NetMag/v2/v2_p066.htm

- Турунен, Харченкова 2000 – *Турунен Н., Харченкова Л.* Ассоциативный эксперимент как средство выявления картины мира у представителей разных культур // В.Кашкин (ред.). Русское и финское коммуникативное поведение, т. 1. Воронеж, 2000.
- Узилевский, Минакова 2001 – *Узилевский Г., Минакова М.* К проблеме оснований антропологической парадигмы языкознания (фразеология как средство сопоставительного анализа менталитета разных народов) // Материалы международного конгресса «Русский язык: исторические судьбы и современность». МГУ, 13-16.07.2001, http://www.philol.msu.ru/~rlc2001/abstract/files/stilist_sys.doc
- «Британским школьникам разрешили писать с ошибками» 2005 – Британским школьникам разрешили писать с ошибками // Утро, 136 (2005), <http://www.utro.ru/news/2005/05/16/438339.shtml>
- Уткин 2005 – *Уткин А.* Вызов Запада и ответ России. М., 2005.
- Ферм 1994 – *Ферм Л.* Особенности развития лексики в новейший период (на материале газет). Уппсала, 1994.
- Фон Хайек 2001 – *Фон Хайек Ф.* Индивидуализм и экономический порядок. М., 2001.
- Чубайс 2000 – *Чубайс И.* Как преодолеть идентификационный кризис. Россия в XXI веке // Мир России, 2 (2000), http://www.hse.ru/journals/wrldross/vol00_2/chubais.htm
- Шаров 2002 – *Шаров С.* The frequency dictionary for Russian, Russian Research Institute of Artificial Intelligence, 2002, <http://www.artint.ru/projects/frqlist/lemma.num.zip>
- Швачко и др. 1977 – *Швачко К. и др.* Введение в сравнительную типологию английского, русского и украинского языков. Киев, 1977.
- Шмелёв 2002 – *Шмелёв А.* Идеи русской языковой картины мира и межкультурная коммуникация // Культура народов Причерноморья, т. 37. Симферополь, 2002.